АЛЕКСАНДР ФИНОГЕЕВ

... И ЖИЗНЬ,

И МОРЕ,

И ЛЮБОВЬ...

Рассказы

НИКОЛАЕВ

2009

Финогеев А.В. И жизнь, и море, и любовь.

Рассказы, 2009. – 460 с.

В своих рассказах автор, прослуживший врачом в рядах ВМФ более четверти века, продолжает свое повествование, начатое в сборнике рассказов «В те дни в морях дороги наши были» и в юмористической форме, с определенной долей реальности и фантазии, рассказывает о службе в Военно-морском флоте, Вооруженных силах СССР, жизни и делится своими мыслями.

Книга рассчитана на массового читателя.

Финогеев А.В.

Редактор:Финогеев П.А.

Корректор:Липатникова С.В.

Дизайн и верстка:Финогеев П.А.

Материалы публикуются в соответствии с оригиналами, поданными автором.

©Финогеев Александр Витальевич, 2009.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМ ВНУКАМ,

ЕГОРУ и ЗАХАРУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Было уже довольно поздно, когда раздался телефонный звонок. Подошла, естественно, жена, полагая, что звонят только ей.

- Саша, это тебя, - позвала она недовольно.

- Кто?

- Не знаю. Какая-то женщина. Она не представилась.

Для врача поздние звонки, что серпом по пальцу. Значит, что-то случилось и надо ехать оказывать помощь.

- Слушаю вас, - подчеркнуто строго произнес я.

- Александр Витальевич?

- Да, это я.

- Это Людмила Александровна.

Мозг моментально, в усиленном темпе стал перелистывать страницы жизни, стремительно выискивая в ней всех Людмил, да еще и Александровн.

- Я заведующая библиотекой, - она назвала номер, - Вы автор рассказов: «В те дни в морях дороги наши были»?

- Да, я, - мои щеки от гордости порозовели, сердце учащенно застучало.

- Мы бы хотели, с вами встретится и провести читательскую конференцию.

Я был слегка обескуражен.

- Что-что? – глупо спросил я.

- Провести читательскую конференцию, - повторила она, - Вы не возражаете?

- Мою книгу читают? – снова задал я идиотский вопрос.

- Да. И причем очень активно. Так вы согласны?

Сердце забилось еще неистовее, выбрасывая из желудочков адреналин радости и счастья.

-Да. Конечно. Как я могу отказать своему благодарному читателю? Это было бы глупо с моей стороны. Когда вы планируете провести это мероприятие и куда мне подойти?

Женщина назвала дату и адрес и, пожелав спокойной ночи, повесила трубку.

- Кто звонил? – не отрываясь от вязания, спросила жена.

- По поводу моей книги хотят провести читательскую конференцию.

- С тобой лучше не разговаривать. О чем не спросишь, вечно услышишь дурацкие шуточки. Что, трудно ответить?

- Я говорю вполне серьезно. Народ хочет познакомиться с новым дарованием, – настроение, как вода после паводка, возвращалось в свое родное рабочее русло.

Я лег в кровать и стал читать книгу. Мысли, роившиеся в голове, мешали сосредоточиться,

строчки бегали перед глазами, смысл прочитанного не улавливался.

- И где это будет? – спросила жена. Видно неоконченность разговора не давала ей покоя.

Я ответил.

Она еще молчала минут двадцать.

- Я тоже туда пойду. Посмотрю, кто читает твой бред.

Ничего не ответив, я погасил над кроватью свет, повернулся к стенке и попытался уснуть. Удалось это с большим трудом. Всю ночь зудела спина. Видно Пегас своими копытами готовил место для крыльев Славы.

Через две недели, слегка волнуясь, я ехал на встречу с читателями. Хотя, если сказать честно, страх, стыд и, частично, совесть я потерял давно. Но неизведанность всегда тревожит душу. Это чувство знакомо каждому. Будь то первая женщина, первая рюмка, первое «прости», первое «нельзя». С другой стороны, не на расстрел же иду. А выступать я очень люблю. Хлебом не корми, дай слово молвить.

Жена со мной не пошла, сославшись на занятость. Отчего-то не захотела искупаться в лучах моей «славы».

Войдя в библиотеку, я поздоровался и представился.

- Проходите, пожалуйста, в читальный зал. Вас ждут, – сказала библиотекарь, подобострастно привстав.

Я вошел и обомлел. Из семнадцати присутствующих, пятнадцать были женщины, довольно взрослого возраста

Заведующая библиотекой, Людмила Александровна, женщина лет сорока, в светлой блузке и длинной темно-синей, в белый мелкий горошек, юбке, выглядела весьма импозантно. Ее дорогие духи действовали на меня расслабляюще. Она посадила меня за стол, представила и попросила рассказать о себе.

Коротенько поведав свою, не испещренную подвигами биографию, я решил выступить на этой конференции не в роли школьника, сдающего неподготовленный экзамен, а самому быть строгим экзаменатором.

- Дорогие мои читатели! – начал я, - Прежде чем услышать от вас первый вопрос, мне хочется познакомиться с вами поближе. Во-первых, меня немного шокирует состав участников конференции, – дамы очень строго ощупывали меня лучами своих глаз, – Я вижу, что подавляющее большинство из вас – женщины, на которых, собственно говоря, книга не рассчитывалась. Чтобы понять военного, нужно, хотя бы один раз, надеть на себя шинель, противогаз, автомат и

исполнить роль часового с нулей часов до четырех утра. Ну вот, скажем, кто-то из вас написал книгу о швеях, которые изо дня в день по восемь часов в сутки кроят, шьют и делают еще сотни, понятных только им, операций, о которых мужчины даже не подразумевают. Если я, к примеру, возьму в руки эту книгу, то непременно дочитаю ее до конца, ибо никогда не бросаю на середине начатое дело. А другой отложит ее на второй странице или, как и я, многое в ней не поймет. Потому как эта книга женская. А моя мужская, причем с явно выраженным характером. Нет, мне чертовски приятно, что столь почтенная публика заинтересовалась моим творчеством, ибо, если оценила женщина, значит, оценил и Бог. А теперь, - я готов выслушать вас и ответить на все вопросы.

Людмила Александровна, сидевшая рядом со мной, томно опустила в знак благодарности длинные ресницы и, выйдя из-за стола, встала вполоборота ко мне. Ее привлекательные формы рассеивали мое внимание и отвлекали от цели посещения данного мероприятия. Женщины всегда чувствуют произведенное ими на мужчин впечатление. Но если честно признаться, они сами притягивались ко мне, как металлическая стружка к магниту, причем, как те, которым я отдавал предпочтение, так и другие, на кого это внимание я не обращал. Почему, объяснить не могу. Видно

какой-то мой внутренний магнетизм толкал их на меня для совершения необдуманных поступков.

Сквозь рассеянное внимание до меня доносились обрывки ее речи: «… приятно, что вы нашли время», «… несмотря на специфичность изложенного материала, книга нашла своего читателя», «…искрометность юмора», «… холодность и, даже, неуважительное отношение к женщинам», «… политические органы описаны, как враги социалистического строя», «… нельзя не отметить…», «… хотелось бы понять…». Ее грудь взволнованно поднималась, а щеки алели пионерским задором. Она поворачивалась ко мнето боком, то задом, подчеркивая тем самым свою чудесную талию, округлость форм и все остальное, что обычно ценят мужчины. Окончив свою плавную речь, она снова томно опустила веки и села рядом со мной.

- Прошу, товарищи! Какие вопросы у вас будут к Александру Витальевичу?

Вопросы посыпались как из рога изобилия. Они касались буквально всего: и женат ли я; и испытывал ли я такое чувство, как любовь; и почему имея столь благородную специальность, я допускаю в своих рассказах ненормативную лексику; не хотел ли я, находясь за границей, остаться за рубежом…

В завершении этой полуторачасовой конференции наконец-то задали последний вопрос, - Ваши творческие планы?

Поднятый крылами Славы или собственным величием, окрыленный присутствием слабого пола, я отвечал на все их вопросы с такой легкостью и задором, а, главное, без ненормативной лексики, что их сердца растаяли, желчь нейтрализовалась, а на лицах появились улыбки. А после слов, что я уже пишу вторую книгу, аудитория громко зааплодировала.

И вот, дорогой читатель, ты держишь эту книгу в руках. Тебе и для тебя она. Новая встреча с тобой - это великое счастье!

ДРУЖБА

У каждого человека есть любимая вещь, память о которой он хранит всю свою жизнь.

Среди сотен игрушек ребенок выбирает только одну, единственную. Ей он отдает всю свою душу, всю свою любовь, с ней делится мыслями, ей доверяет тайны и любит на протяжении всей жизни. Бывает и такое, что хранит ее до самой старости и затем передает в надежные и ласковые руки внуков.

В моей длинной флотской биографии было много кораблей. На одних я ходил по морям и океанам. Другие готовил к выходу в большое плавание. Из этого множества я любил и люблю до сих пор только один, - эскадренный миноносец «Благородный».

С этим кораблем связан довольно большой этап моей жизни. Шесть лет мы были связаны с ним одной судьбой. Вмести бороздили морские просторы, стреляли, ставили мины, следили за вероятным противником, искали подводные лодки, оперировали и выполняли еще тысячу всяких задач, которые ставило перед нами высокое командование. Вместе с ним мы радовались рождению моего второго сына и горько оплакивали смерть моей мамочки, блевали желчью в жуткие шторма и шумно веселились в минуты редкого отдыха. За это время мы полюбили друг друга. Я постоянно чувствовал твою любовь и отдавал тебе свою.

Мы с тобой были настоящими моряками, хотя и считается, что курица не птица, а доктор не моряк. Ведь в морях у нас тобой прошли годы, за бортом остались тысячи миль, на берегу же -находились считанные часы.

И вот пришел приказ о переводе меня на другой корабль. Приближалось время нашего с тобой расставания.

Мне очень хотелось что-то взять у тебя на память. Но такое, чтобы взглянул и заплакал.

У меня есть твой военно-морской флаг, который бережно лежит в шкафу. В день Военно-морского я достаю его и нежно целую. Он хранит память о тех днях, когда в морях дороги наши были.

Но мне еще хотелось чего-то такого, чего нет, и не будет, ни у кого на свете. И я задумал совершить преступление, - украсть рынду – корабельный колокол, старинной вязью на котором написано «Благородный».

Представить себе такое, практически невозможно. На корабле украсть рынду!!! Это почти ограбление века!

Я ходил вокруг нее, трогал холодную медь руками, пробовал на вес (а весила она, наверное, все пятьдесят килограмм) и сосредоточенно думал, как ее незаметно снять и вынести с корабля.

Но … Преступление века в одиночку не делают. Посвящать кого-либо в такое мне не хотелось. Ведь за это можно угадить и за решетку. А кто за нее хочет?

Так мы и расстались. Но память о тебе, мой дорогой, мой любимый корабль, мой эскадренный миноносец «Благородный», живет в моем сердце до сих пор.

А ты не вынес долгой разлуки со мной. Через три года взял и от тоски сгорел. Сгорел полностью.

Царствие тебе Небесное, мой дорогой. Я всегда помню о тебе. Помню и люблю.

И помнить буду.

И дети мои тебя помнят.

И внукам о тебе расскажу.

ОТПУСК

Вася Стельмах, командир ракетно-артиллерийской боевой части большого противолодочного крейсера, наконец, приехал в отпуск на родину. В родном доме он не был семь лет, с тех пор как, похоронил мать. Служба, семейные, квартирные и, просто, житейские проблемы засасывали его все глубже и глубже. Но наконец, плюнув на все, он собрался и приехал.

На вокзале его встретил отец, седовласый, слегка сгорбленный тяжким крестьянским трудом, но еще крепкий и сильный мужчина. Они обнялись и долго стояли так, прижавшись, друг к другу. Каждый украдкой смахивал с глаз накатившиеся слезы встречи.

Положив в телегу чемодан, Василий уселся рядом с отцом на положенную поперек телеги доску и взял в руки вожжи. Сразу прошлое осталось где-то далеко позади, а картины уже забытого детства всплывали перед ним с каждым неторопливым

шагом лошади, важно помахивающей в такт движения головой и, тряся рыжей гривой. Было ощущение, что все это он видит и слышит впервые: и налитые солнцем тугие пшеничные колосья, звонко переговаривающие друг с другом, и порханье разноцветных бабочек, и невидимые трели жаворонка, и стрекотание кузнечиков. Он чувствовал, как сила, здоровье, молодость и душевный покой мощным потоком врываются в его, начинающее дряхлеть, тело. От такого прилива радости, тепла и счастья Василий широко раскинул руки и прокричал в бездонное небо, - Хорошо-то как, батя! – он обнял отца и поцеловал в плохо выбритую щеку.

Въехав в село, Стельмах вновь погрузился в воспоминания детства. Вот по этой широкой пыльной дороге они с Петькой Спиридоновым гоняли на велосипеде, а на том дереве еще висит скворечник, который он прибил, учась в девятом классе, вон окно агронома, в которое угодил мячом, за что отец выпорол его ремнем. Редкие прохожие останавливались и, кланяясь, желали здравия.

- Васька в отпуск приехал, - говорил всем отец, снимая фуражку, отвечая поклоном.

Пять дней Василий отсыпался, отходя от суеты корабельной жизни. Потом бродил по полям и лесам, купался в речке, загорал, удил рыбу, помогал по хозяйству отцу. Не велик труд бросить курам

зерна или принести из колодца пару ведер воды. По приезду часто заходили школьные товарищи, но Василий почти не пил (в молодые годы этим перенасытился) и они вскоре потеряли к нему всякий интерес. Вечерами с отцом они долго сидели во дворе под березой, что росла возле дома и пили из самовара чай. Василий рассказывал о флоте, Севастополе, жене, детях.

Отец слушал не перебивая, кивал головой, корил сына, что не привез к деду внуков погостить. О себе говорил мало и с неохотой. Мол, работаем, живем, стареем. И село стареет. Молодежь все больше по городам разъезжается. Скоро и жить здесь будет некому.

Через пару недель Василий перенасытился отдыхом, заскучал и стал подумывать об отъезде. Перемену в настроении сына заметил и отец. За традиционным вечерним чаем, он поднял голову и как бы, между прочим, сказал, - Сынок, ты помог бы мне спилить березу. Толку от нее никакого нет. Пол огорода затеняет, ничего не растет. И крыша начинает протекать. Да и дрова мне на зиму будут.

Идея Василию понравилась. Заснувшая энергия начала пробуждаться.

На следующий день он собрал знакомых мужиков, поставил задачу и пообещал за это хороший магарыч.

- Только пилить нужно аккуратно, чтобы крышу не повредить.

- Василий Савельевич, этому нас учить не надо. Ты там, на флоте командуй, а здесь мы сами разберемся. Чай такое нам не впервой. Все будет «хоккей». Не переживай.

Пилить решили в субботу.

В шесть утра начал подтягиваться народ. Пришло семнадцать мужиков, не считая женщин, стариков и детей. Всем интересно. Не каждый день городской сын, а тем более моряк, приезжает помогать отцу. Многие принесли с собой пилы, топоры и веревки.

Поначалу долго совещались. Решали, как и с чего начать.

Василий не мешал. Работать он не умел, а точнее, давно разучился. Вот поставить задачу и проверить качество выполненной работы – это да. Это его.

Отец же беспрестанно суетился. Бегал, что- то кричал, но ему напомнили, что его давно ждут на ферме и он с большой неохотой уехал. А то шума много, а толку никакого. Пусть, мол, не мешает и занимается колхозными делами.

Наконец каждый получил свою роль. Все знали, чем и как ему заниматься.

- Василь Савелич, - к Василию подошел старший всей этой оравы, - работа большая. Надо бы слегка

здоровье поправить. Выпить, так сказать, за успех нашего мероприятия. Ты как на это смотришь?

Василий на это не смотрел никак. Но пошел и принес бутылку водки.

- Э, так дело не пойдет. Смотри нас сколько. Тащи пару литров. И работать веселей будет.

Стельмах опять сходил в дом, вынес еще три бутылки, краюху хлеба и помидоры с огурцами.

- Вот это уже лишнее, - указал старший на закуску, - Мы не пить пришли, а работать.

Однако пили дольше, чем совещались. Но и водка имеет свойство заканчиваться. Надо было приступать к работе.

- Савелич, может еще по рюмочке? Уж больно она хорошо пошла, – осторожно спросил главный.

- Хватит, - раздраженно изрек Василий, - Сделайте сначала дело, а потом хоть по две. Ему все это уже начинало не нравиться.

- Ну, ладно, начнем помолясь, - ехидно произнес старший, - Кто там с пилами, забирайтесь наверх. И веревки не забудьте закрепить.

- Мужики, вы там поаккуратней, - Василий попытался войти в дело.

- Вот что Савелич, ты на флоте будешь командовать. А мы уж тут как-нибудь сами справимся. Не мешайся под ногами. Иди в дом, телевизор посмотри. А мы как все сделаем, тебя позовем.

Чтобы напрасно не рвать сердце, он пошел в дом, включил, как ему посоветовали, телевизор и лег на диван. Шла передача «Очевидное и невероятное». За окном слышались крики, возня, мат, короче все то, что свойственно нашему человеку в период его интенсивной трудовой деятельности. Под шум этого многоголосья Василий задремал.

Его разбудил душераздирающий треск. Потом дом сильно качнуло. Оконная рама, разбрызгивая радужный свет от разбитых стекол, влетела в комнату вместе с огромным суком дерева. На улице полыхнула молния, а телевизионный кабель, покидая со свистом свое родное гнездо, увлек за собой телевизор, который упал и разбился вдребезги

- …твою мать – простонал в ужасе Стельмах, как ужаленный, подлетая к потолку. Выбежав на улицу, он от увиденного остолбенел. Его кучерявые, начинающие седеть волосы, вытянулись в жесткие струны. Голова сразу стала походить на воинствующего ежа. Тело мгновенно покрылось крупными каплями холодного пота, ноги сделались ватными, язык распух, заполняя ротовую полость, сердце замерло, стало трудно дышать. Василий пошатнулся и со всего маха рухнул на задницу. И было из-за чего.

То, что он увидел помутившемся взором, напоминало картину последствия атомного взрыва.

Береза, как и следовало ожидать, упала совершенно не туда, куда предполагалось, а аккурат на крышу дома. Отчего та провалилась до самого перекрытия. Большая ветка, зацепив антенну, сломала ее. Падая, дерево всей массой легло на электропровода, порвав их, как гнилые нитки.

Бригада старателей и зрители стояли в немом оцепенении, напоминая гоголевских героев в заключительном акте комедии «Ревизор». И только один, упавший вместе с березой, видно главный пилильщик, громко стонал от боли, да еще двое худых до безумия мужиков, все еще продолжали тянуть уже никому не нужные веревки.

Минут через пять Стельмах начал приходить в себя. Он сильно потряс головой, как бы отгоняя от себя весь этот кошмар, и медленно поднялся.

- Вы что ... - и здесь он выдал такую тираду отборного флотского мата, которого в этих краях не слышали со времени нашествия татаро-монгол на Русь. Двадцать минут он, таким образом, пытался объяснить присутствующим, как все плохо они сделали. Выдыхаясь, Василий в заключительной речи еще целях десять минут

указывал им светлый путь, по которому те должны долго и изнурительно идти.

Результат превзошел все ожидания. У беременной женщины начались схватки, двое детей начали заикаться, младенец впал в такую жуткую истерику, что был госпитализирован в районную больницу. Богомольные бабки резко поняли, что Бога нет и стали ярыми атеистками. Старый дед, прошедший горнило двух войн, от всего услышанного и увиденного непроизвольно оправился в штаны. Народ в ужасе бежал от эпицентра событий.

- Савелич, ты сильно не переживай, крышу мы поправим, - крикнул издали старший бригады лесоповала, спеша за удаляющейся толпой.

Оставшись один, Василий, красный, как клюква на болоте, в мокрой от пота рубашке, медленно обошел дом. Его снова затрясло.

- Отец! Его надо срочно перехватить. А то кондрашку получит. Тогда отсюда вообще никогда не уедешь. Будешь жить вечно, как в городе Зеро, - и он быстро пошел в сторону фермы.

На краю села, он увидел подводу отца и резко взял себя в руки, приняв беспечный вид.

- Васька, как дела? Березу спилили? – первым делом спросил отец.

- Спилили, батя.

- А ты куда направился?

- Решил тебя встретить.

- Тогда садись, до дома подброшу.

- Я знаешь, что подумал, - Василий решил любыми путями осуществить свой план, - Давай сначала в магазин завернем. Пожрать купим, выпить.

- Так дома все есть.

- Хочется посидеть на природе. Отпуск заканчивается. Когда еще такую красоту увижу?

У магазина стоял народ, обсуждая недавнюю трагедию. Увидев приближающихся отца с сыном Стельмах, всех сдунуло будто ветром.

- Куда это они? – удивился отец.

- Дела, - неопределенно ответил сын. – Батя, ты посиди тут, я мигом сбегаю, – Василию не хотелось, чтобы отец раньше времени с кем-нибудь встретился.

В магазине никого не было.

- Две бутылки водки, килограмм колбасы, булку хлеба, лимонад и селедку. Только побыстрее, - прокричал он с порога.

Перепуганная продавщица, ничего не взвешивая, побросала товар в кулек и подала Василию.

- Василий Савельевич, о деньгах не беспокойтесь, потом как-нибудь занесете.

- Спасибо, - кивнул он и пулей вылетел из магазина.

- Поехали батя в лес, к родничку. Дом, если честно, уже надоел. Природа есть природа. Посидим на воздухе, кислородом подышим.

- Да мне бы хотелось посмотреть ... - сопротивлялся отец.

- Успеешь еще, насмотришься. А тут такой случай подвернулся. Мне сейчас, как никому, хочется уединения.

Лес встретил их своей спокойной повседневной жизнью. Убаюкивающе шумела листва, деловито перекликались птицы, весело журчала вода в родничке.

Отец пьянел быстро. Василия же водка не брала.

- Ну, батя, вижу, что тебя разобрало сильно. Можно ехать. К батальным сценам ты уже готов.

- Может, посидим еще немного, сынок? Спасибо, что привез меня сюда. А то я и забыл, когда в лесу-то был.

- Нет, нет, - запротестовал Василий, - надо ехать. Самое время. Уже и темнеть начинает. Дома поспишь, если конечно сможешь, - добавил он шепотом.

Конь медленно брел домой. Дорогу туда, он знал, как свои четыре копыта. Отец всю дорогу дремал.

К дому подъехали в сумерках. Василий резво спрыгнул с телеги, - Просыпайся батя, приехали. Давай помогу, а то еще упадешь.

Отец с трудом спустился на землю. Его мутный взгляд уперся в дом.

- Васька, что это?

- Батя, ты что забыл, сегодня же березу спилили. Ее еще не успели убрать.

- А с крышей что?

- А с крышей… - Василий старался говорить беспечно, - Ее завтра поправят. И свет починят, и антенну поставят, и березу на дрова попилят. Пойдем в дом, поздно уже. Спать надо. Утро вечера мудренее.

Чуть свет отец растолкал сына.

- Василий, ты, наверное, езжай-ко домой, а я тут как-нибудь сам управлюсь. Работы много. Ты будешь только мешать.

Сын спорить не стал, молча, собрал чемодан и пешком пошел на вокзал.

Перед уходом они обнялись.

- Прости, отец. Наделал я тебе делов. Я на комоде положил пятьдесят рублей. Больше, извини, у меня сейчас нет. Позже вышлю.

- Ну, давай, иди, иди. Извини если, что не так, – отец прослезился.

Через два месяца Василий получил от отца письмо:

«Васька, здравствуй! Пришли мне, если можешь, хотя бы рублей сто. Крышу мужики кое-как поправили, но она течет. Осень уже. Дожди идут

каждый день. Надо купить шифер. Свет, слава Богу, есть. Взял в рассрочку маленький телевизор. Показывает хорошо. Раму новую поставил и застеклил. Так что с этим все нормально. Председатель колхоза помог. Спасибо ему. Хороший человек. С пониманием.

Березу попилил. Дров на зиму теперь хватит. Дед Иван, если его помнишь, новую трубу сложил и трещину в печи заделал. Теперь печка не дымит.

Васька, ты пока не приезжай. Наши мужики больно на тебя сердиты. Не дай Господь, побьют еще.

Передавай привет детям своим и супруге.

Извини меня, если что не так написал.

До свидания. Бывайте.

Отец Савелий».

Василий долго сидел за столом, грустно и отрешенно глядел куда-то вдаль. Затем устало поднялся, надел плащ.

- Что пишет отец? – спросила жена.

- Все нормально. Привет передает, - о своих приключениях в отпуске Василий никому не рассказывал. Было стыдно и неудобно.

- Ты это куда собрался? – поинтересовалась супруга.

- Сейчас приду, - ответил Василий и хлопнул дверью.

В сберкассе он снял с книжки триста рублей и «молнией» отослал их отцу.

Больше он на родину не ездил.

Нет, мужиков он не боялся. Он сам мог, кого угодно порвать в клочья. Просто было совестно и перед отцом, и перед односельчанами. И опять же, служба, семейные, квартирные и, просто, житейские обстоятельства.

ШУТКА

Слава Гриднев сидел в каюте и, от усердия высунув язык, сосредоточенно заполнял Журнал боевой подготовки радиотехнической службы. В дверь каюты постучали, и вошел рассыльный.

- Что тебе? – не отрывая головы, спросил Гриднев.

- Товарищ лейтенант, вас командир к себе вызывает.

- Зачем?

- Не знаю.

- Хорошо. Иду.

Положив документ в сейф, Гриднев надел фуражку и вышел из каюты.

- Разрешите, товарищ командир. Лейтенант Гриднев по вашему приказанию прибыл.

- Гриднев, - командир широко улыбнулся, - скажи честно, ты старшего лейтенанта хочешь получить?

- Так точно, - гаркнул Вячеслав, со дня на день, ждущий приказа командующего о присвоении ему очередного воинского звания.

- Очень хорошо, - снова улыбка осветила командирское лицо, - Тогда вот тебе документы. Отправляйся в комендатуру и получи там старшего лейтенанта, - он сделал паузу, - Суркова, задержанного в городе в пьяном состоянии.

Лицо Гриднева удлинилось.

- Тебе что-то не понятно?

- Все понятно, товарищ командир.

- Тогда, вперед. Только по дороге из комендатуры не нажритесь оба. А то в лейтенантах будете долго ходить. По прибытию на корабль, оба ко мне.

Гриднев вышел. Секундная радость рассеялась как сон. Он переоделся и пошел в комендатуру.

По крайней мере, это лучше, чем сидеть на корабле.

СОТРЯСЕНИЕ

Начальник радиотехнической службы лейтенант Боря Мишин робко вошел в кают-компанию. Обед был в разгаре.

- Разрешите? Приятного аппетита, - пролепетал он.

- Мишин, почему опаздываете? Вас что, распорядок дня не касается? Может мне для вашей персоны обед задерживать? Пусть офицеры лейтенанта подождут. Так получается? – старпом, наконец, нашел время для воспитательной работы.

- Товарищ капитан-лейтенант, я в посту был.

- Что же вы там делали? С моряками водку пили?

Мишин краснеет.

- Никак нет. Проводил тренировку с расчетом БИП.

Присутствующие за столом с интересом следили за ходом дуэли, где один вооружен до зубов, а другой безоружен вовсе. У многих уже прошли те времена, когда они находились точно в таком же положении, но эту школу флотской молодости помнят до сих пор.

- Во время «Малой приборки»? Это что-то новое на флоте. Придется мне у вас принять зачет по корабельному распорядку дня. Готовьтесь. До вечернего доклада у вас есть четыре часа. Напоминаю, лейтенант, что вечерний доклад у нас, как и на всем Военно-морском флоте, в семнадцать ноль-ноль. Понятно?

- Так точно, - еле слышно мямлит Мишин. Его рубашка, плотно обтягивающая рыхлое тело, быстро становится влажной.

- Приглашаю к столу, - добреет, наконец, старпом.

- Есть, - заученно произносит Мишин и преданно, по-собачьи, глядя на начальника, начинает движение.

Но, за одной неприятностью всегда следует другая. На его пути встает пиллерс, чугунная труба, стоящая посредине кают-компании, архитектурно поддерживающая подволок. Сделав очередной шаг, Боря резко поворачивает голову и ... они встречаются. Тихо ойкнув, Мишин, зажав лицо руками, сползает на палубу. Тут уже не до обеда. Все срываются со своих мест.

Вся левая половина его детского, наивного лица сразу распухла и стала напоминать перезрелый персик, глаз заплыл, на лбу красовалась огромная шишка. Лицо излучало мертвенную бледность с крупными каплями холодного едкого пота. Глазные яблоки бегали из стороны в сторону, подтверждая наличие сотрясенного мозга в черепной коробке лейтенанта.

- Боря, вставай тихонечко. Ты без приключений не можешь, - доктор приподнял его за плечи, - Пойдем, брат, в лазарет. Будем лечиться.

Они медленно побрели к выходу.

- А обед? Я есть хочу! – вдруг вскрикивает Мишин.

Кают-компания взорвалась смехом.

- Пошли, уже. При твоей комплекции можно месяц в рот ничего не брать. Вестовой, - крикнул доктор, - через час принесешь ему обед в лазарет.

Через неделю начальник РТС самостоятельно и, главное, без опоздания, пришел в кают-компанию на обед. Его отечное лицо было раскрашено всеми цветами радуги. Левый глаз стыдливо выглядывал из узкой прорези. Картина, которую он собой представлял, выглядела жутко.

Командир колобком вкатился в салон кают-компании.

- Товарищи офицер! – гаркнул старпом.

- Товарищи оф… - командир запнулся, увидев лицо Мишина, - Где доктор?

- Я здесь, товарищ командир.

- Что это? – он ткнул пальцем в сторону начальника РТС.

- Краски травмы всегда безрадостны, - невозмутимо ответил начмед.

- Вы на все реагируете неуместными шутками. Почему он здесь в таком виде?

- Человек пришел на обед. Состояние здоровья позволяет ему выполнять свои функциональные обязанности. Современные методы лечения еще бессильны за столь короткий срок рассосать гематому. Время в скором времени все поправит.

- Так он еще болен?

- Только душевно. Как и все мы, скорбящие о его здоровье. Физически, повторяю, он здоров.

- У вас на все есть готовый ответ, - командир заметно накаляется, - Вы не пробовали книги писать?

- Нет еще, товарищ командир. Не хватает времени. Большое место в моем теперешнем творчестве занимают конспекты к политическим занятиям, глубокое изучение классиков марксизма-ленинизма и написание протоколов партийных собраний и партийных бюро.

Напоминание доктора о своей принадлежности к партийной элите несколько снизили командирскую страсть.

- А почему вы мне об этом не докладываете? – никак не может угомониться командир.

- О чем? О том, как пиллерс столкнулся с лицом Мишина, я вам докладывал. О сотрясении головного мозга последнего, вы тоже знаете. Факт полученной травмы зафиксирован в журнале регистрации травм, амбулаторном журнале, истории болезни и медицинской книжке офицера. Лечение проводилось. А то, что вы видите на лице, - далекое последствие этого соприкосновения. Синяк – не повод для увиливания от служебных обязанностей. Во всем остальном он здоров.

- Хорошо, - командир напыщенно сопит, - Мишин, как вы себя чувствуете?

- Нормально, товарищ командир.

- У вас к доктору претензии есть?

- Никак нет.

- По-моему, доктор к себе тоже никаких претензий не имеет. Причем никогда. А остальные не сознаются. А вдруг под скальпель попадут. Так?

- Так точно. Милости и пощады не будет никому.

- Ну, это шутка, как я понимаю, - командир нервно улыбается, - Мишин, - вновь обращается он к начальнику РТС, – до тех пор, пока у вас не сойдут синяки, принимать пищу будете в каюте. Старпом распорядится об этом. Понятно?

- Так точно.

- Идите. Всех остальных приглашаю к столу. Приятного аппетита.

ЧУШЬ

Утренний «Большой сбор» - это целый флотский ритуал.

Вначале производится проверка личного состава. Без нее нельзя. Не дай Бог, если кто-то утонет, сбежит или еще что-то в этом роде.

Затем – подъем Военно-морского флага. После этого командиры боевых частей и начальники служб проводят разбор происшествий за ночь и инструктируют личный состав перед проворачиванием оружия и технических средств.

После этого весь экипаж строится на юте. Именно здесь командир, замполит и старпом спускают из себя в атмосферу накопившейся утренний пар. Иногда этого пара бывает так много, что его токсичность к концу построения начинает выедать глаза. Замполит играет здесь роль буфера. Ругаться матом ему запрещает марксистско-ленинская идеология. Но, тем не менее, он не мешает это делать другим. Когда же он начинает свою длительную, монотонную работу с мозгами, начинаешь понимать лаконичность матерного языка. Ибо акт с центральной нервной системой гораздо болезненнее простого, родного, доступного и понятного сотрясания воздуха.

Получив первый оргазм, начальники отпускают личный состав и оставляют офицеров и мичманов. Повторяется все то же самое, но на более высоком уровне. Кончив с мичманами, оставляют офицеров. И на закуску проводится аналогичная работа с командирами боевых частей. Сим завершается этот экзальтированный ежедневный процесс, именуемый «Большой сбор», длящийся час и более, до боли в ногах, до дрожи в коленках. В подобных условиях мозг отказывается понимать происходящее, наступает запредельное торможение.

Мичманов уже отпустили, когда на шкафуте появился лейтенант Воронин, командир машинно-котельной группы.

- Где вы были, товарищ лейтенант? – командир увидел новую жертву для разбирательства. Стоящие в строю офицеры, чувствуя сердцем, что построение затянется еще, как минимум, минут на тридцать, с ненавистью смотрели на незадачливого офицера.

- Я во второй машине был. Проверял, что сделано, - преданно глядя в командирские глаза, нагло врет он.

Лейтенант, - командир багровеет,- вы только службу начинаете, а уже научились обманывать старших. Вы сегодня на себя в зеркало смотрели? У вас след от подушки еще не отошел. Устроили здесь для себя курорт. Я вынужден вас наказать.

Воронин начинает плести о том, что ночью он руководил ремонтными работами по замене подшипника, что закончили работу в пять утра и что сейчас он заходил проверить, все ли в порядке.

- Вы сами верите в то, что мне сейчас плетете? Знали бы вы, какую чушь сейчас порете?

- Так многие это знают, товарищ командир, - не выдерживает доктор.

- Что знают? – отвлекается на начмеда командир.

- Какую чушь он порет.

В строю раздается смешок.

- Что вы мелете? Какую чушь?

- Ту, что живет на улице Героев подводников.

Воронин красный как рак, сводит к переносице брови и делает трубочкой губы.

Смеются уже все, даже замполит, который не позволяет себе таких вольностей перед подчиненными.

- Отставить смех. Смирно! – командует командир, - Лейтенанту Воронину за опоздание в строй, объявляю «Выговор». Вам, доктор, за разговоры в строю делаю замечание. Разойдись! Всем на свои командные пункты руководить проворачиванием оружия и технических средств. Доктор, подойдите ко мне. Про какую чушь вы говорили? Все смеялись, а я ничего не понял.

- Анекдот такой есть. Про Штирлица, который порол чушь, а та кряхтела от удовольствия.

Командир натянуто смеется.

- А причем тут улица Героев подводников?

- Да это, просто к слову сказано.

- У Воронина там женщина живет? – не унимается командир.

- Откуда я знаю, - доктор начинает дергаться, - Просто сказал, что пришло на ум. Он же со мной не делится. А мог бы, - натянуто улыбается начмед.

- Нет, что-то ты от меня скрываешь. Командир должен знать все.

- Все, товарищ командир, нельзя знать. А то быстро состаритесь. Мы привыкли вас видеть молодым.

- Ладно, иди. Мало я тебя наказал.

- Почему?

- Вот и я думаю, почему? Иди уже, а то накажу строже.

РЕЦЕПТ

Светские разговоры на корабле ведутся, как правило, только за обедом, когда присутствуют все офицеры. При командовании говорят о возвышенном. Но когда оно уходит решать государственные проблемы, все резко опускаются на землю.

Эдуард Хайкин, начальник радиотехнической службы, чем-то отдаленно напоминал лермонтовского Печорина. Та же надменность, холодность, педантичность. Слегка вьющиеся светлые волосы, прямой нос, усы, закрученные по-гусарски и ямочка на подбородке, делали его неотразимом для представительниц слабого пола. При разговоре он всегда жестикулировал руками и глубокомысленно втягивал в себя воздух через щель между верхними зубами.

- Доктор, - Хайкин многозначительно втянул воздух и вилкой начертил в воздухе восьмерку, - вы у нас на корабле высокообразованный человек, (доктор и начальник РТС жили в одной каюте и знали друг о друге практически все), академию закончили, книги умные читаете, стихи пишите. Вас даже замполит не трогает, а если и трогает, (вновь втягивание воздуха и восьмерка, но уже хлебом), то одевает защитные перчатки, чтобы не отравиться. Вас многие уважают…

Кают- компания с интересом ждала развязки словесной дуэли двух начальников, - радиотехнической и медицинской служб.

- Я извиняюсь, что прерываю ход ваших мыслей. Только ради Бога не потеряйте нить своего суждения. Мне, Эдуард Маркович, хочется только уточнить одну деталь. Вы сказали, что меня уважают многие. Значит, не все? Если вас не затруднит, перечислите фамилии этих подонков, кто за пазухой держит приготовленный для меня камень, - доктор выжидающе замолчал.

- Нет-нет, я оговорился. Конечно же, вас уважают все. Ведь никто не знает, кто следующий ляжет под ваш скальпель.

- Благодарю вас. Вы успокоили мое сердце, душу и нервы, растраченные бессмысленными построениями. Продолжайте, будьте любезны.

- Доктор, короче, у моей жены перхоть. Перепробовали все, ничего не помогает. Флотская медицина что-то может подсказать по этому поводу?

- Мне нужно кое-что для этого уточнить. Но прошу быть со мной предельно честным и откровенным. Договорились?

- Ну...

- Ты жене изменяешь?

- Да, - непонимающе, но с достоинством ответил Хайкин,

- Часто? – продолжал допрос доктор.

- По-разному бывает. Тебе-то это зачем?

- А то, что у твоей жены не перхоть, а опилки.

- Какие опилки? Ты что, доктор, бредишь?

- Ну, сам пойми. Не будет же она ходить по городу с рогами, которые ты ей наставил? Во-первых, это неудобно, а во-вторых, все начнут смеяться. Поэтому она вынуждена каждое утро их спиливать. А костные опилки вымываются плохо. Вот от этого и создается иллюзия перхоти. Ответить тебе тем же она не может. Постольку поскольку нравственно тебя выше. Потом она занята воспитанием двух, зачатых от тебя детей. Что же в этом случае может ей помочь? Только образцово-показательное ваше поведение. Никакой аморальщины и полное восстановление семейных отношений. Об этом гораздо лучше мог бы сказать заместитель

командира корабля по политической части. Жаль, что мы его сейчас не можем услышать.

Всеобщий смех прерывает дискуссию. Хайкин тоже смеется, но как-то натянуто.

В кают-компанию вновь входит командир.

- Что это у вас так весело? – интересуется он.

- Доктор дает Хайкину рецепт от перхоти, - отвечает старпом.

- Ну, ну, и я послушаю.

- Я вам лучше запишу, товарищ командир, а то забудете, и не будет эффекта.

Смех снова покрывает кают-компанию.

- Хорошо, доктор, зайдешь, расскажешь. А то у меня тоже бывает перхоть.

От дикого хохота многие сползают под стол.

Ничего не поняв, командир выходит.

- Доктор, - не унимается Хайкин, - а у твоей жены перхоть бывает?

- Я на такие мелочи внимание не обращаю. И вообще, время обеда давно закончилось. Пропускать из-за тебя послеобеденный сон я не собираюсь. Всем приятного аппетита.

Доктор направился к выходу. За ним потянулись все остальные.

РЕАЛИЗОВАННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Лейтенант Михайлов шумно вошел в амбулаторию и, упав на кушетку, простонал, - Доктор, положи меня в госпиталь.

-У тебя что-то болит?

- Душа.

- Не густо. Для госпиталя это явно маловато. У нас замполит специалист по душам. Сходи, облегчись. А что случилась?

- Мне нужно в Питер.

- Не плохое желание. Я бы тоже слетал. Иди к командиру. Он мужик с понятием.

- Уже был. Он не пускает.

- А ты еще раз пойди. За спрос в морду не бьют. Ты все-таки командир боевой части. Рапорт писал?

- Нет.

Начмед закурил сигарету, глубоко затянулся и, выпуская дым кольцами, философски изрек, - Истину глаголят мудрецы, что несчастны те особи, кто носит на плечах своих лейтенантские звезды. Никто их не любит, никто не понимает.

Доктор ненадолго задумался. Его лейтенантские годы тоже были не сладки.

- Ладно, - начмед поднялся, - пошли ко мне в каюту. Начнем действовать.

- Садись, пиши рапорт - доктор усадил Михайлова за стол, дал бумагу и ручку, – На много не рассчитывай. Напиши: «краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам на десять суток». Десять не дадут, а неделю получишь запросто.

Михайлов, закусив нижнюю губу, старательно марал бумагу.

Наконец все было готово. Ознакомившись с содержимым рапорта, доктор открыл сейф и извлек из него бутылку армянского коньяка, плотно завернул ее в написанный рапорт и передал лейтенанту.

- Теперь иди к командиру.

- И что я скажу? - Михайлов ждал чего-то невероятного.

- Наберут детей на флот, потом мучаются с ними. Ничего не говори. Поставь рапорт на стол и жди.

- А если командир выгонит?

- Не выгонит. А выгонит, бутылку назад принесешь.

- Я боюсь.

- Тогда сиди на корабле с больной душой и не мотай нервы другим, - доктор потянулся за бутылкой.

- Хорошо. Я иду. Что ему еще сказать?

- Скажи, что ты его очень любишь.

- Я серьезно спрашиваю, - нервничал Михайлов.

- А ты разве не любишь командира? – улыбнулся доктор.

Лейтенант раздосадовано махнул рукой и вышел из каюты.

Минут через пять он счастливый влетел в каюту начмеда.

- Доктор, спасибо! Командир подписал рапорт на десять суток. Я побежал оформлять документы. Попытаюсь сегодня улететь. С меня хороший коньяк.

- Стоп! Не хороший, а только армянский. И не одну, а две бутылки. Командир что сказал?

- Ничего не сказал. Развернул, прочитал и подписал. Я побежал.

- Передавай привет Питеру, - бросил вдогонку доктор.

Но Михайлов этого уже не слышал.

НЕ ПОНЯТАЯ ШУТКА

Северный пронизывающий ветер, поднимая волну, игрался баркасом словно щепкой, то зарывая его носом в пучину, то кладя с борта на борт.

Преодолевая невероятные усилия, фыркая и отплевываясь, медленно, но настойчиво, он шел

через бухту, перевозя с одного берега на другой сходящую смену офицеров и мичманов.

До Минной стенки было уже рукой подать, когда огромная грязная волна накрыла всех с головой. А Юра Винокуров, думающий всегда о чем-то хорошем, получил вдобавок мощный удар по своим выпученным глазам, не успев их вовремя закрыть.

Домой все ехали насквозь промокшие, с хлюпающими ботинками.

Утром Винокуров пришел на корабль с жутко выраженным конъюнктивитом. Теперь взгляд его выпученных глаз походил на взгляд вампира, смотрящего на свою жертву.

- Винокуров, что у вас с глазами? – поинтересовался командир на построении офицеров и мичманов.

- Тещу вчера провожал. Не смог сдержать нахлынувших эмоций, – вдруг ни с того, ни с сего, пошутил он.

- Вы что, ее так сильно любите?

- Любовь, товарищ командир, это имя собственное, а любовь, как чувство, придумали сентиментальные женщины, оперируя им, как средством выхода замуж.

- Мне подробности не нужны, - не все шутки доходили до командира, - Вы что, плакали?

- Прощаясь с тещей нельзя скрывать своих чувств. Пусть она думает, что зять ее любит и уважает, - продолжал нести ахинею Винокуров.

- И что? – командир тупо гнул свою линию.

Поняв, что его фантазии натыкаются на глухую, непробиваемую стенку, Винокуров решил сказать правду.

- Вчера в баркасе вода попала в глаза. Начался конъюнктивит. После построения пойду к доктору.

- А теща уехала? – не унимался командир.

- Она не приезжала.

- А кого же вы провожали?

- Когда?

- Вчера.

- Да никого я не провожал. Это я пошутил. Соленая вода попала в глаза, вот они и воспалились.

- Винокуров, ваши шутки похожи на докторские. Не знаешь, когда и смеяться. Не берите с него пример. А теща, - начал было опять командир, но обреченно махнул рукой и обиженно пошел в сторону бака.

ВНЕПЛАНОВОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Старпом вышел на построение суровый и сосредоточенный. Он долго ходил вдоль строя о чем-то сосредоточенно думая. Корабль пришел в

базу на межпоходовый ремонт. Работы много, а рук, как всегда, не хватало. Наконец он остановился и горько изрек, - Для дивизии на станцию пришло два вагона с картошкой. Нам поручено их, разгрузить. Старший на разгрузке – помощник командира корабля по снабжению. Желающим поучаствовать, выйти из строя на два шага.

Вышли около двадцати моряков.

- Не густо, - старпом еще раз обошел строй, - Помощник, забирайте патриотов, садитесь вон на ту машину, - он указал на грузовик, стоящий на причале, - и выезжайте.

- Товарищ капитан-лейтенант, с ними мы три дня будем разгружать эти вагоны.

- Лейтенант, толи вы меня плохо слышите, толи я что-то для вас непонятное говорю.

- Есть, - буркнул недовольный помощник, - Личному составу, выделенному для работ, на стенку бегом марш! – скомандовал он.

- Остальные, я так думаю, ждут команду: «Разойдись!»? Да? – продолжил старпом после схода моряков на берег, - Харю всю ночь собираетесь давить? А вот болт вам по всей морде,– заорал он что было мочи, - На корабле остаются дежурно-вахтенная служба и личный состав, расписанный в аварийных партиях. Все остальные идут, я подчеркиваю, идут пешком на станцию. Через десять минут построение на стенке. Если я,

не дай Бог, кого-то лишнего увижу на борту, он может сразу собираться на семь суток на гауптвахту. Вопросы есть? Вопросов нет. Оказывается, все всё прекрасно понимают. И картошку любят не только за столом.

Только под утро экипаж эсминца усталый, грязный и злой вернулся на корабль.

Задание командование было выполнено. И межпоходовый ремонт продолжился.

И СМЕХ, И ГРЕХ

Говорят, что все анекдоты из жизни.

Врут.

Это наша жизнь сплошной анекдот.

На корабле проводился смотр рабочей формы одежды. Экипаж в постиранной и выглаженной робе построен на юте. Поверку проводят старшины команд. Смотрят сверху вниз: пилотку, форменный воротничок, само рабочее платье, маркировку всего перечисленного, качество пришитых погон и Боевого номера и, наконец, переходят к носкам и обуви. Обувь, разумеется, должна быть отремонтирована и почищена.

- Кру-гом! – командует старшина команды комендоров мичман Корнышев.

Моряки исполняют приказание.

- Левую ногу на носок, ставь! – звучит следующая команда.

Все послушно ставят левую ногу на носок. Но один нерадивый матрос вместо левой ноги, ставит правую. Корнышев медленно идет вдоль строя, тупо осматривая каблуки и подошвы. Вдруг он замечает две ноги, стоящие вместе. Не поднимая головы, он вопрошает, - Это кто у нас такой тупой? Я просил показать левую ногу, а он выставляет мне сразу две! Ну что ж, будем тренироваться после отбоя. Отставить! Кру - гом! Разойдись!

Жизнь – как анекдот.

А анекдот из жизни.

И смех, и грех.

Так уж мы созданы.

И переделать нас невозможно.

Да и зачем?

Кому это нужно?

Ни – ко - му!

СОЧУВСТВИЕ

Лейтенант Гаврилов получил просто астрономическую сумму денег: одновременно подъемные и месячное денежное содержание. Такого количества банковских ассигнаций он никогда не держал в руках, да и во сне не видел. От

всего этого и настроение поднимается, и гордость переполняет душу за принадлежность к доблестному Военно- морскому флоту.
Чтобы не хранить такое богатство на корабле, мало ли что, Гаврилов решил в ближайшую субботу положить деньги на сберегательную книжку. И целее будут, и проценты набегут.
В приподнятом настроении он сошел на берег. Впереди – целый свободный день.

Город будоражил своими красотами, ароматами духов и просто шальной свободой. Мир казался сказочным, жизнь прекрасной, красота вечной.

- Товарищ лейтенант, куда вы так спешите? – группа загорелых, дышащих здоровьем девушек задорно засмеялась, – Пойдемте с нами на пляж.

- А возьмете? С вами готов идти хоть на край света, – в ответ засмеялся Гаврилов.

- Конечно, возьмем. Присоединяйтесь.

И компания, весело переговариваясь, направилась к морю.

Молодость больше дурна, чем разумна. Она живет эмоциями, которые захлестывают ее через край, напрочь забывая, что дело – прежде всего, а уже потом развлечение.

- Ой, девочки, - Гаврилов взглянул на часы, лежащие под брюками. Они показывали одиннадцать часов, - мне нужно решить один вопрос в городе. А то скоро моя контора закроется,

и я ничего не успею. Если вы меня здесь подождете, вернусь минут через сорок. Договорились?

Он стал одеваться.

- А где мой «дипломат», кто видел?

Девушки смотрели друг на друга, пожимая плечами, – Он лежал рядом с твоей рубашкой.

- Простите, вы не видели «дипломат»? Он здесь лежал,- обратился Геннадий к соседке по пляжу, огромной рыжеволосой женщине.

- Его забрал парень, что загорал слева от вас. Вы пошли купаться, а он оделся, взял его и ушел. Я думала это его вещь.

- Давно? –голос Гаврилова задрожал.

- Минут двадцать- тридцать назад.

- Не припомните, как он выглядел, во что был одет?

Женщина наморщила нос.

- Обыкновенно. Джинсы, майка. По-моему, голубая. А как выглядел? – она подняла плечи,

- Чернявый, это точно. Больше ничего сказать не могу. Что-то ценное в «дипломате» было?

- Да, - грустно произнес Гаврилов, - деньги.

- И много? - всплеснула женщина руками.

- Много, – прошептал Геннадий и, не прощаясь, пошел в сторону города.

- Вот горе-то, вот горе, - запричитала женщина, - Разве можно ценные вещи брать на пляж. Здесь же одни жулики.

- Гена, подожди, мы с тобой, - закричали девочки, понимая, что перспективный жених срывается с крючка.

- Не надо, отдыхайте, я сам поищу, - не оборачиваясь, крикнул лейтенант.

Два часа брожения по городу не дали положительного результата. Убитый горем, Гаврилов вернулся на корабль.

- Гаврилов, - старпом заметил лейтенанта в кают-компании за ужином, - ты, по-моему, на сходе. Или решил деньги на еде сэкономить? И это правильно. Скупые живут хорошо, но не долго.

- У меня горе.

- Горе? Твое самое большое горе, это то, что ты лейтенант. Получишь старшего, горе твое уменьшится. Чем больше будет звезд на твоих погонах, тем меньше будет у тебя горя. Зато другим от тебя горя прибавится. Понял? Что случилось?

- У меня деньги украли.

- Где? - насторожился старпом.

- На пляже. Я их положил в «дипломат», а его украли.

- Ну и … - Старпом поизносит ненормативное слово, которое емко отражает действие дятла по отношению к дереву. – В форме, на пляже… Как еще тебя там патруль не забрал? Принес бы ЧП на корабль, – его уже мало интересует несчастье лейтенанта. Это все равно, что жалеть человека,

прикусившего язык во время еды. Не скажешь ведь ему: «Ты больше не ешь». Точно так же и здесь, - преступная халатность и не более, – Доктор, вот ты когда последний раз на пляже был? – продолжает старпом, - Господи, кого я спрашиваю? – машет он рукой, - Ты же у нас в основном практикуешься на женщинах.

Начмед от возмущения надувает щеки и шумно выпускает воздух сквозь губы.

- Учись, лейтенант, у старших товарищей. Они, имея деньги, вначале идут в кабак. Снимают там распутную женщину. Ночью, я подчеркиваю это слово, везут ее на пляж, чтобы там она как следует, помылась, потому как в Севастополе с водой большая проблема, а затем едут к ней домой. Понял? Но тебе по кабакам ходить еще рановато. Ты только жить начинаешь. Жить-то начинаешь, а деньги уже закончились. Это уже не жизнь, а мука. Запомни мудрые слова: «Деньги не жалей. Туда им и дорога». Меньше рот разевать будешь. Теперь с утроенной силой начнешь заниматься службой. Я тебе в этом с удовольствием помогу. Для начала сегодня заступишь дублером дежурного по кораблю. Так что дерзай, лейтенант. Ошибка дурака, не урок для умного. Перед построением нового суточного наряда с Уставом зайдешь ко мне. Выше голову! Деньги свои ты еще заработаешь. Не

переживай. Не в них счастье. Голову надо держать на плечах. Ты теперь офицер, а не курсант.

ГЕРОЙ

I

-1-

Поезд стремительно набрал скорость, когда из тамбура в вагон с шумом вошел перегруженный пакетами и сумками высокий, стройный, моложавый капитан первого ранга. Его, слегка вьющиеся темные волосы блестели от пота. Фуражка сползла на бок.

- Хозяюшка, это не семнадцатый вагон? - обратился он к проводнице.

- Да. За нами только электровоз.

- Слава Богу, добрался. Думал, что опоздаю. Поезд уже пошел, а я только на перрон вхожу. И все-таки догнал. Успел прыгнуть в последний вагон. Проводнице спасибо, что тамбурную дверь не закрыла, все ждала, когда догоню.

- Давай уже, страдалец, свой билет. «Здесь твой причал и здесь твои друзья», - прохрипела женщина, - Знаешь такую песню? Людмила Зыкина поет, – проводница, давно прошедшая, и не один

раз, Крым, Рым и сотни километров медных труб, с ног до головы оглядела моряка, – Одни красавцы на флоте служат! Не мужики, а загляденье! Сбросить бы мне лет, эдак двадцать, я бы тебе показала, что такое настоящая женщина! Ни секундочки не оставила на сон. Все бы на любовь забрала. Ладно, иди уже. Место одиннадцатое, купе третье.

- А кто там еще со мной едет? - офицер протянул проводнице шоколадку.

- Сейчас поглядим, чем сердце успокоишь. Двое молодожен и очень хорошенькая дамочка. Так что скучать не должен, если, конечно, язык к небу не прилипает, да руки не из задницы растут. Ну и все остальное на месте, - она захохотала собственной шутке. Давай уже, иди. Люди, наверное, люди собираются спать ложиться.

- А как зовут моих соседей? - не унимался пассажир.

- До чего ты колготной. Сейчас сам пойдешь и узнаешь.

- Пожалуйста, - он достал из пакета бутылку шампанского и поставил ее на столик, - вы в билете посмотрите. А все остальное я, как положено, сделаю, - он поцеловал ее в щечку.

Проводница достала свою сумочку.

- Запоминай, Штирлиц. Двое молодых людей, - молодожены: Александр и Нина. Они тебя меньше всего должны интересовать. Третья попутчица, -

она подслеповато прищурила глаза и приблизила билет к свету, - Ирина. Вот на нее и обрати внимание. Запомнил? Пойдем, я постельное белье твое занесу. А то у тебя вещей, - их только в зубах нести.

- Последний вопрос.

- Ну что еще у тебя?

- Вас-то как зовут?

- Елена Петровна. Надеюсь, что на сегодня ко мне вопросы все закончились.

- Не зарекайтесь. А теперь - ведите! Я готов ко всему!

-2-

- Не спим, пассажиры? Веду к вам заблудшую овечку. Принимайте и, смотрите, не обижайте. Уж больно мужчина скромный. Впервые таких вижу. Располагайтесь. Вот ваше место. Приятого пути.

Пассажиры, пившие чай, внимательно посмотрели на моряка.

- Здравствуйте! Как хорошо, что вы не спите. Прохор Петрович Громов. Можно просто Прохор, - он улыбнулся широкой белозубой улыбкой, наклонив голову и щелкнув каблуками, - Капитан первого ранга. Командир атомного подводного крейсера. Правда, - заметил он с грустью, - бывший

командир. Приказом Главнокомандующего Военно-морским флотом назначен заместителем начальника Военно-морского училища в городе-герое Ленинграде.

Говоря все это, он внимательно разглядывал присутствующих. Молодая пара его почти не интересовала, а вот женщина была, действительно, чертовски хороша. На вид ей, - не более двадцати пяти-двадцати шести лет. Распущенные светлые волосы спускались до плеч. Слегка полноватые, с чувствительной линией, губы, прямой носик, ямочки на щеках, игриво изогнутые брови, длинные ресницы и озорные, с легкой косинкой, глаза делали ее лицо безумно привлекательным. И даже красивым.

- Сейчас, - продолжал Громов, - прямо из Ленинграда на две недели с дружественным визитом еду к себе на родину, в славный город Горький, названный в честь великого пролетарского писателя. Родители, о том, что едет их сын, герой-подводник и прочий герой, не ведают ни сном, ни духом. Тем радостнее будет встреча.

Он говорил без умолка, не давая никому вставить слова.

- Я сейчас быстренько переоденусь. Кстати, а давайте вы сделаете тоже самое. Каждому из вас я сейчас дам по комплекту разового белья подводника. Носим мы его только в длительном

плавании. Не волнуйтесь, все абсолютно стерильно. Вы почувствуете себя хоть на секундочку моряком-подводником, а я снова окажусь в кругу единомышленников, которые дышат одним воздухом, ходят бок о бок со смертью и делают все, чтобы мы с вами мирно ехали сейчас в этом поезде. Прошу вас, Ирочка, это вам, - он протянул пакет импозантной даме. А это вам Нина и вам Александр.

Глаза у всех округлились.

- Простите, как вас там? Прохор Громов? Прямо кино какое-то. Ни дать, ни взять, - «Угрюм река». Вы, случайно, не проходимец или, может, дорожный аферист? Знакомитесь, входите в доверие, убиваете, грабите… - Ирина, сощурив глаза и поджав под себя слегка полноватые ноги, пристально посмотрела на Громова.

- Девочки, Боже избавь! Вот мои документы, - он протянул удостоверение личности, - Что вас так испугало?

- А откуда вы знаете наши имена? - Ирина страшно сверкнула красивыми глазами.

- Вот в чем дело, - залился веселым смехом Прохор. – Об этом чуть позже. Но сразу хочу сказать одну вещь: подводник, проживший в прочном корпусе десять и более лет, становится и экстрасенсом, и ясновидцем, и провидцем, и даже йогом. И все это, заметьте, в одном лице. Александр,

вы уже переоделись? Молодец! Мы все должны брать с него пример, - Громов поднял назидательно палец.

- Саша, если вы курите, возьмите сигарету и мне. Я с удовольствием составлю вам компанию.

-3-

Минут через пятнадцать мужчины, постучавшись, вошли в купе. Все, как приютские дети, выглядели абсолютно одинаково: в светло-голубых, из плотной марлевой ткани, рубашках с коротким рукавом и таких же шортах.

- Ну, совсем другое дело, - радостно произнес Громов и рассмеялся заразительным смехом, - Теперь это не купе, а отсек подводной лодки, ее главный командный пункт. Я, естественно, командир. Вас, Ирочка я назначаю своим боевым заместителем. Будете старшим помощником. Александру отводится роль штурмана, а Нина берет на себя функции боцмана. Правда, боцмана у нас более крупных габаритов, нежели вы. Но, - Прохор пожал плечами, - без боцмана мне никак не обойтись. Надеюсь, никто не возражает против должностей?

Все приняли предложенную Громовым игру, и отказываться от нее не хотели.

- Прекрасно. Теперь переходим к сервировке стола и отмечаем мое новое назначение. По этому поводу возражения не принимаются. В сервировке участвуют все, кроме, разумеется, командира. Ира, вот вам пакеты. Из них достаете все, что в них лежит. Александр, вы работаете только ножом и руками. Банки - вскрываем, колбасу, хлеб, рыбу и ветчину нарезаем, кур потрошим, воду, коньяк и шампанское открываем. Ниночка, ваша задача самая гуманная. Надо будет помыть фрукты, овощи и зелень. Раздобыть где угодно, хоть украсть, это меня меньше всего интересует, соль.

- С солью проблем нет вообще. Она уже стоит на столе.

- Учитесь, господа-товарищи! Боцман зарабатывает свою первую благодарность. В нашем коллективе уже есть люди, с кого мы должны брать пример. Я же пойду, принесу стаканчики и закажу чаек.

- Не надо заказывать чай. Заварка у нас есть, а кипяток в титане возьмем, - Ира нежно посмотрела на Прохора.

- Очень своевременное и разумное предложение. И последнее, - Громов чувствовал коллектив, и умело им руководил, - Сейчас мы все в кают-компании. Старший в ней всегда старпом, то есть вы Ирочка. Когда в нее входит командир, старпом подает команду: «Товарищи офицеры!». По этой

команде все встают и принимают строевую стойку. Командир дублирует эту же команду и приглашает к столу. Все садятся и ужин начинается. Все понятно? Тогда я пошел.

-4-

Покурив, Громов зашел к проводнице.

- Вы еще не спите, Елена Петровна? Это снова я.

- С вами уснешь. Как там твои дела?

- Все нормально. Вы мне стаканчики не дадите?

- Возьми сам в шкафу. Мне сводку надо бригадиру подать. Дама-то понравилась?

- И даже очень.

- От, кобель! Не закрути бабе голову. Женат, небось?

- Женат.

- Ну, иди, иди. А то из-за вас меня начальство ругать будет.

Громов быстро вошел в купе. Прищурив глаза, окинул присутствующих. В его взгляде была решимость и твердость. Невольный холодок страха сковал «экипаж». Все сидели, затаив дыхание. Глаза Прохора потеплели.

- Между прочим, командир пришел. Его кто-нибудь встретит?

Пунцовая Ирина вскочила, как ошпаренная.

- Товарищи офицеры! – что есть мочи крикнула она, подскочив с полки, красиво выпятив вперед аппетитную грудь. Все остальные быстро встали.

- Тише, товарищи, тише. Мы так с вами весь вагон разбудим. Приглашаю к столу. Садитесь, пожалуйста, - Громов понял, что немного с игрой переборщил, а актеры так быстро вжились в роль, что все делали просто профессионально, – Мое место рядом с вами, старший помощник? – обратился он к Ире.

- Да-да, конечно. Присаживайтесь, - она ближе подвинулась к окну, - И уберите сразу свое удостоверение. В нем мы не поняли и половины. Давайте, действительно, уже праздновать. А то наш стол скоро обрушится от такого изобилия. Первый тост, Прохор Петрович, за вами.

- Давайте договоримся сразу, за нашим столом нет Петровичей и Ивановичей, Петровн и Ивановн. Есть Саша, Нина, Ирина и Прохор.

К этому разговору возвращаться больше не будем. Можно я буду сидеть. Друзья мои! Я сегодня счастлив вдвойне… Если учитывать встречу с вами, то втройне. Я ушел с действующего флота. Ушел живым и здоровым. К великому сожалению, такое случается не с каждым. Кто-то гибнет, кто-то становится инвалидом не всю оставшуюся жизнь. Не хочу сегодня говорить о плохом. Но это так! И каждый человек, носящий на своих плечах черную

шинель, уже герой, будь он подводник или надводник, - Громов немного помолчал, - К великому сожалению бывают такие ситуации, когда в считанные секунды весь экипаж становится седым, - он снова замолчал. Прожитая жизнь никогда не дает о себе забывать, – Одиннадцать лет я отдал атомному подводному флоту, пройдя путь от штурманца до командира атомного подводного крейсера. Одиннадцать лет, как целая жизнь! И вот я последний раз сошел по трапу, отдав честь Военно-морскому флагу. И команда: «Смирно!» была подана мне тоже в последний раз. Я спускался, ничего не видя от слез, стоящих перед глазами. А там, в прочном корпусе, остались мои дети, мои друзья, мои сослуживцы. Дай им Бог! За моряков! Не чокаясь! Стоя!

Все молча, выпили.

- Девочки, можно я еще немного скажу.

- Говорите-говорите, мы слушаем вас, – Ирина уже боготворила и восторгалась Громовым все больше и больше.

- Спасибо. Позади остался Север с его полярной ночью, северным сиянием, жгучими морозами, пронизывающими ветрами, жуткими штормами и постоянной борьбой жизни со смертью. Впереди – новая большая должность в Ленинграде. Наверное, мне повезло. А может и заслужил. Скорее и то, и другое. Давайте выпьем за мое светлое будущее.

Ведь служить мне еще, ой как много! А лет всего-то тридцать три. За будущего адмирала Громова! - поднял он стакан.

Все дружно поддержали тост и, чокнувшись, выпили.

- Девочки, не забываем закусывать. Вечер у нас длинный и за столом не должно быть пьяных. К утру стол должен быть чистым.

-5-

В кругу друзей, за разговорами, время летит быстрее света. Часы показывали полночь.

- Товарищ командир, ваш штурман начал потухать. Да и как боцман я уже никуда не гожусь. Даже лыка вязать не могу. Разрешите нам разбрестись по койкам.

- Милые дети, я желаю вам милых, радостных и светлых снов. Спасибо за приятно проведенный вечер. А мы с Ирочкой еще немножечко посидим. Если она не возражает, конечно.

- С таким симпатичным собеседником я готова сидеть всю ночь, - глаза Ирины светились ярким светом. Они словно маяки звали к себе странника, заблудившегося в пути.

Вскоре наверху послышалось мирное посапывание.

- Ира, у меня родилось очень привлекательное предложение. Но надо, чтобы вы его одобрили.

- Какое? Каждое решение надо принимать коллегиально. В этом я с вами, абсолютно, согласна, - она улыбнулась ровной белозубой улыбкой.

- Хочу со своим старшим помощником выпить на брудершафт,- загадочно прошептал Прохор, - Как вы считаете, он не будет возражать против этого? И будет ли это удобно?

- Я думаю, - растягивая слова, произнесла Ирина, - что сильно возражать не будет, - ее щеки стали пунцовыми.

Они, молча, выпили и их губы слились в страстном поцелуе.

- Ты невозможен, - жарко шептала Ира. – Тебе нельзя сказать «нет». Да! Да! Да! Я твоя. Пусть все будет так, как будет. Иди ко мне, мой милый, - ее губы трепетно и жарко покрывали его лицо, – Об одном только прошу, погаси, пожалуйста, свет. Перед ребятами неудобно.

-6-

Через сорок минут они вышли в коридор. Прохладный ночной воздух, врывающийся через открытые окна, остужал их разгоряченные тела. В коридоре никого не было. Пассажиры беззаботно

спали. Им не было никакого дела до любви этих двух молодых людей.

- Ирочка, если ты не будешь возражать, я возьму у Саши сигарету и покурю. Ты будешь?

- Я вообще-то не курю, но с тобой буду все.

- Я тоже не курю. Это сегодня что-то разбаловался.

Они вышли в тамбур.

- Ира, расскажи мне, пожалуйста, о себе. Обо мне ты знаешь практически все.

- Все абсолютно банально и не интересно. Родом из Пензы. Двадцать пять лет. В Москве окончила медицинский институт. Работаю в поликлинике терапевтом. Замуж вышла, еще учась в институте. Муж старше меня на десять лет. Ты должен был видеть его сегодня. Он провожал меня. Хотя нет, я совсем забыла, ты же опоздал. Если быть честной до конца, то это брак не по любви, а по расчету. По крайней мере, с моей стороны, - Ирина грустно улыбнулась, – Но живем хорошо, грех жаловаться. Дочке три года. Она сейчас у моих родителей. Еду к ним и отдохнуть, и забрать ее к себе домой. Живем в Москве, в хорошем районе и хорошей квартире с родителями мужа. Муж работает проектантом в «почтовом ящике». Каким-то образом тоже связан с Военно-морским флотом. Вот, собственно, и все. Такого, как сегодня, у меня никогда не было и больше никогда не будет. Это я тебе говорю абсолютную правду. Я не коем образом не обеляю

себя. В сегодняшнем моем падении виновата только я сама. О тебе, Прохор, знать ничего не хочу. И не желаю. Сегодня – ты моя слабость. Встреч у нас с тобой больше не будет никогда. И даже не спорь! – она ладонью прикрыла его губы,

- Это не нужно ни мне, ни тебе. Я просто хочу тебя сегодня любить. Хочу, и все! И никто не запретит! На это мне отводится только ночь. Одна ночь. Да-да, утром я выхожу. И знаешь что… Нет, вначале поцелуй меня. Крепко-крепко, страстно-страстно…

Громов схватил ее как пушинку и поднял на руки. Она обвила руками его голову. Их губы слились в вечном роденовском поцелуе.

- Знаешь что Прохор, слушай меня и не перебивай. Это моя блажь, женская дурь, пьяный бред, - называй, как хочешь. По любому будешь прав. Я хочу от тебя ребенка. Хочу и все.

У Громова расширились глаза.

- Не пугайся, мой хороший. К тебе нет и не будет никаких претензий. У меня родится сын. У тебя же нет сыновей, а только две дочери. Так, по крайней мере, записано в твоем документе. Понимаешь, сын! От тебя! Постарайся, пожалуйста, ладно? Пойдем, мой милый. На все это тебе отводится, - она посмотрела на руку, - ровно пять часов. Ты сегодня перевернул мне всю душу. Все, что я считала в жизни святым, полетело в тартарары. Я сама не ожидала от себя такого подвига.

-7-

Только когда стало светать, Прохор перешел на свою полку.

- Ирочка, радость моя, Христом Богом тебя прошу, будешь выходить, разбуди меня. Обещаешь?

- Обещаю, конечно. Спи любовь моя. Спи мое мимолетное счастье.

Громов проснулся от слепящего в глаза солнца и тихого разговора. Напротив него сидели Нина и Александр. Он вскочил, как ужаленный.

- А где Ира? - прокричал он.

- Мы не знаем. Когда проснулись, ее в купе не было. И постель убрана. Наверное, вышла.

- Который час?

- Без двадцати двенадцать.

- Двенадцать? – он опрометью бросился к проводнице. За столом сидел мужчина.

- Вы проводник?

- Не похож?

- На вахту, когда заступили? – Громов не был расположен к разговору.

- На вахту… Моряк что ли? Я тоже на ТОФе пять лет оттрубил на крейсере в боцманской команде. Вот было время…

- Скажите, вы, когда заступили?

- Прохору явно не хотелось выслушивать боцманские бредни.

- В восемь, - недовольно ответил проводник.

- А в Пензе, когда были?

- Между прочим, на переборке висит расписание. Так нет же, все спрашивают у проводника. В шесть утра. Может, пропало что?

- Там женщина выходила. Билета ее не осталось?

- Место, какое? - насторожился проводник.

- Девятое.

Проводник порылся в сумочке, – Билета нет, забрала, наверное. А в чем-дело-то?

- Да ни в чем, - махнул рукой Прохор, - Все нормально, - и он пошел в купе.

- Прохор Петрович, тут для вас на столе записка лежит.

- Что же вы молчали до сих пор?

- Да вы не дали не одного слова нам сказать.

Дрожащими руками он развернул аккуратно сложенный листок бумаги: «Милый мой! Спасибо тебе за все! Будь счастлив. Если и есть на свете любовь, то это ты, и только ты. Целую, Ира».

- Саша, у тебя еще курить есть? - хрипло произнес Прохор.

- Возьмите всю пачку. Мы уже через двадцать минут выходим.

- Удачи вам ребята! Будьте счастливы.

В задумчивости Прохор курил одну сигарету за другой.
Весь оставшейся путь он пролежал, отвернувшись к стенке. Не пил и не ел.

II

-1-

В просторный кабинет, весь интерьер которого отражал прошлое и настоящее Военно-морского флота, вошел с раскрытой папкой в руках высокий, подтянутый капитан второго ранга, адъютант адмирала Громова.

- Прохор Петрович, сегодня у вас, как у депутата Верховного Совета в гарнизонном Доме офицеров в шестнадцать ноль-ноль прием граждан.
По предварительным данным записалось десять человек. Четыре жилищных вопроса, три – бытовых, два по благоустройству микрорайона и одна женщина по личному вопросу. Причину посещения не назвала. В пятнадцать тридцать машина будет ждать вас у главного входа.

- Личные вопросы как раз и бывают самые запутанные и тяжело решаемые. Добро! Приму всех. Давайте уточним мой распорядок дня на завтра. В 9.00 я читаю лекцию выпускникам в военной академии. В 11.00 в Министерстве

обороны совещание по оказанию военной и другой помощи Анголе. На нем предполагается присутствие их посла и министра обороны, а также представителя из ЦК КПСС и Министерства иностранных дел. В 14.00 обеспечь мне связь с командующим Тихоокеанским флотом, а на 14.45 с Северным. При разговоре должны присутствовать начальники технического управления. У северян пригласи еще и командующего Кольской флотилией. Это первое. Второе. К 16.00 оперативное управление пусть подготовит для меня доклад о деятельности наших сил и сил противника в районе Средиземноморского бассейна и Индийского океана. К 17.30 пусть ко мне прибудет начальник финансового управления с отчетом о финансировании новостроящихся авианесущих кораблей в Николаеве. Меня интересует: сколько и на что уже потрачено и сколько денег еще требуется. Все ли поставки оплачены.Это сделаешь, и можешь быть свободен до завтра.

-2-

Встреча депутата высокого ранга с народом всегда ответственна. Человек приходит не посмотреть на тебя, а решитьсвой наболевший вопрос. Ты должен

сделать все, чтобы повторной встречи с ним уже не было. И ты мог честно смотреть в глаза своим избирателям.

Прием не вызвал у Громова серьезных затруднений. Все вопросы решались практически на месте. Тяжелы проблемы жилищного характера, но и они сегодня обошлись без затруднений.

- Прохор Петрович, последний посетитель, записавшийся к вам. Егорова Ирина Васильевна. Личный вопрос, – тихо произнесла сидевшая в стороне женщина, писавшая протокол.

- Приглашайте.

Она открыла дверь, - Егорова, пожалуйста, проходите.

В кабинет вошла слегка полноватая, хорошо одетая, симпатичная женщина сорока с небольшим лет. Громову она кого-то напоминала. Красивые женщины всегда кого-то напоминает. Одним юность, а другим старое кино.

Он поднялся, что было для него не свойственно, жестом показал на стул.

- Будьте любезны, присаживайтесь, - звезда Героя на его тужурке отбросила искры света, - Я слушаю вас.

- Прохор Петрович, я могла бы поговорить с вами наедине? - она взглянула на секретаршу.

Громов пожал плечами.

- Отчего нет. Валентина Ивановна, - обратился он к своей помощнице, - вы можете идти. Спасибо за работу. Протоколы оставьте здесь. Я распишусь и вам их занесу. Слушаю вас Ирина, - он взглянул в список, - Васильевна.

Женщина пристально посмотрела ему в глаза и слегка улыбнулась, обозначив ямочки на щеках. Изогнутые брови медленно поползли вверх.

Адмирала ударило, как молнией, - Ира, это вы?

- Да, Прохор Петрович, я. Ваш бывший старпом.

- Боже мой, сколько же лет прошло?

- Восемнадцать, товарищ адмирал, восемнадцать. Я только недавно узнала, что вы в Москве. По телевизору увидела. Вот только не знала, что вы стали Героем Советского Союза.

- Ну, Героем я стал, предположим, двадцать с лишнем лет назад. Поэтому в этом нового ничего нет.

- То, что героем были раньше, нет никаких сомнений. Надеюсь, им и остались. Прохор Петрович, неужели я так сильно изменилась, что меня и узнать невозможно? Вы, так почти нет. Правда, седина появилась на височках, залысины стали чуть больше и комплекция крупнее.

- Ирочка, вы же превратились в сказочную красавицу.

- Ваша лесть смахивает на ложь, товарищ адмирал, - она осталась довольной произведенным эффектом.

- Ирина Васильевна, вы не откажитесь от предложения поужинать сегодня со мной?

- Вообще-то я пришла сюда не за этим. Хотя предложение очень даже заманчивое.

- Извините. Слушаю вас очень внимательно.

- В этом году мой сын заканчивает школу. С детства бредит морем. Отец против его желания. А лично я это очень приветствую. Вы не могли бы посоветовать, в какое училище ему поступать? Мы бы и сами, конечно, смогли решить этот вопрос, но совет компетентного человека мне ближе и дороже. Вот, кстати, его фотография. Это мы с ним на Чистых прудах.

Адмирал взял снимок и одел очки. С фотографии на него глядел молодой Прохор Громов. Тот же рост, те же темные, вьющиеся волосы и та же привычка держать левую ногу за правой.

В груди послышались гулкие удары сердца. Зрение мгновенно затуманилось. Он судорожно полез в карман за сигаретой.

- Прохор Петрович, помнится, вы говорили, что не курите.

- Это правда, я не курю. Но, бывают моменты, когда… Скажи, пожалуйста, это…

- Да, Прохор, это наш с тобою сын. Сын одной ночи любви. Я его лепила по твоему образу и подобию.

- Сколько ему сейчас? - дрогнувшим голосом спросил он.

- В марте было семнадцать.

- Как зовут его?

- Точно так же, как и отца. Прохор. Прохор Петрович. Только фамилия другая. Егоров.

Громов положил голову на руки и долго так сидел. На глаза навернулись слезы. Стыдно за них не было. В них была и неожиданно нахлынувшая радость, и переполняющее сердце счастье и, наверное, гордость за самого себя, за неожиданно приобретенного сына, и воспоминание, пусть о короткой, далекой, но все же любви. Все это сделало мужественного человека мягким и чувствительным.

Ирина, тоже боясь разрыдаться, держала платочек у края глаз.

- Прохор, - ее голос слегка дрожал, - предложи мне сигарету. Я, вообще-то не курю, но с тобой буду все, - так я тебе сказала восемнадцать лет назад в вагоне номер семнадцать. Помнишь?

Громов достал из брюк платок и вытер глаза.

- Ирочка, ты себе представить не можешь, как я счастлив! У меня есть сын! Мой сын! Моя кровиночка. Я благодарен тебе за все. Наверное, будет слишком банально, если я признаюсь тебе в

любви. Но это так. Ответь мне только на один вопрос. Егоров Петр Исаевич, генеральный конструктор, к тебе имеет какое-нибудь отношение?

- Это мой муж. А ты что, его знаешь?

Громов дернул головой и засмеялся, - Ты забываешь, где и кем я работаю. Как, все-таки тесен мир. Я доже знаю, что сейчас он находится в командировке в Североморске и будет там еще три недели.

- Исчерпывающая у вас Прохор Петрович информация. С вами очень опасно быть откровенной, - кокетливо повела она глазами.

Громов вновь засмеялся, обнажив ровные, белые зубы. Его рука потянулась к телефону.

- Вячеслав Константинович, как хорошо, что вы на месте. Что я вас попрошу. Немедленно свяжитесь с нашим заказником. Пусть приготовят уху, шашлык и все, что к этому нужно. Я подъеду туда через три часа.

- Все сделаю, Прохор Петрович. Какие дальнейшие будут распоряжения?

- Часов в девятнадцать позвонишь ко мне домой и скажешь, что я улетел в Мурманск. Буду завтра.

- Есть.

- Все. Отбой связи.

- С кем ты разговаривал? - спросила Ирина.

- С адъютантом.

- Прямо как в сказке. Тому сказал, этому приказал… Только меня уже никто ни о чем не спрашивает. Все решается без моего участия и согласия.

- Ирочка, любовь моя, у меня сегодня такой день, такая радость! И все это ты хочешь в один миг омрачить? Сегодня мой день! Не забирай его у меня. Пожалуйста. В противном случае, мне придется взять тебя на руки и отнести в машину.

- Между прочим, я пришла сюда совсем по другому вопросу.

- Извиняюсь. Я очень внимательно вас слушаю. Какой вопрос мы еще не решили?

- С учебой сына.

- Не волнуйся, родная. Наш с тобой сын обязательно будет учиться в самом лучшем Военно-морском училище, а служить там, куда пошлет его отец и Родина. Против такого решения, Ирина Васильевна, вы возражать не будите?

- Против такого, нет.

- Вот и славно! Приглашаю в машину. Из нее и позвоните домой Прохору

ОШИБКА

Старшина второй статьи Семак спустился в кубрик. Делать было абсолютно нечего, и он решил

позвонить своему корешу, Голованову, который нес вахту в посту.

- Привет Головастик! Харю давишь? А ну быстро принял строевую стойку. С тобой Родина разговаривает, - прокричал в трубку Семак. – Служба медом не кажется? – не унимался он.

- Кто это со мной говорит? Я заместитель командира корабля по политической части,- грозно пробасила трубка, - Вы понимаете?

- Понимаю, – ответил Семак, – А вы знаете, кто с вами разговаривает?

-Нет.

- Вот и хорошо, – Семак повесил трубку и быстро вышел из кубрика. Надо было на всякий случай раствориться в массах. От греха подальше.

Разбирательство было, но не долгим.

Замполит Голованова вычислил быстро. Но на все вопросы, кто ему мог звонить, он только пожимал плечами и говорил: «Не знаю».

Подозревал, конечно, замполит, что это мог быть Семак. Но… Не пойман, не вор.

Подозрение так и осталось подозрением.

АНТИПОДЫ

- Доктор, вы у нас сегодня обеспечиваете на корабле? – замполит, скособочив фуражку на

правое ухо и с «дипломатом» в руке, явно направлялся домой. Для дачи бесценных указаний он зашел в каюту начальника медицинской службы. Начмед гладил утюгом рубашку.

- Нет. Иду домой, - ответил тот бодро, явно понимая, что сход накрывается женским половым органом.

На переносице зама стали собираться недовольные складки.

- Сейчас вы отведете молодых моряков на экскурсию в музей флота, а уже потом пойдете на берег. Все равно ваша жена еще не приехала.

- Уже приехала, - не теряя надежды, промямлил доктор.

- Мне некогда заниматься с вами уговорами и воспитанием. Вашу кандидатуру утвердил командир. Моряки уже ждут на юте. Поторопитесь.

Проклиная все и вся, начмед стал быстро собираться, прекрасно понимая, что три часа бесценной свободы, даеще в субботу, уйдут коту под хвост.

Обогатившись знаниями о героическом прошлом и настоящем Черноморского флота, доктор привел моряков на корабль. На юте, греясь на осеннем солнце, стоял командир корабля и чему-то улыбался.

- Как экскурсия? Понравилось? – командиру хотелось поговорить.

- Нормально, - доктор был зол и уже голоден, – Почему меня назначили старшим? У меня сегодня сходная смена.

- Так зам распорядился. Ко мне какие претензии?

- Вот козел, - в гневе подумал доктор. Вслух такое произносить нельзя. Можно навести этим на себя такую беду, что потом в культпоход захочется ходить каждый Божий день.

- А ведь он сказал, что это вы приказали.

- Не задавай глупых вопросов. Сходил, не развалился? Интеллектуально подковался? Ну что там было? – командиру явно не хотелось говорить на служебные темы.

- Вначале было слово, - изрек начмед.

- Какое слово? – не понял командир.

- Матерное, естественно.

- А кто ругался?

- Я.

- Зачем?

- Потому, что домой должен идти. Общаться с семьей, ячейкой коммунистического общества, а вместо этого … интеллектуально развивался. Я жену и сына три месяца не видел. Соскучился.

- А где сейчас твоя жена?

- Вон, стоят за заборам, – начмед помахал рукой в сторону КПП.

- Хорошо. В таком случае можешь идти.

- Если можно, товарищ командир, то я пообедаю. Жена полчаса еще подождет. Перекусят потом с сыном в кафешке. На снятой квартире еще ничего не благоустроено.

- Что же ты их там держишь? Приглашай на корабль. Здесь покушаете и пойдете гулять, - командир хлопнул доктора по плечу.

- Спасибо вам большое, – к горлу подкатил комок, а глаза наполнились влагой.

Да, воистину, человек создан из крови и плоти, но не у каждого есть Душа.

ЗАКОН ПАРНЫХ СЛУЧАЕВ

Трудно себе представить, как они были близки друг к другу. Даже две капли воды не могли подобным образом слиться воедино.

Оба были Николаи, оба невысокого роста, крепкого телосложения, с бронзовыми, от южного солнца, и слегка отечными, от крепких напитков, лицами. Непокорные черные волосы клочьями торчали на их, начинающих лысеть головах. И у каждого на погонах тускло блестели по четыре маленьких звездочки. Почти одновременно они развелись. А свой досуг проводили за рюмочкой спирта и женщинами, позволяющими делать с собой все и, даже, больше.

Николаи были друг для друга ближе, чем сиамские близнецы, чем братья во Христе, чем Ленин и партия.

Они были друзья. Друзья – не разлей вода.

Об их крепкой дружбе знала и чувствовала ее на себе вся Крымская Военно-морская база.

Что же их отличало?

Наверное, не многое.

Во-первых, фамилии. Один был Щербина, другой – Филимонов.

Во-вторых, должности.

Коля Щербина был командиром узла связи и имел настоящее флотское звание капитан-лейтенант. Николай же Филимонов служил помощником военного коменданта. На его погонах красовались красные просветы и, соответственно этому, носил, как кару, сухопутное звание капитан.

Да, и еще.

Именно это для обоих было большим неудобством, так как мешало их общению. Щербина имел выходной в воскресенье, а Филимонов в четверг. Но, как известно, трудности только цементируют дружбу.

Субботний день приближался к обеду.

Солнце жарило так, что асфальт ручьем плыл по дороге.

Страдающий от жуткого похмелья, лени и зноя Филимонов сидел за столом и курил одну сигарету

за другой. На душе было мерзко, во рту гадко. Тело требовало принять горизонтальное положение.

Принятая утром двухсотграммовая доза самогона только усугубила и без того плохое самочувствие.

Занять себя было нечем. Ведь работа в комендатуре начинается вечером, когда личный состав с кораблей и частей идет в увольнение.

Закурив очередную сигарету, Филимонов потянулся и подслеповато глянул в окно. По дороге, в плывущем от жары воздухе, шел шатающейся офицер. Слабое зрение не позволило Николаю разглядеть идущего, а попытка напрячься болью отразилась в голове.

- Дежурный! – крикнул Филимонов, - Офицера, - он указал пальцем в окно, - в камеру, облить водой и сообщить в часть. Я ушел на обед. Приду, разберусь с ним сам.

Часам к семнадцати, выспавшейся, со свежей головой и в приподнятом настроении Филимонов пришел в комендатуру.

- Как тут дела? Что наработали? – спросил он.

- Как вы приказали, - доложил дежурный, задержали пьяного офицера. Сидит в камере. В часть сообщили. Во всех помещениях произведена приборка. С двух кораблей, на гауптвахту, на пять и семь суток, посадили моряков. С задержанными провели строевую подготовку. Приняли две телефонограммы.

- Молодцы! Все документы ко мне в кабинет.

Филимонов с чувством собственного достоинства раскрыл папку. Телефонограммы его почти не касались. В одной говорилось о штормовом предупреждении, в другой требовали провести месячник электробезопасности. Посмотрев документы разгильдяев-моряков, он открыл удостоверение личности офицера. С фотографии на него глянуло серьезное лицо Николая Щербины.

Лоб Филимонова покрыла испарина, во рту пересохло.

- Дежурный! – дико заорал Филимонов, - Что за офицера вы арестовали?

Дежурный по комендатуре вытянулся в струнку.

- Вы сами приказали его арестовать.

- Кого?

- Его. Он же был пьян.

- Мать вашу!!! В какой камере он сидит?

- Во второй.

- Быстро открой мне ее!

Картина, увиденная Филимоновым, наворачивала на глаза слезы. Свернувшись калачиком, на топчане, отвернувшись к стенке, в грязной, мятой рубашке, мирно спал его лучший друг, Коля Щербина.

- Коля! Коля! Вставай.

Щербина открыл глаза и лег на спину.

- А, это ты … Лучшего друга …

- Коля! Я не знал, что это ты. Я же плохо вижу… Прости.

- В часть сообщили?

Филимонов мотнул головой.

- Молодец! За такое рвение в службе майора скоро получишь. А я, хер! – и Щербина выкинул вперед согнутую в локте руку, - Доволен!?

После дежурства Филимонов зашел к Щербине домой.

- Коля, можно к тебе? – спросил он заискивающе, - Давай выпьем, - он стал торопливо доставать из портфеля хлеб, колбасу, консервы, помидоры, огурцы и бутылки с вином. Их оказалось ровно шесть. Ну, чтобы второй раз не бегать.

За столом страсти потихонечку утихли, и пьянка стала носить бытовой характер.

К трем часам ночи тяжелый хмельной сон свалил обеих на диван.

Воскресное утро для Филимонова выдалось тяжелым. Голова раскалывалась на множество частей. Но надо было идти на службу, будь она проклята.

Разыскав разбросанные по углам вещи, он с любовью взглянул на мирно спящего друга и по-доброму позавидовал ему. Одевшись, Николай тихо вышел, прикрыл за собой дверь.

По дороге в комендатуру у него была точка, где старуха-похметолог, в любое время дня и ночи лечила страждущих от похмелья.

Выпив под малосольный огурчик двести грамм самогона, Филимонов почувствовал, как свежий поток сил наполняет его тело. Голова посветлела, боль в теле прошла.

- А не повторить, ли? – появилась шальная мысль. Но усилием воли он взял себя в руки и заставил идти на службу.

Щербина проснулся около десяти. Голова тоже нестерпимо болела.

- Надо сходить в гараж, посмотреть, как машина. А то даже забыл, когда там появлялся в последний раз, - тяжело подумал он.

По инерции надев форму, он вышел на улицу.

Зайдя по дороге на туже волшебную точку, он похмелился, взял с собой для гаражных друзей еще бутылку и в приподнятом настроении отправился по намеченному маршруту.

Воскресный день приближался к обеду. Солнце, потеряв над собой контроль, палило так, что все живое искало прохладу и тень.

Страдающий от нового витка похмелья, лени и зноя, Филимонов сидел за столом и курил одну сигарету за другой. На душе было мерзко. Во рту гадко. Тело требовало принять горизонтальное

положение. Принятые утром двести грамм прекращали свое целебное действие.

Закурив очередную сигарету, он потянулся и подслеповато глянул в окно. По дороге, в плывущем от жары воздухе, шел сильно шатающийся офицер.

- Дежурный! – крикнул Филимонов, - Офицера, - он указал пальцем в окно, - в камеру, облить водой и сообщить в часть. Я ушел на обед. Приду, разберусь с ним сам.

Часам к семнадцати, выспавшейся и со свежей головой, в приподнятом настроении, помощник военного коменданта вошел в комендатуру.

- Как ваши дела? – спросил он нового дежурного, - Что наработали?

- Как вы приказали, задержали пьяного офицера. Посажен в камеру. В часть сообщили. На городском пляже задержан матрос, находившейся в самовольной отлучке. Строевая подготовка с задержанными и приборка во всех помещениях, проведены.

- Хорошо. Все документы ко мне в кабинет.

Филимонов с чувством собственного достоинства раскрыл папку. Полистав военный билет моряка, он открыл удостоверение личности офицера. С фотографии на него глянуло серьезное лицо Николая Щербины. От увиденного Филимонов чуть

не потерял сознание. Холодный липкий пот покрыл все его тело.

- Дежурный, что за офицера вы задержали? – ели слышно спросил он.

Дежурный был явно озадачен услышанным вопросом.

- Товарищ капитан, вы же сами приказали его задержать.

- Кого? – Филимонов, погруженный в собственные мысли, не слышал ответа.

- Ну, этого офицера… Он был пьян… - пролепетал дежурный.

- Ой! – Филимонов грязно выругался, - В какой камере он сидит?

- Во второй.

- Открой мне ее быстро!

Войдя в камеру, Филимонов увидел спавшего на топчане друга, свернувшегося калачиком.

- Коля! Коля! – он потряс Щербину за плечо, - Коля, вставай.

- Это снова ты, Иуда. Пошел на …, - Щербина повернулся на другой бок.

- Коля! Прости, я не хотел. Не разглядел, что это ты. У меня же зрение плохое. Ты об этом знаешь.

Оправданий было много. Но прощения он не получил.

- Лучше бы ты был слепой, - подвел итог разговора Щербина, - На этом этапе наша с тобой

дружба прекращается. Выйди и закрой камеру. Видеть тебя не хочу.

Над этим случаем еще долго потешалась вся Крымская военно-морская база. И как не смеяться: лучший друг дважды подложил свинью лучшему другу. Сработал закон парных случаев.

Больше они за одним столом не собирались никогда.

Вскоре Филимонов получил майора, а Щербина еще долго ходил в капитан-лейтенантах.

После таких проколов, если и приходилось задерживать офицера, он лично убеждался, что это не Щербина.

Этот крест он носил на себе теперь постоянно.

Вот и верь теперь, что служба дружбе не помеха.

ИНОРОДНАЯ ТЕМА

Человек всегда стремиться к совершенству. Быть выше остальных, если не по уму, то по должности, - вот наивысшая цель, которую он ставит перед собой, достигнув половозрелого возраста. Поэтому же критерию и оценивают его потом люди: есть машина, - значит умный, нет – был дураком, дураком и остался.

Помощник командира по снабжению купил машину. Сказал, что помогли родители. Соврал, естественно. Кто же поверит в честность военвора?

Теперь кают-компания ежедневно слушала о скатах, коробке скоростей, бензине и прочих автомобильных премудростях, что порядком всем надоело.

- Помощник, освоился за рулем? – начал за ужином больную тему командир.

- Так точно. У меня только вопрос к вам, товарищ командир. Автомобилист вы со стажем, может, что-то подскажите или посоветуете. Как только скорость машины переходит за сотню, под сидением начинает ощущаться вибрация.

- Это очко у тебя начинает вибрировать, - не выдерживает начальник РТС.

- Вот мы и услышали мнение умного офицера, - обращается ко всем присутствующим с сарказмом помощник по снабжению.

- Помощник, если честно, то ты уже всех достал своей машиной. Вибрирует - пройди техосмотр, отгони машину в автомастерскую, продай, наконец. Родители помогут купить новую. Мне лично надоело слушать каждый день, как ты по ночному городу проституток развозишь. У каждого свои проблемы. У меня дома стиральная машинка поломалась, так что, я об этом только и должен говорить? – обычно молчаливый механик вдруг

произнес такую длинную речь,- Связист вчера дверь высадил, потому что замок заклинило. Пришлось новую ставить. Но он молчит. Хотя тоже проблема. У кого их нет? А то, что личному составу БЧ-5 до сих пор не могут выдать положенное вещевое имущество, до этого у тебя руки не доходят.

- Так, - командир понял, что вопросом о машине он потревожил осиное гнездо, – В чем дело, помощник? Почему такое безобразие? Со своей машиной вы совсем бросили служить?

- Я ...

- Сегодня же все выдать! Работайте хоть всю ночь. А вы, механик, завтра утром мне доложите результат.

Далее ужин проходил молча. Расходились тихо.

В тамбуре кают-компании стоял командир группы управления артиллерийским огнем и с наслаждением курил, выпуская дым в рыжеватые усы.

- Помощник, - окликнул он выходящего автомобилиста, - начальник РТС сильно про твое очко сказал. Оно у тебя и сейчас, по-моему, еще вибрирует.

- Что ты, что начальник РТС, оба дураки. От вас умного ничего не услышишь.

- Будешь так говорить, - командир ГУАО положил свою огромную ладонь на макушку низкорослого помощника, - я тебе раздавлю череп.

- Да пошел ты, - оттолкнув руку, помощник пошел к себе в каюту. Планируемый вечер отдыха неожиданно обернулся рабочим.

Больше в кают-компании об автомобилях не говорили. Эта тема была отторгнута, как инородная ткань.

СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ

Когда начальство, насытившись, покидает кают-компанию, в ней всегда становится шумно. Каждый стремится блеснуть природной эрудицией, изрыгнуть из себя что-то новое.

Трудовой день не располагает к частым встречам, поэтому истосковавшись по «человеческому» общению офицеры расслабляются именно здесь. Только Коля Молоканов отчего-то сидит хмурый. Его пылающие щеки свидетельствуют о том, что в одиночку он где-то накатил грамм сто «шила».

- Коля! – доктору никогда не сидится спокойно. В заднице торчащее шило не дает ему тихо созерцать окружающую среду, – Ты чего такой серьезный? Что случилось?

Колины щеки начинают пылать ярче, а щеткой торчащие усы, двигаться интенсивнее. Его сопенье слышно всей кают-компании.

Все ждут, что будет дальше.

- Коля, не молчи, выплесни адреналин. Тебе станет легче. Отвечаю со всей серьезностью. Все-таки обучался шесть лет. Это целители человеческих душ, политработники, учились четыре года. Но они тебе сейчас не помогут. Хотя и могут предложить стать кандидатом в члены КПСС. Ты же явно засиделся в комсомоле! На плечах четыре звездочки. Капитан-лейтенант! У помощника по снабжению две, а уже коммунист. Ему это звание не мешает нас с тобой объедать, обвешивать и недомеривать. То есть строить коммунизм в отдельно взятой семье. Слухи ходят, что он машину собирается покупать. Правда, помощник? – обращается начмед к сидящему рядом помощнику по снабжению.

Помощник юн, но свое воровское дело знает туго. Он что-то пытается бурчать в ответ, но его голос тонет во всеобщем веселье.

- Ну, так что у тебя, Коля?

- Жена принца ищет.

- Здесь с ней нельзя не согласиться. В этом она права, что в тебе его не нашла. Ты, Коля, в зеркало посмотри, разве ты похож на принца? Ты на него никак не тянешь. Ни внешне, ни внутренне. «Шило»

жрешь в одиночку. Куришь восемнадцатикопеечную «Новость», что для нее не новость. Шикуя в кабаке, смолишь двадцати трёхкопеечную «Лайку» и спишь потом с женщинами, которые даже не знают, что на свете есть принцы. Жене же скажи, что принца можно искать всю жизнь, а мужик нужен каждый день.

Краснота с Колиных щек спускается на шею. Он явно недоволен, что ввязался в разговор.

- Доктор! Я, когда-нибудь, набью тебе морду.

- Фу, как не культурно. Ты как не отесанный мужик. Принц бы сказал иначе: «Я вызываю вас на дуэль». Запомни, Коля, а лучше запиши, чтобы в спешке не забыть: «Морда - у лошади, рыло - у свиньи, а лицо - у человека и курицы.

- Вот и видно, что у тебя куриные мозги, - Молоканов сдаваться не хочет.

- И опять ты ошибаешься. У военных мозгов нет. Вообще нет. Им в основном голова нужна, чтобы фуражку носить. Еще они ею едят, пьют, все что горит и не горит, говорят всякую ересь и курят. Некоторые даже «Новость».

Обед закончился. Время общения тоже. Наступал адмиральский час. Не мы его придумали, не нам его и отменять. Все расходились по каютам, чтобы потом снова встретиться на ужине.

БЫТИЕ ФЛОТСКОЕ

Командир бригады, Цубин Александр Сергеевич, внешне выглядел сурово. Но эта суровость была скорее должностной, наработанной долгой службой. Не может же командир ходить и улыбаться, как дурачок. Его сразу же перестанут уважать.

Как человек, он был мягок, добр, понимал чужую боль и, не чураясь должностью и званием, помогал подчиненным в решении затруднительных вопросов.

Любил он, а главное, умел пошутить. И пошутить так, что волосы на голове начинали шевелиться от первоначального шока и пронизывающей жути.

Сказав что-то, он отходил в сторону и, как гениальный режиссер, наблюдал дальнейшее развитие происходящего со стороны, глазами простого зрителя, тихо посмеиваясь.

Подведения итогов в штабе проходят всегда с выбросом в атмосферу большого количества адреналина. Служба военно-морская без замечаний обходиться не может. А если нет замечаний, то это уже не служба, а рай. В сказки же на флоте не верят.

Закончив свою племенную речь, Цубин предоставил слово начальнику штаба, который

могильным голосом объявил оценки кораблям и частям.

Вот-вот должна была прозвучать долгожданная для всех команда: «Товарищи офицеры!», как комбрига вдруг осенило:

- Завтра всем сбор в штабе в десять ноль-ноль. У кого из присутствующих есть электронные часы? – он пробежался взглядом по рядам, - Поднимите руки.

Из присутствующих, только трое остались спокойно сидеть.

- Для вас персонально повторяю! Это когда на циферблате высветится цифра 1000. Понятно? Товарищи офицеры! – он резко встал и вышел из конференц-зала.

Расходились не весело.

Смеяться не хотелось. Хотя шутка и была оценена по достоинству.

Вместо запланированного выходного надо тащиться в штаб.

Зачем?

Никто не знал.

Что делать?

Тоже не известно.

В этом весь Цубин!

В десять ноль-ноль командиры кораблей и частей со своими заместителями, офицеры и мичманы штаба стояли на плацу.

Вышел комбриг. Его большое, грузное тело тряслось от смеха.

-Кому не понравилась моя вчерашняя шутка? У кого часы не показывают тысячу?

Строй молчал.

- Вижу, что всем. И вам доктор? – он встал напротив флагманского врача, - У вас-то с юмором всегда было все в порядке.

- Очень понравилась, товарищ комбриг.

- Рад, что не все утратили это чувство. Кто не понял шутки, может быть свободен до понедельника, а флагманский врач пройдет по кораблям, посмотрит качество проведения большой приборки. Замечания доложит мне лично. Все свободны.

Теперь все расходились весело.

Грустен был лишь один доктор. Он в душе проклинал гребаную службу, веселого комбрига и всех тех, кому Фортуна сегодня весело улыбалась.

Рассыльный по штабу догнал флагманского врача у проходной завода.

-Товарищ майор, вас комбриг вызывает к себе.

- Что он еще хочет?

- Я не знаю.

Цубин сидел за столом и пил чай.

- Что не весел, Саня? Сам же сказал, что шутка понравилась. Правда, классная?

Доктор еще лейтенантом служил вместе с Цубиным на корабле, когда тот был командиром, поэтому их отношения больше напоминали дружеские, чем служебные.

- Супер, - грустно улыбнулся доктор.

- Не хочется идти на корабли?

- Не хочется, - замотал головой флагманский врач.

- Выиграешь у меня в шахматы, не пойдешь. Не выиграешь – пеняй на себя.

- Товарищ комбриг, вы же знаете, что я плохо играю.

- Знаю. У тебя будет стимул. Расставляй. Отнимаешь время и у себя, и у меня. Спорить и сопротивляться бессмысленно. Ты же знаешь.

Судьба в этот раз была к доктору благосклонна. Комбриг зевнул ладью, а потом коня.

Доведя партию до победы, доктор встал, - Разрешите идти, товарищ комбриг?

- Может еще одну?

- Не-е-е. Уговора такого не было. Эту я точно проиграю. А тогда…

-Ну, хорошо, иди.

- Спасибо, до свидания товарищ комбриг.

- А который час?

- 1228, - весело засмеялся доктор.

ПОГОВОРИЛИ…

Миша Сурков, опустив начинающую седеть голову и слегка пошатываясь, брел по корабельному коридору.

Судьба вновь ударила его наотмашь. Вот уже в третий раз его за пьянку снова разжаловали в лейтенанты.

На душе скребли кошки. Конечно, сам виноват, а все равно обидно. Однокашникам скоро третьего ранга получать, а он опять лейтенант.

- Сурков, что вы себе позволяете? Опять перед личным составом разгуливаете пьяным?

Миша поднял глаза. Перед ним стоял заместитель командира корабля по политической части. Мысли о сущности Бытия были прерваны.

- Что вы тут ищите? Снова приключения на свою задницу? Немедленно идите в каюту и проспитесь.

Затуманенным взглядом Сурков уставился на зама, - Глобус ищу.

- Зачем? – обалдел замполит.

- На душе погано. Хочется обосрать весь мир.

Зам побагровел.

- Я доложу о вашем поведении командиру.

- Хоть Министру обороны, - бросил тот в ответ, угрожающе скрипнув зубами, и продолжил свой бесцельный путь.

Ему было уже все по барабану.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Каждое время рождает своих героев. И смутное тоже.

Толя Мамонтов, получив на корабле старшего лейтенанта, пришел в штаб флагманским специалистом по мино-торпедному оружию. Он не имел ни семи пядей во лбу, ни высокого интеллекта, ни потрясающих способностей. Толя был рядовой посредственностью.

Просто он удачно женился, и… карьера поползла вверх. Его женой стала любимая дочь первого лица области.

Время наступило такое. Период развала и хаоса.

Каждый плыл в свою сторону. И каждый был уверен, что именно в этом направлении его ждет берег.

Звезда Мамонтова вдруг ярко засияла на небосклоне. Но этого света земляне не видели.

Теперь получалось так, что корабельные офицеры в звании капитан-лейтенант и капитан третьего ранга, имеющие богатый опыт боевых выходов в море, должны были исполнять приказания старшего лейтенанта, судящего о морских походах по рассказам очевидцев.

Яйца стали учить кур.

Толя в штабе чувствовал себя не уютно.

Трудно молодому найти себя среди умудренных опытом офицеров. Нечего не знаешь, и спросить стыдно.

Он был замкнут, забит (авторитет тестя давал о себе знать), не общителен, всего боялся, все и всех сторонился.

Его начинания из-за отсутствия опыта и знаний заканчивались крахом.

Служба ратная Анатолия тоже не радовала. Тяготился он ей.

И время было непонятное. Рушилось все, и флот в том числе. И уклад жизни менялся коренным образом.

Тесть, обладая даром провидца, сразу понял, что зятю адмиралом не быть и посоветовал поступать в юридический институт на заочное отделение.

- Юристы везде нужны, - резюмировал он, - и у военных, и на гражданке. Положение, деньги, карьера им обеспечены. Уж что-что, а в этом отношении я о тебе позабочусь. Понял?

Огорчать тестя не хотелось. Толя становится студентом-заочником. Теперь на службе он грызет гранит юридической науки. Деньги платят, можно и послужить.

Мамонтов начал внешне меняться: появилась осанка, стать, плечи стали шире, лицо зарозовело

от домашних харчей, залоснилась кожа, заметно стал прибавлять в весе, а главное, изменился взгляд. На людей он стал смотреть иначе. В нем сквозило пренебрежение, надменность, самоуверенность, презрение и превосходство. Он был уже не просто Толя Мамонтов из Оренбурга, а зять первого человека области!

Внутренне, правда, ничего не изменилось. Он оставался нелюдим и немногословен. На все «Да», «Нет». И не более.

Собственно говоря, окружающим он тоже был безразличен. О нем вспоминали лишь тогда, когда Мамонтов заступал оперативным дежурным.

Все у Толи шло замечательно, как вдруг…

Это «вдруг» всегда приходит не кстати.

В одно мгновение он сник и начал чахнуть. Плечи опустились, глаза потухли, кожа утратила природную свежесть. Теперь Толя работал, жил, спал и, может быть, справлял кое-какие естественные надобности, прямо в кабинете, а пищу принимал вместе со всеми в кают-компании.

Звезда погасла. Фортуна показала свой зад.

На вопросы: «Что случилось?» или «Почему домой не идешь?» упорно молчал.

Но… Земля слухами полнится. Толю накрыли на бабе. С кем-то он на сессии познакомился и, как водится, переспал. Дело-то житейское. Без этого

жизнь не проживешь. Из дома его и выгнали. Клонированный дог снова превратился в дворнягу.

Продолжалось так месяца три.

Никто за ним, бедолагой, не пришел.

Жена, говорят, стала крепко гулять. Из мести, наверное.

А Толя из бригады исчез.

Куда?

Никто не знал.

И знать не хотел.

Тихо пришел, тихо и ушел.

По-английски, не прощаясь.

У догов с дворовой собакой никогда не бывает общих щенков, а если такое случается, - значит, он сам превратился в дворняжку.

Только так.

ПОБЕГ

Конец восьмидесятых, начало девяностых годов прошлого столетия были бурными на события. Власть в СССР возглавил новый партийный руководитель М.С. Горбачев. По сравнению с другими Генеральными Секретарями ЦК КПСС, он был относительно молод, необузданно горяч и напичкан разными бредовыми идеями. Энергия так и перла из него. Не человек, а не объезженный

конь. Говорил он много, но не понятно. Именно это, наверное, и потянуло к нему жителей необъятной страны. Народ от непонятного тупеет и тогда вести его можно куда угодно.

Началась массовая борьба с пьянством и алкоголизмом, появилась гласность и демократия с лицом и поведением анархизма. Республики стали свободными, резко провозгласили независимость и начали новую жизнь. Все зажили по-разному, но без блеска в глазах и веры в будущее.

Запутавшейся же до конца народ сбросил с престола взорвавшегося говоруна и пустился в поиски безоблачного похмельного счастья.

Ельцин, спустившись с танка, начал пропивать Россию, Кравчук строить, на сэкономленные от заработной платы деньги, «хатинку» в Швейцарии. Короче, везде появились очень богатые и очень бедные люди.

Мир перевернулся с головы на задницу. С трибун улыбались Иуды. На них, слезящимися от восторга глазами, смотрели верующие в чудо юродивые.

Так было и так есть, к несчастью, до сих пор.

И вот, в тот самый период, когда все вышло на улицу, и анархизм провозгласил себя демократией, еще советский плав транспорт возвращался из Средиземного моря на родину в Севастополь. На этом корабле, по причине непонятной болезни,

находился штурман противолодочного крейсера, капитан третьего ранга Петя Агеев, направленный с боевой службы на консультацию и лечение в военно-морской госпиталь.

Петя, был далеко не красавец. Его смуглое, слегка рябоватое лицо с длинным прыщавым носом всегда выражало недовольно. Он считал себя невостребованным жизнью и недооцененным начальниками.

Продумал Петя все до мелочей.

В самом начале боевой службы у него появляются резкие боли в желудке. Лечение, назначенное корабельным врачом, положительного эффекта не дало. Офицер, прикованный к койке и не выполняющий своих функциональных обязанностей на корабле, который находится вдали от родных берегов, вызывает естественный гнев у командования. Больше всех достается, естественно, медицинской службе. Врачей обвиняют в безграмотности, некомпетентности и безделии.

Наконец, это все всем надоедает. Самое высокое начальство присылает Агееву замену, а его, посадив на гражданское судно, отправляют в Севастополь.

А Петя готовится. Готовится серьезно.

На этом корабле Агеев гость. Ну, кто подумает о взрослом человеке, тем более старшем офицере, плохо? Никто. Своих дел по горло.

Большую часть пути Петр, ссылаясь на ухудшение здоровья, старался находиться на свежем воздухе, на юте. Так он всех приучал к своему местонахождению. И к этому быстро привыкли.

При проходе корабля через узкости, на верхней палубе экипажу находиться запрещено. Это незыблемое правило.

Все время, когда корабль шел через пролив Дарданеллы, Агеев простоял, облокотившись на леера. В Мраморном море он отдыхал, лежа в койке. Подойдя к проливу Босфор, он снова вышел на верхнюю палубу. Куртка, одетая на голое тело, была расстегнута, брюки держались на одном крючке, на босых ногах – тапочки, к спине привязаны аккуратно замотанные в целлофан документы. Лицо горело и изображало неподдельные муки, по лицу струился крупный пот, тело неестественно сжато, глаза лихорадочно блестели.

Пролив Босфор тяжел для судовождения. Здесь много поворотов. Требуется повышенная внимательность при маневренности корабля. Ход – самый малый.

Петя знал, что из оружия на корабле есть два пистолета, у капитана и помощника, да и те

стреляют раз в пятилетку, в тире. А так, лежат в сейфе. Пылятся и ржавеют. Это на военных кораблях при проходе проливов на верхней палубе выстраивается вахта с оружием.

При выходе из пролива в Черное море, равнозначно, как и при заходе корабля в пролив, его всегда сопровождает быстроходный разведывательный американский катер, напичканный фото-, видео-, радио- и другой видящей и слышащей аппаратурой.

Когда катер стал подходить к борту корабля, с мостика крикнули, -Товарищ капитан третьего ранга, зайдите в каюту. Находиться на верхней палубе запрещено. Выйдем в море, тогда, пожалуйста.

-Мне плохо! Сейчас зайду, - зло прорычал он в ответ.

И как только катер подошел к борту достаточно близко, Агеев сорвался с места, стремглав выбежал на ют и ласточкой прыгнул с борта в море.

Пока это заметили, пока корабль застопорил ход, Петю закрыл собой разведчик, поднял на свой борт и, развернувшись, на максимальном ходу ушел к турецкому берегу.

- Прошу политического убежища, - дрожащим голосом пролепетал Агеев, ступив на палубу американского катера.

А бедный плав транспорт еще долго стоял на месте, не зная, что делать, докладывая по сто раз одно и то же в разные инстанции.

Наверное, работники ЦРУ выжали из Пети все. Но, к великому их разочарованию, он не был хранителем больших секретов и вскоре интерес к нему был утрачен.

И здесь Агеев не был оценен.

Ему, все же, дали турецкое гражданство. Теперь он на катере переправляет пассажиров с одного берега Босфора на другой.

Счастлив ли он?

Может быть.

Но вряд ли.

Как на чужбине не хорошо, а дома лучше.

И не всегда чужой гамбургер слаще родного черствого ржаного хлеба.

Дома и дым слаще, и водка крепче.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Семнадцать ноль-ноль. Время вечернего доклада. Командиры боевых частей и начальники служб с суточными планами и кучей других бумаг, подтверждающих сделанное и не сделанное (святое правило гласит: «Сделал – запиши, не сделал – запиши дважды») и всем тем, что сегодня

нужно представить старшему помощнику, идут к нему в каюту.

Начинается доклад со штурмана, командира боевой части один и заканчивается, естественно, начальником медицинской службы.

Доктор на корабле на особом положении. Его относят к бездельникам и тунеядцам, считают балластом и, вообще, не моряком, ибо курица не птица, а доктор не моряк. От того он и носит на погонах красные просветы.

Но… без него нельзя. А вдруг?

И это вдруг в море случается довольно часто. Поэтому его и ценят за профессионализм, любят за сказанное к месту и не к месту острое словцо, уважают за покладистый характер и просто за то, что он хороший человек. Еще у него есть то, что у других быстро заканчивается. Это – спирт. Короче, - с ним никогда не бывает скучно.

- Что вы наработали сегодня, доктор? Или весь день проспали? Я давно от вас не слышал о санитарном состоянии жилых помещений,- старпом сегодня обеспечивает на корабле и никуда не спешит. Его клонит пофилософствовать, - Вы готовы к докладу? И чего такой нарядный ко мне пришли? Может на сход собрались? Я сегодня обеспечиваю, а он гулять пойдет. Нет! Вашему сходу дробь!

- Это почему? – доктору такая тема разговора начинает не нравиться.

- Все свободны. Кроме начмеда. У нас с вами, товарищ старший лейтенант, будет долгая и интересная беседа. Потом мы выпьем по соточке «шила», пойдем поужинаем и …

- Не хочу я ни вашего «шила», ни ужина, ни вашего «и».

- Хорошо. Тогда скажи, куда ты пойдешь? У тебя семья здесь?

- Нет.

- Вот, - он махнул головой и закурил сигарету, - Поэтому в городе тебе делать нечего.

- Как это нечего? – доктор тоже взял сигарету и закурил.

- Ну, куда ты пойдешь? Разумеется, в кабак. Снимешь там очередную б…, подхватишь от нее гонорею или того хуже, принесешь все это на корабль, кораблю объявят карантин, ...

- Тьфу-тьфу-тьфу, - плюет доктор через левое плечо, - При этом заболевании карантин не объявляется.

- Значит, все-таки идешь в кабак?

- Да никуда я не иду.

- Молодец! – улыбается старпом. Его рука тянется к телефонной трубке, - Дежурный! Передайте вахтенному у трапа, - доктора на стенку не спускать.

Начмед по-настоящему краснеет.

- Почему нельзя-то? Я не понимаю.

- Скажи, что я здесь без тебя буду делать? С кем играть в домино?

- Я не люблю играть домино, - настроение у доктора падает все ниже и ниже.

- Тогда в нарды, - не унимался старпом.

- Не хочу я никакие нарды. Мне в город нужно! Позвонить, купить кое-что.

Старпом любит доктора. Но эта любовь уже переходит все границы. Ему явно хочется поиздеваться над ним, а потом, сделав акт доброй воли, отпустить с миром.

- Хорошо, поверю тебе в последний раз. Но при одном условии. Ты выпьешь со мной «шильца », мы поужинаем и ... я отпущу тебя на все четыре стороны… до двадцати двух часов. Такой вариант тебя устраивает?

- Устраивает, - доктор облегченно вздыхает и улыбается. Он твердо убежден, что вернется на корабль не в двадцать два часа, не в полночь, а только утром. Знает это, конечно, и старпом. Он будет изнывать от тоски и украдкой поглядывать на часы. А вдруг доктор вернется.

Нет, дорогой товарищ, нет.

Делу время и потехе столько же.

ГОРЬКИЙ УРОК

На флоте такое случается часто, когда офицера или мичмана не пускают домой. Причин для этого - превеликое множество. И даже больше.

Это любые нарушения в боевой части, начиная от невыхода какого-то разгильдяя на физзарядку, брожением личного состава после отбоя, поломки материальной части, не вовремя поданного документа и всякое другое, косвенно относящееся к воинской службе.

Да и настроение высокопоставленных лиц играет при этом далеко не последнюю роль.

Что было в этот раз, история уже не помнит, но Витю Шмелева не спускали на берег вторую неделю.

И он запил.

Крепко запил.

- Передайте всем, - объявил он, - я болею, - и заперся в каюте.

Поначалу его тревожили, вызывали, пытались воспитывать, но потом махнули рукой и оставили в покое.

- Перебесится и успокоится. А выйдет из «штопора» - разберемся, - решило командование и оставило Шмелева в покое.

Незаметно подошло воскресенье. Вите об этом было и невдомек. Счет дням он давно утратил.

В дверь постучали.

- Товарищ капитан-лейтенант, - раздался голос рассыльного, - к вам на КПП жена пришла.

Шмелев жену побаивался. Он вскочил с койки, - скажи ей, что через двадцать минут выйду.

Виктор подошел к зеркалу. Оттуда на него глядело обросшее щетиной, отечное лицо с ввалившимися глазами.

- Пора бросать пить, - пришла в голову первая трезвая мысль.

Дрожащей рукой Витя взял в руки зубную щетку, выдавил пасту.

От первых движений щеткой во рту появился какой-то непонятный сладковато- тошнотворный привкус. Он попытался сплюнуть. Вязкая масса на зубах не позволила это сделать. Подступила тошнота. Виктор быстро открыл кран. Воды в бачке не было.

Лихорадочный взгляд остановился на тюбике. На зеленом фоне чернела надпись: «Вазелин».

Шмелева рвало так, что казалось, очистился даже толстый кишечник.

Обессиленный он рухнул на койку.

- Товарищ капитан-лейтенант, - снова раздался голос рассыльного, - вас на КПП жена ждет.

- Передай ей, что я не выйду, - прошептал Шмелев, - Температура у меня. Понял? Пусть домой идет. Вылечусь, приду сам.

Больше Витя не пил никогда.

А запах вазелина его преследовал теперь всю жизнь.

НЕВЕЗУХА

Саня Степаненко проснулся поздно. От чрезмерно выпитой вечером водки и выкуренных сигарет голову разрывало на множество частей. Ломящее тело казалось чужим. Во рту было ощущение, будто там всю ночь оправлялись мухи.

Дернул его Черт поехать к куму в соседнее село. В городе этого добра видно оказалось мало.

Он с трудом поднялся. В груди глухо застучало сердце. К горлу поступила тошнота.

- Надо что-то делать. Иначе помру, - тупо шевелилась мысль. – Сколько же мы выпили? И не припомню.

Подняв с пола брюки, проверил карманы. Деньги и документы были на месте. Уже хорошо.

В доме никого не было.

- Куда Васька подевался? Наверно ушел к той женщине. Откуда она появилась? – мыслить тоже было больно.

Он сунул голову в ведро с водой. Стало заметно легче. Затем поднял его и вылил остатки воды на себя. По дому потекли ручьи.

Саня махнул рукой и стал одеваться.

Солнце пекло нещадно.

Через минуту ему снова стало плохо. Лоб покрыла липкая испарина.

Возвращаться смысла не было.

Он вышел на трассу и остановил машину.

- Отец, до города и побыстрей.

- Мне немного не туда, - шофер, пожилой мужчина выглянул из кабины.

Вид Александра был плачевным. Кремовая рубашка промокла от пота, из-под фуражки текли ручьи пота.

- Отец, червонец даю, только довези.

- Садись, горемыка. Разве можно столько пить?

- Батя, пожалуйста, помолчи. Голову просто разрывает. Я на заднем сиденье немного полежу.

Степаненко задремал.

- Моряк, тебе, куда в городе?

- К рынку.

Саня знал, что в магазине возле рынка всегда есть свежее пиво.

Рассчитавшись с водителем, он перешел дорогу.

- Две бутылки пива. Если можно, похолодней.

Первую он выпил прямо у прилавка, не отрываясь, чувствуя, как с каждым глотком боль в голове и теле куда-то исчезают.

Настроение повышалось. Уже хотелось творить и созидать. Прорезался аппетит. Жутко захотелось есть.

- А дайте-ка, девушка, мне вот это колечко колбасы.

Степаненко вышел на улицу. Встав под тенью платана, он с аппетитом жевал колбасу, запивая ее пивом.

Жизнь возвращалась.

Уже и солнце было не так жарко, и плавящийся асфальт пах не так резко, а лица редких прохожих излучали душевное тепло и радушие, но похмельный пот продолжал потоками струиться по телу. Это его даже веселило.

Невдалеке за столиком сидела женщина и продавала билеты «Спринт».

- Товарищ офицер, купите билетик, не пропустите своего счастья, - голос продавщицы был вязок, как гнетущая духота.

Положив бутылку в урну, Степаненко подошел к столику.

- Дайте-ко мене пять, а… давайте десять билетиков, - Саня протянул женщине пять рублей, - Гулять, так гулять, - резюмировал он, махнув рукой.

- Такс, приступим, - он потер рука об руку. – Где тут моя машина?

Он взял первый билет. Вскрыл его.

- Выигрыш – билет «Спринт», - прочитал Александр. - Хорошо, начало положено.

Во втором и третьем билетах было пусто. Долго выбирал четвертый. Наконец поднял его, со знанием дела взвесил в руке. Хмыкнув, положил обратно. Рука потянулась к следующему.

По дороге не спеша шли мужчина и мальчик лет пяти-шести. Увидев лоток, ребенок стремглав подбежал к нему, схватил билетик, который не понравился Степаненко и разорвал его.

- Мишка, не смей ничего трогать, у нас денег нет, - закричал отец. Но было поздно.

- На, - глаза мальчика горели радостью.

- Ты будешь меня слушаться или нет? Сейчас мы вместо пляжа пойдем домой. Понятно? Давай, что ты там выиграл?

Мужчина развернул билет и ахнул. Саня скосил газа и тоже ахнул. В билете красовалось:
«Выигрыш – автомобиль Волга-2410 ».

Ноги у Степаненко стали ватными, сердце снова глухо застучало в груди, липкий пот опять покрыл все тело. Он развернулся и медленно побрел в сторону магазина.

- Молодой человек! Куда вы? – кричала продавщица ему вслед, - Вы еще не все билетики взяли.

Саня устало махнул рукой и пошел дальше. Счастье лежало у него в руках, но он его отбросил.

Больше он с Судьбой в азартные игры не играл.

Если не дано, то не дано.

А если не везет…, то это навсегда.

О МУКАХ И СТРАДАНИЯХ

Командир группы БЧ-2 Вася Старухин внешне ничего примечательного собой не представлял. Крепкий, маленький, с круглым лицом.

Его каждый может легко представить. Он походил на солнце, которое рисуют художники в книгах для детей, с большими глазами и наивной, застенчивой улыбкой.

Еще Вася обладал жутким магнетизмом. Он с легкостью притягивал к себе женский пол. Причем женщин очень разных. И по своим внешним данным, и по положению, и по возрасту, и, что, характерно, по росту.

Что их тянуло к нему, не понятно.

Этот его феномен остается для меня до сих пор загадкой.

Но данный факт к этому рассказу не имеет никакого отношения.

Наш корабль стоял на Минной стенке славного города Севастополя. Бывало это редко, но все же бывало.

Осенний воскресный день был солнечным, но не жарким. Северный ветерок нес прохладу.

Время приближалось к обеду. Офицеры, проводившие свой досуг на берегу, прибывали на корабль. Их встречал дежуривший по кораблю Саша Пушкин.

Скоро и наша смена, обеспечивающая порядок и жизнедеятельность, пойдет на заслуженный выходной.

Пушкину скучно.

Чтобы скрасить свое одиночество, он вызывает меня. Облокотясь на леера, мы мирно беседуем о прелестях вне корабельной жизни.

Офицеры и мичманы, один за другим, пройдя КПП, поднимаются по трапу на корабль.

Наконец, контрольно-пропускной пункт пересекает огромная фуражка, носителем которой является Старухин. Но какова походка! Так ходят только несостоявшиеся танцоры. Ноги широко расставлены, движение медленное на несгибаемых коленях. По лицу струятся пот и слезы. Сейчас он похож на плачущее солнце.

- Василек, ты бы хоть иногда домой ходил, а то сотрешь все свое хозяйство на чужих бабах. И вот результат. Идти не можешь. Придется сейчас тебя кастрировать к чертовой матери, - мне не терпится почесать язык.

Пушкин злорадно хмыкает.

- В том-то и дело, что из дома иду. Пошел на сход в новых туфлях. Ноги стер до костей.

- Есть два прекрасных варианта, - не унимаюсь я, - выбирай. Первый, я отрезаю тебе ступни и второй…

-Я выбрасываю эти туфли за борт, - продолжает Старухин, снимая с ног полуботинки и со злостью швыряет их в морскую пучину. Туфли издают печальный выдох и мужественно тонут под наш веселый смех.

- Вася, нельзя так нерачительно поступать с военным имуществом. Но принимая близко к сердцу твои душевные и физические страдания, обладая, в отличие от Пушкина, прирожденной добротой и профессиональной гуманностью, я презентую тебе сто граммов «шила». Если, конечно, вы не будите сильно возражать. А вам, Александр, я не налью ничего. И не смотрите на меня, как Ленин на буржуазию. Это будут преступно с моей стороны спаивать дежурно-вахтенную службу.

- Сука ты, докторинчик, и гандон, я тебе этого никогда не прощу. – Пушкин отворачивается, но не уходит.

- Что я в тебе ценю, Саня, так это то, что ты не боишься никому в глаза сказать правду, даже мне. Поэтому я просто обязан взять тебя с собой.

Моя лесть и доброта растапливают начинающий образовываться лед в сердце друга. Он широко и открыто улыбается. Улыбается солнечный Вася, улыбаюсь и я. Мы идем ко мне в каюту.

Всем хорошо. Но одному еще и больно.

А не было бы больно, не было бы и хорошо.

ЛЖЕБОЛЬНОЙ

Вася Старухин вернулся на корабль очень рано, точнее ночью. Не надо быть супер разведчиком, чтобы догадаться, - дома он не был.

- Доктор, - затряс он начмеда, - проснись. У меня беда.

- Что ты хочешь? Не мешай спать. Амбулаторный прием на корабле с шестнадцати до семнадцати. Беда, если Намибия вероломно нападет на Шри-Ланку. Свободен! Душевные травмы лечит замполит.

Он включил свет.

- Да открой же ты глаза. Посмотри, что у меня на шее.

Щурясь спросонок, доктор взглянул на короткую шею комбата.

- Ни хрена себе! Молодец! Настоящий мужчина! – у доктора от увиденного сон моментально исчез, - Как же теперь жене покажешься? – шею лейтенанта сплошь покрывали засосы, - Это минимум две недели. Моли Бога, чтобы корабль вышел в море. Ты, как похотливый кобелек, залез на суку и разум потерял.

- Положи меня с чем-нибудь в лазарет. А то я полностью сгорю, - в глазах артиллериста стояли слезы, - Если еще и замполит увидит, точно выговор по партийной линии влепит. Тогда звание не получу. Спасай, доктор. Все пройдет, в кабак за мой счет пойдем.

Утром Старухин, с замотанной бинтом шеей, крадучись вошел в кают-компанию на завтрак.

- Старухин, что это с тобой?- старпом выкатил от удивления глаза.

- Лимфаденит, товарищ капитан-лейтенант. Температура. Доктор уколы начал делать, - Василий покраснел. На его пунцовом лице выступили капельки пота. Глаза заискивающе глядели то на старпома, то на доктора.

-Что с ним доктор? – старпом повернулся к начмеду.

- Неудачная суицидальная попытка через повешенье. Назначено лечение по рассасыванию стронгуляционной борозды, - начмед дико захохотал, – Если быть честным, то на правой

стороне шеи четко виден след от сабельного удара. Но шея нашего товарища оказалась такой крепкой, что белогвардейский клинок переломился пополам. Офицер остался жив, - доктор снова зашелся смехом.

Старухин тупо глядел перед собой и пил чай, который ему явно не лез в глотку.

- Но если без шуток, - доктор стал серьезным, - то у него банальный лимфаденит, резвившийся на фоне не долеченной лакунарной ангины. Хорошо, что не образовался пара тонзиллярный абсцесс, а весь удар инфекции приняло на себя защитное лимфатическое кольцо Пирогова-Вальдейера.

- Доктор, ты мне решил выдать весь запас своих познаний в медицине? – старпому надоело слушать пустой набор непонятных медицинских фраз, - Теперь послушай меня. Пока Старухин не встанет на ноги, вам на берегу делать нечего. Судя из изложенного, состояние офицера почти безнадежно. Поэтому кладите его в лазарет и лечите. Как только вылечите, так сразу и на берег пойдете, - теперь уже весело смеялся старпом.

- Старухин, если я сегодня не сойду на берег, то пойду на преступление и убью тебя или, за ломаный грош, сдам заму. Иди долой с глаз моих в лазарет и в кают-компанию больше не появляйся. Еду будешь принимать там.

Вечером о Старухине все забыли, как о безвозвратно потерянном. Доктор регулярно сходил на берег, Старухин принимал ультрафиолетовое облучение, рассасывающие компрессы, жрал и спал. А через пять дней в Черное море зашел американский фрегат и наш корабль ушел сопровождать его. Так что через две с половиной недели Василий выглядел, как свежий огурец.

Все были довольны и счастливы.

О ЗДОРАВЬЕ, ПОГОДЕ И ДРУГОМ

В ярких лучах яркого солнечного света, по безукоризненно гладкому морю, разрывая носом водную гладь, самым полным ходом мчится военный корабль. Посмотреть со стороны – наверное, дух захватит от всей этой мощи и красоты. Но… мы все на этом корабле в самом центре Тирренского моря мчимся неизвестно куда. Никто не видит нас со стороны. Никто нами не любуется и не восторгается. Для всех нас же, вся эта мощь и красота – наша работа, именуемая службой.

Конечно, командование знает, куда и зачем мы так быстро идем. А мне об этом знать незачем, да и желания особого нет. Идем себе и идем.

Меньше знаешь, лучше спишь. Крепко спишь, дольше живешь.

Есть свои положительные прелести в морской службе. У одних эти прелести даже из ушей прут, у других, типа меня, эмоции находятся в стадии зачатия. Служба, как долг. Не выше. Без фанатизма и шапкозакидательства.

От изобилия красоты тоже бывает скучно.

В поисках братьев по разуму поднимаюсь на ГКП. Командирскую вахту несет старпом, вахтенным офицером стоит Вася Старухин.

- Разрешите. - Я вхожу в святая святых корабля, его мозг, его командный пункт.

- А вы знаете, доктор, что вам запрещено находиться на ГКП? Вон там на переборке, - старпом Яковлев тычет большим пальцем себе за спину, - висит список лиц, имеющих право находиться на ГКП. Так вот вашей фамилии нет даже на обратной стороне. Что вас сюда привело? Какие глобальные проблемы вы сегодня не можете решить?

Старпом сидит и, развалившись в кресле, курит свою вонючую «Приму». Ему скучно. С вахтенным офицером не поговоришь. Он вперед должен смотреть.

- Я прибыл сюда, исключительно, из гуманных побуждений. Меня интересует состояние здоровья вахты на ГКП.

- И вы считаете, что без головного убора и халата у вас это получится?

- В спешке эти атрибуты военно-морского доктора я забыл одеть.

- А где же градусник и клистирная трубка? – старпом нашел занятие по душе.

- О, об этом не стоило даже беспокоиться. Они уже в работе. Клизму я поставил штурману, а градусник начальнику РТС.

- Это мы легко проверяем, - Яковлев подносит ко рту микрофон.

- Штурманская - ГКП.

- Есть, штурманская.

- Кто?

- Старшина второй статьи Андреев.

- Где штурман?

- Спустился в каюту.

- Зачем?

- Ничего не сказал.

- Ко мне его вызови.

- ГКП-БИП (боевой информационный пост)

- Есть БИП, мичман Калинин.

- А где Хайкин?

- В каюте. После вахты отдыхает.

Старпом закуривает новую сигарету.

- Ну, доктор, проверяй теперь у нас здоровье. А то стоишь здесь без толку, и мешаешь нам вахту нести. Старухин, он тебе мешает?

- Никак нет, - солнечно улыбается Вася.

- Интересно мыслишь, Старухин. На ГКП приперся посторонний человек, а вахтенному офицеру все до задницы. А если он сейчас возьмет и скальпелем меня зарежет? Ты же не знаешь, что у него на уме. И, что самое страшное не предпринимаешь никаких действий, чтобы спасти старпома от этого человека. Вот возьму и сниму тебя сейчас с вахты за потерю бдительности. Ладно, не боись, прощаю. Хочу только уточнить у вас Старухин: «Знаете ли вы этого человека, как знаю его я?».

- Знаю, - Вася густо краснеет.

- Не запугал ли он вас чем-нибудь? Хорошо, поверим на слово. Доктор, ты собираешься проверять у меня здоровье?

- Собираюсь. Внимание! Первый вопрос. При его ответе вы должны не волноваться. Договорились?

- Короче!

- Первые признаки волнения уже проскальзывают. Итак, вопрос: «Как вы себя чувствуете, Александр Николаевич?». Если не знаете ответа или сомневаетесь в его правильности, советую просто промолчать.

- Хреново!

- Ответ сам собою подчеркивает постоянную экзальтированность вашего характера. Нервные импульсы…

- Понесло. Ты спроси, чего я хочу.

- Ваши желания низменны. И не ушли далеко от похотей приматов. Они так и светится в ваших глазах. Вы хотите женщину. Потом закурить хорошую сигарету, а после этого выпить чего-то стоящего. Например, «Мартини» или марочного коньячку. На этом же уровне сейчас находится и наш замполит и, даже, - я перехожу на шепот, - командир корабля! Правда он не курит, но, создав определенную атмосферу, он с успехом и еще выпьет. Говорю это с полной ответственностью. Если же ваши желания в настоящее время превалирует над разумом, то используя свое служебное положение, вы прямо сейчас можете вступить в связь с пассивно созерцающим морскую даль Старухиным.

- Наверное, я с тобой сейчас вступлю в эту самую связь.

- Со мной нельзя, я активная особь.

- Довольно, пошутили и хватит. Иди, займись чем-нибудь. Ты отвлекаешь нас от службы.

- Николаевич, можно я тихо в уголке постою. А то все осточертело.

На ГКП входит штурман.

- Вызывали, товарищ капитан-лейтенант?

- Ты где шатаешься? Почему не в штурманской?

- Я в гальюн ходил.

- И там уснул. На вашей роже четко прослеживаются свежие следы от сна. Вы хоть у

доктора учитесь врать. Тебе он здоровье проверял? - старпом машет в мою сторону головой.

-Нет.

- А он мне доложил, что поставил тебе клизму.

- Дурачок. Ему заняться нечем, вот он и несет всякую ерунду, - штурман спускается в свой пост.

- Отсутствие элементарной культуры общения среди корабельных офицеров - большое упущение высшего военного образования и наших флотских воспитателей, - парирую я.

- Вот и пойди сейчас к заму, разбуди его и предложи провести с офицерами и мичманами комплекс мероприятий по этике и эстетики. А то действительно скудеет флотский язык. Не с кем поговорить о возвышенном. Старухин, что там по курсу?

- Все чисто, товарищ капитан-лейтенант.

- Погоду в БИПе запроси. Не стой просто так, шевелись.

- Александр Николаевич, я вам про эту погоду без всякого БИПа доложу.

- Ну, давай, доктор, изрыгни. А мы послушаем.

- Запоминайте. Если на небе нет ни тучки, ни облачка и светит яркое солнышко, значит, еще несколько минут погода будет ясной и солнечной.

- Молодец! Тебе бы, доктор, сказки сочинять, а ты протоколы партсобраний пишешь. И то хреново.

Старухин, убери его с моих глаз, а то мы точно заведем корабль куда-нибудь не туда.

Я спустился вниз. Облокотившись на леера, слежу, как рассеченная кораблем вода, остается позади.

Но это скучно. Долго не выстоишь. Поговорить не с кем.

ДИСКУССИЯ

Маленький, слегка сутуловатый Вася Старухин сидел в кают-компании тихий и бледный.

- Старухин, что с вами? – старпом проявил повышенный интерес к судьбе человека.

- Что-то сердце прихватило, товарищ капитан-лейтенант, - страдальчески ответил Василий.

- В ваши годы надо меньше жрать «шила», а то раньше времени отбросите коньки, - мгновенно поставил диагноз старпом.

- И дома чаще бывать, - поддержал старпома командир БЧ-2, знавший слабость своего подчиненного ходить по чужим женщинам, - Жена уже забыла, как выглядишь. Ты меня понял Старухин? На сход сегодня со мной пойдешь. Лично передам супруге в руки.

Василий густо краснеет. Это одно из его немногих положительных качеств, которое он еще не утратил.

- У моей жены тоже сердце болело. Так ей в поликлинике выписали какое-то лекарство, название не помню, но что-то с калием связано. У нее все прошло. Надо нашего доктора спросить. Он должен знать, – это начальник РТС, жестикулируя руками, подал мудрый совет, - А вот и он, - указал Хайкин рукой на вошедшего начальника медицинской службы, - Скажи, доктор, как называется лекарство от сердца, в которое входит калий.

- Это кому? – начмед оглядел присутствующих.

- У Васьки Старухина сердце заболело.

- Цианид, - улыбнулся доктор глазами, - Цианистый калий, - повторил он.

- Что цианистый? – не понял начальник РТС.

- Сердцу Старухина может помочь только цианистый калий.

- Он у нас на корабле есть? – поинтересовался ничего не понимающий в медицине, как доктор в артиллерии, командир БЧ-2.

- Лично ему кристаллик найду.

- Доктор, старпом расплылся в ехидной улыбке, - вам не на корабле надо служить, а в войсках гестапо.

- Не потяну. Я человек гуманный. А там нужно опыты проводить над живыми людьми.

- Так что, нет у него этого лекарства? Он только скальпелем и может махать. Будешь помирать, и

обратиться не к кому, - снова вступил в дискуссию командир БЧ-2. Видно все уроки по химии он прокурил в туалете, - Что же у нашей медицины тогда есть? Клизма и пурген? – попытался он пошутить.

- Как жаль, что на флоте редко встретишь по-настоящему эрудированных людей, какими мы со старшим помощником, являемся, - начмед сделал поклон в сторону старшего помощника.

Сидящие за столом корчились от смеха.

- Я что-то ничего не пойму, - командир БЧ-2 один оставался серьезным.

- Доктор, объясни человеку, - старпом ждал чего-то еще.

- Боюсь, что не смогу из-за скудности словарного запаса.

- Николай Иосифович, цианистый калий – это яд мгновенного действия. Смерть наступает моментально из-за остановки сердца. Вы что не знаете, что им отравились Гитлер и Ева Браун? – начал разъяснение старпом.

- Что-то припоминаю. И у нашего доктора — это лекарство есть?

- Какое лекарство, - не врубился старпом.

- Калий этот.

- Доктор, с эрудицией вы были правы, - старший помощник встал из-за стола и, пожелав всем приятного аппетита, вышел.

- Ну что, сердешный, пошли в санчасть. Спасать тебя для Отечества будем. Такие люди как ты, на палубе не валяются, - доктор сделал повелевающий жест и направился к выходу.

ПРОСТО ВЕСНА…

Весна бурно вступила в свои права. За несколько дней все распустилось и расцвело. Многоголосый птичий хор за окном слагал гимн пробуждению природы. Все это поднимало настроение, наполняло организм свежими силами, будило от зимней хандры.

На месячное подведение итогов офицеры собирались неохотно. Проводил подведение заместитель начальника штаба. Поэтому атмосфера в конференц-зале была раскованной.

Солнце, нещадно светило в окна и отражаясь от полированных столов, слепило глаза и туманило рассудок. Дрема вступала в свои права, с которой, и бороться не хотелось, но … было нужно. Ибо можешь попасть к начальству в немилость.

Пропагандист Карлов, как всегда, что-то рисовал в своем блокноте. Видимость работы присуща всем политработникам.

Второй рукой он постоянно чесал свой лысый череп, издавая неприятный свистящий звук.

- Карлов! Что ты постоянно чешешься? Уже заколебал своим скрипом. На голове, где нет волос, вши не водятся, - изрек флагманский связист Слава Денисов. Он всегда суров, собран и деловит.

- Весна, пора роста рогов. А они быстрее всего пробиваются на непокрытой волосами голове. При этом зуд – естественное состояние, – Это уже флагманский врач. Шило, торчащее у него в заднепроходном отверстии, мешает ему спокойно сидеть.

Атмосфера в зале разряжается, дрема отступает. Весеннее настроение снова бьет фонтаном.

Карлов продолжает упражняться в рисовании, не обращая ни на кого внимания. Он сосредоточенно думает, как и кому больнее ответить. Но, … шутка не лозунг и не призыв на митинге. Это там, послал всех к… новым свершениям, а сам пошел к любовнице. Ее нужно говорить сразу. Иначе она теряет всякий смысл.

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРЕПЕТИИ

-1-

В советские времена на Черноморском флоте обычные офицеры и мичманы получали квартиру после двенадцати-пятнадцати лет службы,

уверенно приближаясь к своему сорокалетию. К этому времени, у особо одаренных появлялись даже внуки. Все же эти годы семьи скитались по чужим углам, платя за «удовольствие» бешеные деньги.

Но в каждом правиле, есть свои исключения. Не отличается этим и флот. На нем таким исключением являются политработники. Они же за всех не спят, они же за всех думают. Только они знают, как достичь невиданных высот в победе социалистического соревнования и защите социалистического Отечества. И у них, естественно, кровь краснее, чем у всех остальных. Им партия доверяла распределять привилегии, награды и квартиры. Они и распределяли, не забывая о себе. Себя обидеть, способен только юродивый. Такие в их училище не учились.

Была и другая группа людей, которых Родина не обижала. Но их на флоте было очень и очень мало. Это представители малых народов. Ну, скажем, кеты, цахуры, селькупы и другие.

К ним относились очень бережно: не обижали, продвигали, и, разумеется, давали квартиры. Политический работник, даже гордился, что у него в подчинении служит такой офицер. А остальные собратья по идеологическому разуму ему жутко завидовали.

В этом случае ленинские идеи пролетарского интернационализма соблюдались незыблемо. Иначе зама обвинили бы в великодержавном шовинизме.

-2-

Славе Семеноженко, не имеющему никакого отношения ни к каким категориям, на сорок первом году жизни предложили двухкомнатную квартиру из старого фонда. И это при двух разнополых детях!

- Для четырех человек — это как бы и маловато, - сетовала жена, - но сил ждать уже нет. Дочери через год восемнадцать! Не успеем оглянуться, - замуж выскочит. К мужу переедет. Сын школу заканчивает. В военное училище пойдет. А там, - ищи его, свищи. И заживем мы с тобой, муженек, припеваючи. Соглашайся. Дети разъедутся, вообще одну комнату получим. Если получим, - она отвернулась и подошла к окну. Слезы сами по себе покатились по щекам. Жалко, конечно. Сколько лет по чужим углам мыкались. И вот на тебе, поучай Вячеслав Сергеевич, две комнаты, - Это правда, что ваш замполит тещу у себя прописал? На расширение подал? Теперь четырехкомнатную получит. А мы ..., - она махнула рукой и всхлипнула.

Это было, действительно, настоящее человеческое горе. Горе женщины, прошедшей через все эти адовы муки, но сохранившей семью. Ей стало искренне жалко себя и потраченные на все это годы. Годы постоянных ожиданий, скитаний, тревог и надежд.

- Если б все начать сначала, то этих военных обходила бы десятой дорогой,- думала она тихо плача. Но ничего уже не вернуть вспять. Слишком поздно.

За спиной хлопнула входная дверь.

- Ну что это я раскисла, - всплеснула руками Надежда, - Все о себе, да о себе. Ему тоже не сладко. Сколько здоровья отдано этому долбаному флоту, а результат – шиш с маслом. Сейчас пойдет, напьется.

- Славик, - крикнула она в окно, - подожди меня. Мне тоже в магазин нужно. Поможешь донести продукты. Заодно и в мебельный зайдем. Квартиру обставлять надо.

Быстро переодевшись, Надежда вышла на улицу. Муж, как-то сразу постаревший, тупо глядел вокруг себя и жадно курил.

- Знаешь что, Славик, я подумала? Давай сначала в бар зайдем. Ты себе коньячку возьмешь, мне шампанского, - она улыбнулась - Обмоем нашу с тобой квартиру. Не переживай. Не так все плохо,

как кажется. Было время, - жили хуже. Пойдем, - она взяла его пол руку.

Муж не перечил. Вздохнув облегченно, он закурил новую сигарету и грустно улыбнулся.

-3-

Действительно, оказалось не все так плохо, как представляло воображение.

Старый, послевоенный пятиэтажный дом, где на втором этаже семья Семеноженко получила квартиру, был в семи минутах ходьбы от центра. Комнаты и кухня просто огромных размеров! Туалет и ванна раздельные! Ванна чугунная! Их стены покрыты кафелем. Но и это еще не все. Круглые сутки в доме идет вода! В Севастополе такое считается несбыточным счастьем. Только одно это покрывает отсутствие одной, двух и, даже, десяти комнат. Газовая колонка, - мойся хоть круглые сутки! Даже телефон есть.

Тут политотдел явно проморгал. Оказывается, и на старуху бывает проруха.

Надежда ожила. Ее глаза засветились от неожиданно вернувшегося счастья.

Переезжали налегке.

Старые, вытертые до дыр вещи и мебель оставили хозяевам. Не везти же рухлядь на новую квартиру.

Вячеслав взял отпуск.

Ремонт кое-какой надо сделать пока дети на каникулах отдыхают у бабушки в Очакове, все привести в божеский вид, да и просто хотелось, наконец, почувствовать себя человеком.

Первым делом поставили новую бронированную дверь. Красть, правда, нечего, но смотрится солидно.

-4-

Наступило воскресенье.

Первую ночь супруги спали в новой квартире на полу.

Проснулись поздно.

- Ну как спится на новом месте? – муж сладко потянулся.

- Хорошо спится, Славик, хорошо! Хоть и на полу, но у себя дома. Привезут завтра мебель, будет еще лучше. Ты сегодня, чем собираешься заняться?

- Для начала, позавтракаем, – Вячеслав засмеялся своей шутке, - Потом померяю проем двери. Вдруг мебель не пройдет. Через балкон придется тащить.

На кухне стекло заменю. Размеры дал, к обеду обещали принести.

- Какой ты у меня хозяйственный, - Надежда обняла мужа и поцеловала, - Давай еще немного полежим.

- Нет. Хватит расслабляться. Дел, - выше крыши. Через неделю дети приезжают. Подъем! – Вячеслав резко встал. – Ты на кухню, я под душ. И никаких разговоров.

-5-

Семеноженко надел шорты, взял рулетку, бумагу, карандаш и с деловым видом вышел на лестничную площадку.

Насвистывая веселую мелодию, он мерил, писал, снова мерил и снова писал.

- Надюша, все вроде бы должно пройти, - крикнул он жене, моющей на кухне посуду.

И в это время сквозняк с силой захлопнул, сверкающую новизной, дверь.

Закурив, Вячеслав, не спеша, спустился во двор. Поднимая облака пыли, пацаны на площадке гоняли мяч. На скамейке у подъезда сидели три женщины.

- Вы не возражаете, если я рядом с вами посижу, - культурно спросил Слава, стеснительно прикрывая свой волосатый торс.

- Присаживайтесь. Место не куплено. Это не вы въехали в четвертую квартиру?

Женщины забрасывали Вячеслава вопросами. А он, закурив новую сигарету, с удовольствием на них отвечал.

- Славик! Ты куда пропал? – Надежда выглянула в окно, - Сказал, что дел по горло, а сам решил принять солнечные ванны?

- Жена зовет, - извинительно пожал плечами Семеноженко, - Пойду.

- Ступай, ступай. Мы-то знаем, что такое переезд.

Поднявшись на второй этаж, Вячеслав по-хозяйски вставил ключ в замочную скважину. Ключ не поворачивался. Попытки повернуть ключ в замке не увенчались успехом. Он позвонил.

- Надя, открой мне.

За дверью послышался скрежет ключа.

- Ну что там у тебя? – прокричал Вячеслав.

- Я не могу открыть. Что случилось-то?

- Если б я знал, что случилось, - зло прошипел раздосадованный супруг. – Не знаю! – крикнул он громче.

- А как же ты теперь домой попадешь?

- Что-нибудь придумаю.

Он опять вышел на улицу. Мальчишки продолжали играть в футбол. Женщин на лавочке уже не было.

Семеноженко обошел дом. Балкон, казалось, висел не очень высоко. Хорошо прыгни, – и дотянешься. Но хорошо прыгнуть он уже не мог.

- Надя, посмотри, у нас веревок нет?

- Если их нет у тебя, то у меня тем более. Давай я простыни свяжу.

- Людей только не надо смешить.

- Слава, может пожарных вызовем?

- Все, иди в дом. Займись чем-нибудь.

- И пожалуйста. Можешь даже ночевать на улице, - обиделась жена.

А что если попробовать по водосточной трубе, - размышлял Вячеслав. - Она как раз рядом с балконом проходит.

Каждое дело требует осмысления.

Он сел на землю, закурил. От выкуренных сигарет во рту было уже горько.

- Делать же что-то надо.

Подойдя к трубе, Семеноженко ощупал крепление, пошатал конструкцию. Водосточная труба была закреплена добротно.

Притащив с помойки пять кирпичей, он уже собрался совершить свое восхождение, как его постучали по плечу. Позади него стоял сержант милиции.

- Далеко собрался? Фамилия? Где живешь?

- Товарищ сержант, замок сломался, в дом не могу попасть. Решил попробовать через балкон.

- Пройдемте в отделение.

- Какое отделение? Я капитан второго ранга Семеноженко. У меня замок сломался, понимаете?

- Вы меня что, плохо слышите? Я говорю, в отделение пройдемте. Там вы мне все и расскажите. И кто вы, и что у вас сломалось.

- Надя! – закричал Вячеслав, понимая, что дело принимает серьезный оборот, - Выгляни на секундочку.

- Ну что у тебя снова не так? –жена, свесив голову с балкона, смотрела на мужчин сверху вниз.

- Меня арестовывают.

- За что?

- По всей видимости, за попытку ограбления.

- Этого еще не хватало. И кого ты пытался ограбить?

Вячеслав пожал плечами, - Самого себя.

-А вы кто, гражданка? – поинтересовался милиционер.

- Жена этого представительного мужчины в шортах и тапочках.

- А как ваша фамилия? - не унимался дотошный сержант.

- Семеноженко. Мы в этом доме квартиру получили. Новую дверь поставили, а замок

сломался. Я здесь, а он на улице. Пытается попасть домой. Не забирайте его, пожалуйста.

- Ясно, - улыбнулся сержант, – Я здесь всех знаю. Это мой участок. А тут вижу, незнакомый мужчина пытается залезть на балкон. Служба такая, извините. – Он приложил руку к козырьку. – Не буду мешать.

- Товарищ сержант, - взмолился Семеноженко, - вы не могли бы меня слегка подтолкнуть? Мне бы только чуть-чуть зацепиться, а дальше я уже сам как-нибудь заберусь.

Минут через сорок общими усилиями и с божьей помощью, весь в синяках и ссадинах, счастливый и довольный, Вячеслав стоял на балконе.

-6-

В шестом часу вечера дверь была вся развинчена и раскурочена.

- Видишь, язычок переломился, - Слава пришел на кухню показать супруге причину их несчастья. – Заводской брак. Тут ничего не попишешь. Именно нам этот брак и достался. Завтра или новый замок надо покупать или в ЖЭКе поспрашивать, может у них есть чем заменить.

- Лучше купи новый. Опять подсунут такую же ерунду, потом мучайся целый день. Это хорошо, -

ты дома. А в море уйдешь, кого мне искать? Поторопились мы с этой дверью. Старая была ничуть не хуже. Нечего и выпендриваться. Теперь спать придется с открытой дверью. Смех, да и только! Зайдет кто-нибудь и убьет. Вот сколько счастья привалило сразу! – она зло засмеялась.

- Кому ты нужна? Кто тебя убивать станет?

- Ну, есть же на свете дураки.

- Есть, но не про нашу честь. Жалко, что пойти никуда нельзя. Можно было бы в кино или, например, в кафешку сходить.

К обеду следующего дня дверь снова радовала своей новизной. А квартира наполнилась запахами привезенной из магазина мебели.

УЗНИК

-1-

В свои двадцать восемь лет Коля-штурман еще напоминал гадкого утенка.

Его черные, с гитлеровской челкой волосы, всегда торчали в разные стороны. Выпирающие вперед скулы и пухлые щеки, от изобилия выпитых дешевых алкогольных напитков походили на переспелую вишню. Густые усы скрывали утопленную во внутрь нижнюю челюсть. Колина

грудь, без каких-либо намеков не талию, плавно переходила в ягодицы, а икс образные, до безумия вонючие ноги, завершали весь этот сложный, генетический ансамбль. Поэтому внешне Николай выглядел несчастным человеком. Казанская сирота рядом с ним отдыхала.

Женщины, скорее всего его не любили, а отдавались из жалости, позволяя с собой делать все и, даже, больше.

А от жалости до любви всего один шаг.

Понять женскую душу сложно, а правильнее сказать, невозможно.

За забором причала, где швартовались военные корабли, стоял маленький магазинчик. Своим ассортиментом он удовлетворял всех. И пиво можно попить, и сигареты купить. Сладостей хочешь, - пожалуйста. Одеколон закончился, - бери, не жалко. Мыло, зубная паста, бритвы, авторучки, - все в изобилии. Носки порвались? Не проблема. Молоко? Пей – не хочу. Колбаска – всегда свежая. Печенье – самое вкусное. Словом, не магазинчик, а кладезь. И главное, всегда открыт.

Заведовала им Лариса – женщина чуть более сорока лет, маленькая, полненькая и не очень красивая. Принца на своем жизненном пути она не нашла, довольствуясь редкой, чаще грубой, мужской любовью.

Штурман заходил в магазин часто. В основном сигарет дешевеньких купить. Правда, иногда, на утаенные от жены деньги, позволял себе выпить бутылочку пива.

Здесь-то на него Лариса и обратила внимание. Сам Николай инициативы никогда не проявлял. Выбирали всегда его, а не он.

Мужчины заблуждаются, называя себя творцами природы, завоевателями. Они – тупые исполнители женских желаний и воли.

Жалко ей его стало или мать заговорила в ней, трудно сказать, но в истории Военно-морского флота началась зарождаться новая внебрачная любовь.

Штурман, не ведая таких слов и чувств, потянулся к Ларисе, как росток к солнцу.

К прекрасному привыкают быстро.

От подарочных пачек сигарет и бутылочек пива, они скоро пришли к легкому рукопожатию и невинным поцелуям.

Здесь-то подпруга и лопнула.

Когда у лошади это происходит, она несет. И остановить ее невозможно. Встанет сама, когда выдохнется.

Теперь магазинчик был часто закрыт на технический перерыв, а шторки на окнах плотно задернуты.

В это время влюбленные уединялись за прилавком, где предусмотрительная Лариса хранила матрас, подушку и комплект чистого белья.

Штурман стал матереть. В нем появилась солидность, голос окреп, наметилась упущенная природой осанка. Изредка он стал даже покрикивать на свою рабыню. И она не противилась этому. Николай почувствовал себя хозяином, властелином и уже не походил на сироту в третьем поколении. Но природная скорбь, как след от оспы, все же осталась.

Лариса, всецело отдавшись страсти, расцвела и заметно похорошела. Слияние женской и материнской любви сотворили с ней чудо. Быть от кого-то зависимой ей явно нравилось.

Курил теперь Николай уже не дешевые «Лайку» и «Новость», а «Стюардессу» за тридцать пять или «БТ» за пятьдесят копеек, что считалось в то время, большим шиком. Брился он теперь только иностранными лезвиями, а душиться дорогим одеколоном.

Все, как у белых людей.

-2-

Была обычная рабочая суббота. На корабле началась «Большая приборка» с выносом на стенку постельных принадлежностей, мытьем жилых и служебных помещений.

В это время на офицеров мало кто обращает внимание. И они занимаются чем-то своим.

Десять минут десятого штурман подошел к вахтенному у трапа.

- Я в магазин за сигаретами.

- Старший помощник знает?

- Я туда и назад. Тебе мороженое принесу.

- Другой разговор, товарищ старший лейтенант. Только не задерживайтесь, а то меня старпом с вахты снимет.

Николай деловой икс образной походкой поспешил к магазину.

- Ой, Николай Васильевич, вы как рано сегодня, - зарделась Лариса и глянула на двух посетителей. – Что вам ребята? Давайте быстренько! Мне отчет надо сделать. Я ненадолго закроюсь.

- Коленька, милый мой, - она закрыла дверь и задернула шторку, - я так соскучилась. У тебя есть полчаса? Пойдем, мой хороший, пойдем. – Она тянула его за прилавок. – Как я тебя, Коленька,

люблю! Только о тебе и думаю каждую секунду. Радость ты моя! Счастье запоздалое, - шептала она.

Любовь взрослой женщины сродни безумью. Она мозгом понимает, что такое счастье мимолетно, оно похоже на мираж, но сердце и душа верят в его безбрежность, глубину и чистоту красок. Безрассудство превалирует над разумом.

Дыхание Николая и Ларисы становилось шумным. Лишь только их полуобнаженные тела слились в едином порыве, как в дверь громко постучали.

- Лариса, ты здесь? Открой!

- Елки, - зашевелилась Лариса, выбираясь из-под Николая и целуя возлюбленного, - Начальник пришел. Он сюда не зайдет, не бойся. Чего ему по субботам дома не сидится? Иду, иду, Василий Борисович, - прокричала она.

Встав и одернув юбку, Лариса открыла дверь.

- Ты чего закрыта?

- Решила, Василий Борисович, приборку в магазине сделать. А то за день натаскают столько грязи, - не магазин, а свинарник.

- Это ты молодец! Собирайся, начальник Военторга в десять проводит совещание со всеми работниками.

Лариса обомлела.

- Василий Борисович, что-то я себя плоховато чувствую. Жутко болит голова. Давление,

наверное, и живот сильно крутит. Может, без меня обойдетесь? А я вам подарочек подготовила, - она зашла за прилавок. На полу лежал пунцовый Коля. Лариса успокаивающе подняла ладонь. – Вот, Василий Борисович, армянский коньячок. Пьешь, и пить хочется.

- Спасибо, конечно. Но, … ехать надо. И не канючь. Мне еще в две точки заехать надо. По дороге таблеток купишь. А в управлении туалет есть, - он весело засмеялся.

- Да по какому поводу собирают-то,- нервничала Лариса.

- Жалобы на вас пишут.

- Кто? – Лариса даже присела.

- Покупатели.

- А что я такого сделала?

- Ты, как раз, ничего. А вот другие ..,- начальник огорченно махнул рукой.

- И сколько он с нами совещаться будет? – Лариса, явно не слушая начальника, думая только о своем.

- Минут двадцать-тридцать. В одиннадцать вернешься. Не переживай. Поехали. Время уже поджимает.

С тяжелым сердцем она заперла дверь.

Полежав минут пять, узник любви поднялся. Неудовлетворенность давала о себе знать тупой болью внизу живота. Спешить было уже некуда. Закурив, Николай машинально глянул на часы.

Было всего лишь без пятнадцати десять. Взяв с витрины бутылку пива и отрезав грамм триста ветчинной колбасы, он с аппетитом перекусил. Перекурив еще раз, он сладко потянулся и, не снимая ботинок, снова лег на матрас. На нижней полочке лежали оставленные хозяйкой розовые трусики. Штурман довольно хмыкнул,
повернулся на бок и через минуту спал сном праведника.

-3-

- Тринадцатый, ответьте первому, - раздалось в телефоне оперативной связи.
- Есть тринадцатый, - ответил дежурный телефонист.
- Кто на борту старший? – голос командира бригады не узнать было невозможно.
- Старший помощник.
- Пригласи его к аппарату.
Через минуту запыхавшийся старпом взял трубку.
- Товарищ комбриг, старший помощник.
- Старпом, сейчас срочно выйдешь на внешний рейд и встанешь на якорь. Точку якорной стоянки возьмешь у оперативного дежурного. С дружественным визитом к нам идут два болгарских корабля. Их встречает БПК

«Решительный». Ты пойдешь для поддержки штанов. Твоя задача: при проходе кораблей построишь экипаж вдоль борта и поприветствуешь их, соблюдая все нормы международного морского права. А потом зайдешь вслед за ними в базу. Понял?

- Так точно.

- Командира вызывать будешь или сам справишься?

- Сам справлюсь, товарищ комбриг.

- Из механиков кто на борту?

- Командир БЧ-5.

- Добро. Тогда действуй. Конец связи.

- Внимание экипажа корабля, - понеслось по корабельной трансляции, - окончить «Большую приборку». Корабль экстренно к бою и походу приготовить. Командирам боевых частей, начальникам служб и лицам их замещающих провести инструктаж личного состава. Съемка с якорей и швартовых в одиннадцать часов пятнадцать минут. Вахте заступить по-походному.

-4-

Флот, если посмотреть на него сверху, с высоты птичьего полета очень напоминает муравейник. Все куда-то движутся, бегут, суетятся. И чем-то все

это похоже на хаос, но именно этот хаос и называется: «Флотская организация».

Начальника Военторга ждали долго, больше часа. Оказалось, что его вызвал к себе заместитель командующего по тылу.

Лариса сидела как на иголках. От всего этого бедлама у нее действительно разболелась голова, и появились боли в животе. Таблетки не помогали. Ведь ее возлюбленный томился под замком!

Совещание длилось не долго. Наоравшись, начальник сказал, что видеть никого не хочет и распустил всех по рабочим местам.

- Василий Борисович, - Лариса смотрела на своего непосредственного начальника заискивающе, - вы меня не подвезете?

- Нет, Ларисочка, нет. У меня дел выше головы. Слышала, небось, как мы «хорошо» работаем! Ножками, дорогая, ножками! Тебе это полезно.

Лариса, проклиная себя, работу, всех начальников и пресловутую флотскую организацию, высоко подбрасывая большую грудь, бежала к своему магазину, постоянно одергивая платье, липнущее к голому телу.

Было уже начало первого, когда она, вся в поту и пыли, открыла магазин. Коля продолжал безмятежно спать. Она тихо разделась, помыла себя минеральной водой и аккуратненько прилегла рядом с ним.

- Коленька, просыпайся мой родной, я уже пришла, - она покрыла его жаркими поцелуями. – Иди быстренько ко мне. Я вся исстрадалась, думая о тебе, что ты, мой птенчик, взаперти сидишь. Томишься здесь. Давай я тебе помогу, - шептала она, стягивая с него майку и брюки.

Не получивший удовлетворения первый раз, штурман набросился, на жаждущую этого женщину с утроенной силой, как Илья Муромец на Змея Горыныча.

- Ко - лень – ка, - стонала она, - как … мне … с то - бо-о-ой хо - ро - шо… Ты… всегда… разный…

Уставший и счастливый Николай откинулся на спину. Его взгляд остановился на часах, висевших на стенке. Они показывали без десяти час. Он взглянул на руку. Нет, часы не врали. Штурман вскочил, как ошпаренный.

- Час уже, без десяти! Я с корабля на пять минут сошел. Меня уже ищут, - бухтел он, одеваясь, - Открывай быстро дверь!

- Сейчас милый, сейчас. Возьми хоть конфеточек с собой, сигарет. Пива дать?

- Не надо ничего. Не до пива сейчас.

- Ну, иди мой хороший. Я буду тебя очень ждать.

-5-

За пятнадцать минут до выхода корабля из базы, старпом вдруг вспомнил о Молоканове.

- А где наш штурман? Что-то я его сегодня не наблюдал, - спросил он вахтенного офицера.

- Не знаю, наверное, в штурманской. Сейчас уточню. Штурманская – ГКП, а где командир БЧ-1?

- Не знаем, - ответила штурманская, - наверное, на сходе.

- На каком сходе? – заорал старпом.

- Ют – ГКП, штурман на борту?

- Никак нет, - ответил вахтенный у трапа.

- А где он? – старпом накалялся.

- Сходил на берег за сигаретами.

- Во сколько?

- Еще в девять часов.

- Кто разрешал? – нервная система старшего помощника подходила к точке кипения.

- Он сказал, что на пять минут.

Терещук, - не своим голосом заорал старпом, - можешь начинать завидовать мертвым. Я тебя разжалую к чертовой матери. Сдать вахту! Устроил мне на корабле проходной двор! Кто хочет, сходит, кто хочет, приходит! Где дежурный по кораблю?

- Рядом, товарищ капитан-лейтенант.

- Дай ему микрофон.

- Есть дежурный, лейтенант Мишук.

- Мишук, быстро сам сбегай в магазин, в этот рассадник нравственности и сними нашего кабеля с этой похотливой суки, – все давно знали о греховных похождениях командира БЧ-1.

Через пару минут Мишук доложил на ГКП, что магазин закрыт. А штурмана нигде нет.

Вспомнив в горечах всех близких и дальних родственников Николая и пообещав вырвать ему с корнем яйца, старпом приказал убрать сходню и отдать швартовы.

Корабль вышел в море без штурмана.

-6-

Через пять минут Николай, красный как рак, с катящимся по лицу потом и пеной у рта, влетел в магазин.

- Ты что-то забыл, Коленька? – ласково спросила Лариса.

- Корабль ушел! – завопил штурман.

- Куда ушел, зачем? – непонимающие глаза женщины расширились.

- В море, куда же еще. Из-за тебя все! Теперь меня с дерьмом смешают!

- Не переживай. Как ушел твой корабль, так и придет. Никуда он не денется. Садись я тебя молочком попою. А хочешь, сосиски отварю.

- Ты что, тупая или совсем ничего не понимаешь? – штурман находился в предынсультном состоянии, - Это тебе не магазин! Хочешь, открыла, хочешь, закрыла. Это боевой корабль! Меня посадить могут.

- Ой, миленький, натворили мы с тобой делов. Ты посиди тут, я мигом все выясню, где твой корабль. Что-нибудь придумаем. Только никуда не уходи.

Она быстро побежала к причалу. Штурман сидел, низко опустив голову, и курил одну сигарету за другой.

Лариса пришла минут через двадцать.

- Коленька, солнышко мое, не переживай, - она обняла его и поцеловала. Он дернул плечами, – Стоит твой корабль на якоре недалеко от боновых ворот. Пойдем, я посажу тебя на буксир. Он туда тебя и отвезет. С ними я уже договорилась.

Женская любовь порой творит чудеса.

Не прошло и получаса, как штурман по штормтрапу поднимался на борт корабля.

Впереди его ждала уже другая любовь. Любовь начальника к подчиненному.

-7-

Прерывистое дыхание старпома напоминало дыхание Ларисы в период животной страсти. Николай непроизвольно улыбнулся.

- Ну и где же вы были, товарищ старший лейтенант?

- В госпитале, - не моргнув глазом, солгал штурман.

- Или парили конец в местной таверне? А? – нервный тик передернул лицо старшего помощника.

- В госпитале, - упрямо стоял на своем Молоканов.

- И что же с вами случилось? Апоплексический удар, с продавщицей склещились или на конец намотали? - старпом, читая журнал «Здоровье», в совершенстве владел медицинской терминологией.

- У меня появились резкие боли в животе.

- Прошли?

- Прошли.

- И что же было? Заворот прямой кишки или несварение желудка? Вон как харю на чужих харчах отъел!

- Кишечная колика.

- А где наше вечно счастливое медицинское светило? Я его сегодня тоже не наблюдал.

- Он в городе, на сходе, - констатирует факт вахтенный офицер.

- Хорошо живем! Штурман пукнуть не может, а доктор отдыхает. Переработал, наверное. Тоже, небось, у кого-то под юбкой анатомию изучает. А я, как в стране Дураков, где круглые сутки горит свет, и вокруг бродят одни идиоты. Значит так, штурман. Месяц без берега ты себе уже заработал. Будешь сидеть на корабле безвылазно, - истошно заорал старпом, и вены на его могучей шее зловеще вспухли. – Пока у тебя не лопнут в трусах вонючие яйца. Понял?!! Алиби с госпиталем я проверю лично. А по твоей дальнейшей судьбе решение будет принимать командир. Отдавать тебя под суд или помиловать. Может тебе уже роднее слово «гражданин», а не «товарищ». Вашу боевую подругу, - старпом перешел на мягкий, полууставной тон, - я постараюсь убрать отсюда подальше. Любовь и служба для вас не совместимы. Одно мешает другому. Да и что там было любить… Разве что пиво с сигаретами. Когда голова подчиняется головке, надо избавляться или от того или от другого. А теперь, - вены снова набухли на его шее, - пошел вон с ГКП, пока я тебе рожу не расквасил.

Старпом устало сел в кресло.

- Рассыльный, - хрипло крикнул он, - принеси-ка мне чаю, да покрепче. И на печенье масло положи. А

то в горле все пересохло. Служба ратная оказывается не мед. И пойди, у этого Казановы, возьми для меня пачку «БТ». Ему сейчас вредно такие сигареты курить. Я, в его годы, бычки у урн собирал. И тем счастлив был.

-8-

С поставленной задачей корабль справился.

Штурману все простили, но месяц без берега он на корабле отсидел. И яйца у него не лопнули.

Доктор, за три пачки «Стюардессы», пошел на сговор с совестью и подтвердил кишечную колику.

Вскоре за прилавком магазинчика появилась новая продавщица. Молодая, но тоже страшная.

И последнее.

Штурман вновь перешел на дешевые сигареты.

Жизнь – это единство противоположностей, постоянное чередование хорошего и плохого, белого и черного, радости и печали. Если одному хорошо, то другому, обязательно, должно быть плохо.

Такова диалектика жизни.

В природе все точно так же.

СЛЕЖЕНИЕ

Новость была, прямо скажем, малоприятной. Хотя на службе приятных новостей практически не бывает.

В Черное море зашли два американских корабля. Какова цель их захода никто не знал. А вдруг… Ведь американская наглость, беспардонность и манера совать свой нос во все международные дела, известна всему миру.

Командующий флотом издает директиву, в которой черным по белому приказывает дивизии противолодочных кораблей выделить корабль, встретить непрошенных гостей у пролива Босфор и сопровождать их до тех пор, пока они не покинут акваторию Черного моря, пресекая все их возможные и не возможные провокации.

Дивизия, не мудрствуя лукаво, шлет в одну из бригад свою бумагу, повторяя слово в слово директиву командующего. Бригада тоже не сильно напрягает свои извилины и уже своей телеграммой приказывает эсминцу «Благородный» выйти в море для выполнения вышеуказанных задач.

- Но ведь они вчера вернулись с боевой службы. Может дать им отдохнуть? – вспоминает кто-то.

- А они что, на флот пришли отдыхать или служить? Не развалятся, если еще пару недель поутюжат море, - резюмирует начальник штаба.

Осеннее штормовое море нещадно качало бедный эсминец. Уставший полугодичной оторванностью от родных берегов экипаж, вновь выполнял свои прямые функциональные обязанности.

Командир корабля, капитан третьего ранга Григорий Шевченко, практически постоянно находился на ГКП. Боевая задача, поставленная кораблю, требовала максимального внимания и сосредоточенности.

Выросший на вольных полтавских хлебах, он был коренаст, крепок, плотен и круглолиц. Его фигура походила на монолитный столб, где плечи и ягодицы, практически, не разделялись талией. Но это не мешало ему быстро двигаться и мгновенно принимать судьбоносные решения. Ведь за его спиной находился экипаж в триста человек.

- Вахтенный офицер! Я в штурманскую рубку – крикнул он и сбежал по трапу.

Распахнув дверь, он быстро вошел не командный пункт штурманской боевой части.

В штурманской рубке дурно пахло. (Нет, чтобы ты читатель понял и прочувствовал атмосферу, царившую здесь, следует сказать: «В штурманской рубке жутко воняло грязными носками). Это у нашего командира БЧ-1, Коли Молоканова,

невыносимо пахли ноги. Находиться рядом с ним в радиусе трех метров было просто невозможно. Выедало глаза, и наступал резкий спазм гортани. Ни одно медицинское светило пыталось придать им естественный, благородный запах, но …, увы. Их попытки не увенчались, даже малым, успехом.

Гришу (так мы все за глаза называли командира) отбросило назад к двери. Он рукой зажал нос.

- Штурман, (дальше он выдал длиннющую тираду тяжелого наследия, татаро-монгольского порабощения, усовершенствованного ваятелями современными русского языка), вы когда-нибудь ноги моете?

(Меня часто спрашивают, почему я в своей книге рассказов: «В те дни в морях дороги наши были» употребляю много ненормативной лексики. Я обещал такого больше не писать. Что и делаю. Предоставляю читателю полный разгул фантазии. Но хочу спросить, что бы вы сами произнесли в подобной ситуации? Не уверен, что промолчали или сказали что-то приятное. Но это боевой военный флот. И на нем говорят именно так, как я излагал ранее. Напиши я иначе, как сейчас, например, многие усомнились бы в моей принадлежности к ВМФ. Уж как есть, так и есть. Не обессудьте.

Все как в анекдоте:

- Вы, почему матом ругаетесь?

- Мы матом не ругаемся. Мы на нем разговариваем).

Штурман густо краснеет. Его усы топорщиться, отчего верхняя губа начинает походить на зубную щетку.

- Вахтенный офицер, - неистово орет командир, - вызовите ко мне Басова и доктора.

Вахтенным офицером стоит Саня Пушкин, для которого море – дом родной, а дом - бездонное море. Ему поднять кого-то с койки, а если еще и меня, (время уже далеко за полночь) доставляет истинное удовольствие.

Басов – наш секретарь комитета комсомола корабля. После окончания Киевского военно-морского политического училища, как и все другие идеологи, он имел запись в дипломе в графе специальность – «политработник-штурман».

- Товарищ командир! Разрешите, я сам их подниму,- Пушкину не терпится первым увидеть мое недовольное лицо, – а то рассыльный их долго будет будить.

- Давай, только быстро, - командир, наверное, забыл о цели пребывания корабля в море.

С сигаретой во рту Пушкин шумно входит в мою каюту.

- Докторин, вставай,- он выпускает мне в лицо струю табачного дыма, - тебя командир в штурманскую вызывает.

- Что ему от меня нужно? И который час?

- Без двадцати час, - весело отвечает Пушкин, - Гриша хочет тебе засадить.

- За что? – я не понимаю ничего происходящего.

- За Молоканова.

- А нельзя это сделать утром? – мне жутко не хочется вставать.

- Вставай быстрее, а то еще получишь за то, что поздно пришел. Я пошел будить Басова.

Спускаюсь с койки. Корабль неистово болтает из стороны в сторону. К горлу подступает тошнота, начинает сильно кружиться голова. Морская болезнь берет меня в свои объятья.

С трудом одевшись, поднимаюсь на ГКП. Захожу в рубку. От присутствующего запаха тошнота становится невыносимой.

- По вашему приказанию, товарищ командир,- вид у меня далеко не праздный.

- Доктор, вы что спали?

Вопрос, как говориться, задан не в бровь, а в глаз. И, главное, очень своевременно. На такие вопросы не следует спешить отвечать. А то можно попасть впросак и тем самым вызвать на себя ненужный гнев начальства.

- Что молчите? – командир начинает накаляться.

- Я думал.

- Над чем же?

- Пора Молоканова принимать кандидатом в члены КПСС.

От такой моей вопиющей наглости он даже поперхнулся.

- Что вы лично сделали для того, чтобы у штурмана не пахли ноги?

- А что я могу с природой сделать? Только отрезать их у него по самые помидоры и заменить протезами. Но ноги не являются препятствием в прохождении Молокановым кандидатского стажа, - продолжаю я гнуть свою линию, зная, что за такое наказать невозможно.

- Вы смехуечками хотите отделаться. Идите и думайте. Потом мне свои предложения доложите.

В это время, ну прямо как в театре, входит новая жертва морских баталий. Это - лейтенант Басов. Он в шинели и с глубоко въевшимися складками от подушки на лице.

- Лейтенант! Где вы были? Вас сорок минут не могут найти. Или вы по кубрикам проверяли «Боевые листики»? Чем вы занимались? – зарычал командир.

Басов - «шланг» до мозга костей. В любое время дня и ночи его можно обнаружить в каюте на койке в горизонтальном положении. Его лицо, с большими карими глазами, всегда выражает детскую невинность и отрешенность от всего мира. Он не походил на истинных политработников. Ему

даже заложить кого-то было проблематично. Для этого требовалось принять вертикальное положение, пройтись по кораблю, а потом зайти к замполиту. На это у него тратилось уйма калорий и энергии. Сколько его зам за это не порол, толку от этого было мало. А порол он его образцово-показательно.

- Я спал.

- Спа-ли-и-и? – и снова атмосферу потрясли раскаты флотского мужского языка, – Весь флот стоит раком, включая даже нашего нечмеда, который думает, - командир стучит себе по черепу, - Как помочь своему товарищу Молоканову и нам в том числе, чтобы мы не задохнулись здесь в этом зловонье и успешно выполнили боевую задачу, поставленную командующим. А лейтенант Басов спит, как младенец.

- Я сменился с дежурства по кораблю.

- Устал, сынок? – ехидно спрашивает Шевченко.

- Так точно.

- Пушкин!!! – кричит командир вахтенному офицеру, - Вот через час вы сдаете вахту, и чем будете заниматься?

- Обойду посты, товарищ командир, проверю несение вахты. Проведу инструктаж с заступившей сменой о бдительном несении дежурно-вахтенной службы, - нагло врет Саня, который только и

мечтает отдать повязку и рухнуть в койку. А вся эта смена ему глубоко по барабану.

Я умиленно улыбаюсь, глядя в бессовестные глаза лучшего друга.

- Доктор! Вам опять весело? Вы уже готовы мне доложить, как выжить в условиях газовой атаки?

- Никак нет. Я просто восхищаюсь Пушкиным, его высокой сознательностью и ответственностью по выполнению воинского долга.

- Я вижу, доктор, вам заняться нечем. Сейчас я вам работу найду.

- Разрешите идти? – громко говорю я.

- Идите.

Я выхожу из рубки и останавливаюсь в тени трапа. Мне жутко интересно, чем все это закончится.

- Вы слышали, лейтенант, чем после вахты будет заниматься старший лейтенант? – командир вновь обращает свое внимание на Басова.

Басов безразлично машет головой

- Хочу поинтересоваться, вы что заканчивали?

- Киевское политическое училище.

- Если я не ошибаюсь, то вы у нас политработник-штурман, так? Сейчас мы это и проверим. Тире у вас там стоит или минус. Штурман, - командир обернулся к Молоканову, - вот вам дублер. Научите его своему ремеслу. Кстати, Басов, а чем, сейчас, занимается корабль?

Басов долго молчит. Но видно по шевелящимся складкам лба, как мысль над чем-то работает.

- Ну? – не выдерживает командир.

- Следит.

- За кем?

Басов снова молчит.

- Объясните тогда мне, как вы проводили агитацию среди комсомольцев? Или вы никакой агитации не проводили? Вам зам поручал какое-нибудь задание? – командир ждет ответа, - Жалко доктор ушел. Он точно знает, за кем мы следим, – горько подводит он итог.

- Я сегодня сменился с дежурства, - бормочет Басов, все больше и больше понимая, что спать ему больше не придется.

- Нет, с вами невозможно нормально говорить. Приступайте. И только попробуйте уйти.

Командир покидает штурманскую рубку и возвращается на ГКП.

Американцы наго идут на север, приближаясь к границе СССР.

Наш корабль, следуя за ними, перешел во временное подчинение Крымской военно-морской базы.

- Пятьсот тринадцатый (это наш бортовой номер), я первый, - раздалось по громкоговорящей связи, - выше место.

- Штурманская – ГКП, наше место? – вахтенный офицер посылает запрос штурманам.

Через пять минут по «Каштану» доносится голос умирающего Басова. Он докладывает широту и долготу, на которой находится наш корабль.

Пушкин тупо передает эти данные в бригаду.

Спустя минуту, бригада снова запрашивает местонахождения корабля. Повторяется та же процедура.

Еще через минуту эфир содрогается площадной бранью.

- Пятьсот тринадцатый, у вас штурман на борту или он пьяный? По вашим данным вы целых пять минут, как идете по территории Румынии! Командира мне на связь.

Командир разбирался не долго. Крайним назначили вахтенного офицера Пушкина. За десять минут до окончания вахты, он был снят и заступил вновь.

Командирский эксперимент с Басовым оказался неудачным. Навешав ему на все тело половых органов, его изгнали с ГКП и запретили туда появляться. Комсомольский вожак от этого сильно переживать не стал, а направился досыпать в каюту.

Я так и не нашел эффективного средства от запаха ног Молоканова, да если признаться честно, то и не искал его. Правда об этом больше почему-то никто

и не вспоминал. Хотя этот вопрос всплывал довольно часто.

Американцы резко развернулись и быстро пошли в свою Америку.

Наш корабль вернулся в базу и экипажу предоставили послепоходовый отдых. Хотя отдых на службе, понятие очень и очень относительное.

АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС

Послеобеденный отдых или адмиральский час, как его по- другому именуют на флоте военные моряки, также священен, как скажем курение трубки Мира у ирокезов на собрании вождей племени или приношение в жертву огню древними славянами юношу и девушку для задабривания бога Перуна. И нарушить этот обряд не позволительно никому и ничему. В природе должно случиться что-то такое, чего до сих пор еще не случалось. Ну, или, скажем, началась внезапно война или море стало резко высыхать. Именно только это и может потревожить сон покорителей морских просторов.
В это самое время в каюте доктора и раздался телефонный звонок. Он прозвучал, как гром среди ясного неба. И хоть курица не птица, а доктор не моряк, но поспать он любил. Даже очень.

Беспокойная трель, длившаяся минут семь, все же заставила начмеда подняться.

- Да! Слушаю! – недовольный голос Эскулапа звучал сурово.

- Доктор, я заболел. Зайди ко мне, - послышалось в трубке.

- Кто вы? Представьтесь, - голос штурмана он узнал сразу, но переход на «вы» не сулил для говорившего ничего хорошего.

- Молоканов, штурман. Ты что, не узнал меня?

- Нет. Что вы хотели?

- Я заболел.

- Вы родились таким. Но об этом видно узнали только сейчас?

- Я вчера в душе в ногу загнал занозу.

- Прекрасно! Как проистекала болезнь до обеда?

- Я спал.

-А сейчас проснулся, вспомнил о занозе, и резко захотелось стать здоровым? Так? А то, что спят остальные, тебе глубоко наплевать. Молоканов, пошел в трещину! – заорал доктор, будя окружающую среду, - Поднеси свою вонючую ногу к трубке, я подую. Авось полегчает. Амбулаторный прием для сирот в третьем поколении с шестнадцати до семнадцати. С нетерпением буду ждать свою жертву. Только не забудь перед этим хорошо помыть ноги, чтобы я не угорел. Все ясно? -

и доктор хлопнул трубку об аппарат, из которой неслись обещания пожаловаться замполиту.

- Хоть в главное политическое Управление, - прошептал начмед, забираюсь на койку и поглядел на часы. До подъема было еще сорок минут. Сорок минут здорового, молодого сна.

На амбулаторный прием штурман не пришел. Видно болезнь прошла сама по себе. Такое в военном коллективе случается часто. Гораздо реже нарушается адмиральский час. Он для военных моряков также священен, как, например, у галлов съеденное сердце врага, чтобы стать настоящим воином или шаманский ритуальный танец у гиляков перед охотой.

Все не так просто, как кажется на первый взгляд.

ЖЕРТВА КРАСОТЫ

Штурман Молоканов, наконец, решил пошить повседневную форму одежды, - тужурку и брюки. Старая, еще лейтенантская, так пообносилась, что даже ночью в ней было стыдно идти. А на плечах уже светились звезды капитан-лейтенанта.

Заказать-то все это он заказал, а забрать – некогда. Корабль ходовой, - чаще в море, чем на суше. Да и лень-матушка, родившаяся гораздо раньше него, мешала сходить в ателье.

Так пролетали недели, шли месяцы.

После очередного подъема флага командир обратил внимание на затрапезный вид офицера.

- Молоканов, - здесь командир употребил несколько крепких выражений для придания разговору чрезвычайной серьезности, - вы, когда последний раз шили обмундирование? А на себя в зеркало давно смотрели? Может, и в город так ходите? Старпом, - командир, краснотой лица и шеи сейчас походил на синьора Помидора, обратил свой взор на стоящего сзади старшего помощника, - вы проверяете у офицеров форму одежды, в которой они сходят на берег? Или вам на все это наплевать? – распалялся он, - Через десять минут построение офицеров и мичманов в повседневной форме одежды. Разойдись! Время пошло!

По кораблю понеслась команда: «Офицерам и мичманам приготовиться к построению на юте. Форма одежды – повседневная».

Через десять минут, блистая красотой, офицеры и мичманы предстали перед командирскими очами. Коля Молоканов, с багровым, как свекла лицом, вышел в том же, в чем выходил на подъем Военно-морского флага.

Квадратная фигура командира приобретала округлую форму, лицо насыщалось зловещими кроваво-синими тонами. Он прошел вдоль строя.

- Мичмана и командиры групп, свободны.

Командиры боевых частей и начальники служб обреченно ждали расправы над товарищем.

Лицо старпома тоже начало буреть. Он задним местом чувствовал, что через минуту вместе со штурманом может стать евнухом.

- Я уже не знаю, что по этому поводу можно еще сказать? - начал Шевченко издалека, - Молоканов, будьте так любезны, выйдете, пожалуйста, из строя на три шага. Пусть ваши товарищи полюбуются вами. Или эти товарищам, включая и старшего помощника, глубоко все равно как выглядит советский офицер? Так я понимаю? – жуткий крик сотряс атмосферу, - У вас совесть, товарищ капитан-лейтенант, или стыд, на худой конец, есть? Или вместо всего этого у вас хер между ног вырос? Все, о чем я сейчас говорю, касается и старпома. Это же надо умудриться, так распустить корабль!

Челюсть старшего помощника начала выдвигаться вперед. Он ходил сзади командира, как зверь за дрессировщиком.

- Помощник по снабжению, вы, согласно нормам вещевого довольствия, все выдали офицеру? Или налево пустили? Вижу, что на вашу форму муха еще не садилась. И почему она пошита из сукна старшего офицерского состава? Не рановато ли, товарищ старший лейтенант? Старпом, проверить вещевую службу. До пуговицы! До носка! А вы помощник, после построения зайдете ко мне с

вещевым аттестатом Молоканова. И свой не забудьте прихватить. Посмотрим, какими нормами сейчас живут дипломированные военворы?

Можно было даже не ставить на зеро, что следующий акт командир совершит с доктором. А с кем же еще, не с артиллеристом же или механиком?

- Доктор, а вы кроме сна, еще чем-нибудь занимаетесь? На корабле что-нибудь делается?

Начмед стоял и молчал. Как можно ответить на вопрос ни о чем? Конечно, на корабле что-то делается. Но что конкретно хочет услышать командир?

- Я не слышу ответа.

- А что я должен ответить? Я не понял вопроса.

- Не прикидывайтесь дурачком. Что конкретно вы делаете?

- Перечислить все, чем занимается медслужба или вас интересует что-то конкретное?

Новый выброс командирского адреналина вновь сотряс вселенную.

- Вы на утреннем построении телесный осмотр проводите? Обращаете внимание на внешний вид личного состава и своих товарищей.

- Телесный осмотр проводим во время помывки личного состава в бане, в субботу. На утреннем построение проверяем чистоту рабочего платья, осматриваем внешний вид и стрижку ногтей.

- Когда вы уже научитесь отвечать по-военному? Старпом, - старший помощник тоже не давал ему покоя, - с офицерами и мичманами давно занимались строевой подготовкой? Некоторые уже даже начали забывать лаконичный военный язык и то, что носят на плечах погоны. Завтра, во время обеденного перерыва уделите им внимание. Пусть почувствуют земную твердь. План занятий мне представите с вечерним докладом.

- Есть, товарищ командир, - щелкнул каблуками старпом.

- Доктор, - начмед постоянно попадался командиру на глаза, - чему вы улыбаетесь?

- Я не улыбаюсь, товарищ командир. Просто мое лицо выражает радость и гордость.

- И чему вы радуетесь?

- Жизни, товарищ командир.

- А гордитесь, что служите с таким офицером, как Молоканов? Вы как давно его осматривали? Может он уже завшивел, а тело покрылось коростой? Если все нормальные люди гниют с головы, то он с ног. Здесь тоже, как я понимаю, военная медицина бессильна? После построения проведите тщательный телесный осмотр этого, с позволения сказать, офицера. Проверьте все, от головы до лобка. Не забудьте о подмышках и усах. И непременно обратите внимание на его ноги. Может их запах прочистит вам мозги. Я уже боюсь идти

домой. Вдруг заразу принесу. А вам все весело. Об осмотре мне доложите рапортом.

Командир повернулся к штурману. Новая волна гнева напрягла его череп.

- Штурман, (далее опять шли такие обороты речи, которые значительно расширили и пополнили и без того богатый матерный флотский сленг), вы понимаете, шахтер из забоя выходит чище, чем вы передо мной сейчас стоите? Брюки так засалены, что вот-вот сломаются. Вы что в этом спите? Тужурка затерта до зеркального блеска. На вас даже больно смотреть, от того, что вы свет не поглощаете, а рассеиваете. Вам бы в цирке в этом костюме выступать, а не на флоте служить. Когда вы шились последний раз?

- Я уже пошился, - выдавил из себя Молоканов, - Только забрать надо.

- А ну, принесите мне квитанцию. Вам же обмануть, что два пальца об асфальт. Не хочу выглядеть потом дураком. Это старпом вам всецело доверяет. А вы на его шее все ездите. Так, Александр Николаевич? – командир снова зло поглядел на старшего помощника.

Штурман, неспела, пошел в каюту.

- Вы можете ногами быстрее шевелить? Итак, из-за вас час потеряли, - прорвало старпома. Он желал хоть как-то реабилитироваться.

- Старпом, у вас сигарета есть? - командир не курил, но иногда, как девочка-институтка, набирал в рот дым и выпускал его, портя окружающую среду.

Старпом протянул пачку «Примы».

- У кого-то найдется с фильтром? Доктор, вы у нас ближе всех к интеллигентам, что вы курите?

Доктор, молча, протянул пачку «Стюардессы».

- Товарищ начальник медицинской службы, курите дорогие сигареты, а ботинки не чистите.

- Курить, товарищ командир, можно и босиком. Удовольствие от этого не уменьшается.

Ответить командир не успел. Прибежавший Молоканов протянул ему бумажку.

- Что это? – командир долго изучал затертый клочок бумаги, - У нас сейчас по календарю конец октября, а заказ принят восьмого января. Это почти год вы шьетесь? – пошептал он, - Вы нормальный человек? – ругаться у него уже не было сил, - Значит так. Вам штурман я сход на берег запрещаю. И вам, старпом, тоже. Пока вот он, - командир с силой ткнул пальцем Молоканова в грудь, - не будет выглядеть подобающе. Все ясно? Разойдись!

За полчаса до ужина в каюту доктора влетел Пушкин.

- Докторинчик, быстро в кают-компанию! – задыхаясь от смеха, произнес он.

- Это еще зачем?

- Быстрее, иначе пропустишь, век жалеть будешь. Сейчас старпом командиру Молоканова будет представлять.

А получилось так.

Старпом в гневе забрал у штурмана квитанцию и, снарядив в ателье матроса, строго предупредил его, чтобы тот без формы не возвращался.

В ателье форму очень долго искали, но все-таки нашли.

Старый еврей портной в ужасе схватился за голову.

- Молодой человек, без примерки я не могу вам ничего отдать. Видите, здесь рукава только приметаны, пуговицы не пришиты. Это можно человека сделать как угодно: умным и дураком, красивым и страшным, маленьким и высоким. И для того, чтобы скрыть все его недостатки или подчеркнуть достоинства есть мы, портные. Нет, без примерки я вам ничего не отдам. Пусть придет хозяин, с ним все и будем решать.

Моряк начал впадать в уныние. Во- первых, он собирался погулять по городу. Когда придет еще такая шара сойти с корабля. А во- вторых, со старпомом шутки плохи. Из-за этого поганого костюма можно попасть в немилость к старшему помощнику и до конца службы видеть берег с борта корабля.

- Примеряйте на меня, - твердо сказал он, - Мы с ним одной комплекции.

- Ой, как вы меня пугаете, юноша. Я сделаю что-то не так, вы будите в стороне, а виноватым окажусь я, Лившиц Давид Львович, - причитал портной, - Вы понимаете, у меня шьется сам Командующий флотом! Может пострадать моя репутация. Человеку жить в этом костюме. А я возьму и его испорчу. Нет, нет. Пусть приходит сам.

- Понимаете, он не может, - моряк от горя готов был заплакать, - Просил забрать, все как есть.

- Ой, не знаю, не знаю, - опять запричитал портной, - Ну давайте, раздевайтесь. Будем мерить, если вы уверены, что фигуры у вас с ним одинаковы.

Три часа, проклиная судьбу, старпома и штурмана, матрос ждал, пока пришьют рукава, пуговицы, шевроны, погоны, да еще и выгладят офицерскую форму. Время на прогулку у него не оставалось.

И вот наступил второй этап. Представление портняжного искусства командиру.

Мудреного в фигуре штурмана ничего не было. От плеч и до колен окружность его тела была везде одинакова. Лишь от колен ноги икс образно расходились в разные стороны.

Доктор вошел в кают-компанию. Грустный старпом сидел в кресле, опустив голову. Жизнь

отчего-то его явно не радовала. Перед зеркалом стоял штурман. По его красной физиономии обильно тек пот. То, что на нем было одето, вызывало двоякое чувство: у присутствующих - истерический смех, а у обладателя новой формы и старшего помощника - неподдельное горе, ибо сход старпома на берег висел на гнилой нитке, а на сход штурмана старпому было глубоко наплевать.

- Едри ее в дышло, - простонал от увиденного доктор, сползая по переборке и заходясь истерическим смехом. Корчась в судорогах и катаясь по палубе, он рычал, что красота – это страшная сила, но такая красота спасти мир не может.

Картина, представшая перед его глазами, напоминала жизненный период вторжения конкистадоров на американский материк. Колины брюки были настолько коротки, что не доставали до ботинок сантиметра два. Но и это было бы ничего. За счет внутреннего займа они элементарно удлинялись. Но вот тужурка … не отвечала никаким стандартам. Моряк, работавший в качестве манекена, был на голову ниже Молоканова и сантиметров на десять уже в объеме. Таков получился и пиджак. Треть предплечий торчали из рукавов, а застегнутый на все пуговицы штурман напоминал африканский барабан.

Старпом тупо глядел на погибающего от смеха доктора и от безысходности курил сигарету. Теперь ему, стоящему двумя ногами на холме Голгофа, было можно все.

- Вы страшный человек, товарищ капитан медицинской службы, - обреченно покачал старпом головой, - и не понимаете, что красота только и делает, что требует жертв.

- Доктор, пошел на ..., - неистово завопил штурман, но вошедший в кают-компанию командир, не дал начмеду узнать, куда ему нужно было в срочном порядке идти.

- Товарищи офицеры! - скомандовал старший помощник.

Доктор попытался подняться, но стукнувшись головой о стол, вновь рухнул на палубу.

От увиденного командир вначале потерял дар речи. Но когда она к нему вернулась, он тихо вспомнил мать и грязно выругался.

- Что это старпом? Где вы все это взяли? – он даже не обратил внимание на то, что старпом курит.

Челюсть старшего помощника опять поползла вперед.

- И вы, товарищ старший помощник, решили в этом выпустить офицера в город?

Под столом раздалось хрюканье.

- А это кто там грязь собирает?

- Это наш доктор, троюродный брат Гигиены и Санитарии, - скорбно проговорил старпом.

- Доктор? – удивился командир, - А что он там делает? Он пьяный?

- Лучше бы он был пьяный, - равнодушно произнес старший помощник.

- Пу… - -пу, пуговичку от ширинки потерял, товарищ командир, - послышался плачущий голос начмеда.

- Вы потеряли или штурман? Ну, ищите, ищите, - командир снова перенес свой взор на командира БЧ-1, - Молоканов, вы за год так выросли на флотских харчах или вместе со старшим помощником готовитесь на бразильский карнавал? Доктора туда с собой возьмите. Ему там тоже место найдется. Не зачет, старпом. Делайте что хотите: укорачивайте ноги с руками, срезайте пластами сало, шейтесь по-новому, но через три недели он должен выглядеть достойно.

Через три недели, в новой форме, Николай сошел на берег. Путь его пролегал через ресторан. Вскоре на тужурке появились первые масляные пятна от салата, а на брюках от вина.

ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ

Ночь была невыносимо холодной. Погода явно на что-то сердилась. Надрывный северный ветер брызгами поднимал волну, оседающую сосульками на леерах, трапе, швартовых концах, которые от недовольства скрипели, как перетянутые струны, готовые вот-вот порваться, превращала палубу в сплошной каток.

Вахтенный у трапа, старшина 1 статьи Реутов, одетый в теплый белый тулуп, шапку-ушанку, завязанную на подбородке, с поднятым огромным воротником, борясь с губительным для корабля обледенением, беспрестанно скалывал лед, бросая его за борт. До окончания вахты было еще полтора часа.

Занятый работой, он не заметил, как сзади подошел дежурный по низам мичман Конышев, невысокий, худощавый, сморщенный, аспидного цвета мужичек, лет сорока с небольшим.

- Не спится, Реутов?

- Тут уснешь, товарищ мичман. Присоединяйтесь, - он протянул Конышеву лопату, - заодно и согреетесь.

- Работай, работай. Ты скоро сменишься и спать пойдешь, а мне до утра вахту нести. Успею еще

наработаться, - деловито изрек мичман, доставая сигареты, - Закуривай, Реутов. Угощаю.

- Спасибо, товарищ мичман.

Они, молча, постояли, выпуская из себя клубы дыма и пара.

- Товарищ мичман, а если к леерам коснуться губами, прилипнут или нет?

- Конечно, прилипнут.

- Я пробовал. У меня не прилипают, - пошутил старшина.

- Не может быть?

- Честно вам говорю.

- Врешь!

- Попробуйте сами.

Выдохнув дым, Конышев наклонился и прикоснулся к лееру. Губы мгновенно пристали к железу.

- Реутов, - прохрипел мичман, - быстро меня отдери.

- Как?

- Как-нибудь аккуратно.

Реутов взял голову мичмана и потянул ее на себя.

- А-а-а! – крик, завязший в пронзительном ветре, походил на волчий, - Что ты делаешь, сука?

- Отрываю вас.

- Лучше яйца себе оторви!

- Ну и стойте тогда так, - Реутов отошел в сторону.

- Я замерзну так. Делай что-нибудь. Попробуй отогреть железку, - голос Конышева был еле различим.

- Чем? – Реутова охватили страх и паника.

- Воды горячей найди, - простонал дежурный.

Старшина побежал в поисках воды. Минут через десять, запыхавшийся, он предстал перед мичманом.

- Товарищ мичман, горячей воды нигде нет. Камбуз закрыт. Вестовые где-то спят. Я их не нашел. Что делать? Может дежурного по кораблю разбудить или старпома?

- Ссы.

- Не понял вас.

- Я говорю, ссы на железку.

- А поможет?

- Ты оглох или смерти моей захотел? – Конышев находился на грани гибели.

К спасательной процедуре Реутов готовился долго. Мешала теплая одежда. Ее пришлось снять. Потом было достаточно высоко. Пришлось забираться на леера.

Наконец спасательная операция началась. Огромный детородный орган старшины почти касался бледного лица мичмана. Со стороны все это выглядело достаточно комично. Но в данном случае дело касалось жизни и смерти. Тут было явно не до смеха.

Мощная горячая струя хлынула в лицо и на железную перекладину. Губы мичмана мгновенно отделились от леера, но моча продолжала поливать дежурного по низам, тут же застывая желтыми сосульками.

Отплевываясь и отбиваясь руками, мичман отскочил в сторону.

- Товарищ старшина 1 статьи, вы слишком много себе позволяете. Я сейчас сниму вас с вахты.

- За что? Я вас, можно сказать, от смерти спас, а вы меня за это снять хотите.

- Ладно, дежурь. Я пойду, приведу себя в порядок.

До очередной смены оставалось сорок минут.

И ветер не ослабевал, и мороз не стал мягче, но было жарко.

Жарко и весело.

Ведь не каждый день ссышь в морду мичману.

Невероятно, но и такое бывает.

НЕ РЕАЛИЗОВАННАЯ ЛЮБОВЬ

Николай Иосифович Васянович, командир БЧ-2 эсминца, был мужчина красивый и к тому же холостой. Лет ему было уже за сорок.

Женщины Васяновича любили и не в чем ему не отказывали.

Знакомился он с ними быстро, мертвой хваткой овладевая их сердцами, а потом и всем остальным.

В этот день Николай тщательно готовил себя к сходу на берег. Выглаженный, вымытый, выбритый до синевы, в отражающих зайчиков ботинках, пахнущий дорогим одеколоном, он, взяв для настроения на грудь соточку «шила», не торопясь сошел в город. Путь его лежал к очередной даме сердца.

Познакомился он с ней в ресторане, где она в шумной компании друзей отмечала проводы своего мужа в рейс на рыболовецком судне.

Николай не мог не обратить внимание на симпатичную блондинку. В разгар веселья, когда и друзьям, и мужу было уже все равно кто с кем и почему, Васянович подошел к их столику и пригласил даму на танец. Она охотно ответила согласием на приглашение красавца-моряка.

Буквально за пять минут Николай знал о ней буквально все. Более того, был приглашен в воскресенье в гости к двадцати двум часам.

Не спеша он шел по ночному Севастополю. Настроение было приподнятое.

Ровно в 22.00, как истинный джентльмен, Николай нажал на кнопку звонка. Дверь открыла Люда. Она была просто неотразима в своем вечернем платье. Дорогие духи плавили мозги.

Васянович тонул в иллюзии счастья и не сопротивлялся этому.

В хорошо обставленной квартире царил полумрак. Тихо играла инструментальная музыка. Богато сервированный столик стоял в середине зала. По бокам его уютно расположились глубокие, мягкие кресла.

После нескольких обыденных в этом случае фраз и жарких поцелуев, влюбленные сели к столу. Желанный вечер начался.

За тостами, шутками и светской беседой влюбленные не заметили, как время перевалило за полночь.

- Коленька, с приятным собеседником время летит ракетой, - она встала и, слегка пошатываясь, пошла разбирать кровать, - Ты раздевайся, ложись, а я на десять минут в ванну, - она нежно и многообещающе поцеловала его, - Не скучай без меня.

Сильно опьяневший Васянович, не сколько от любви, сколько от коньяка и водки, сбросил на кресло форму, лег и мгновенно уснул. Когда в дорогом пеньюаре, чистая, излучая страсть и здоровье, Людмила вошла в спальню, Николай храпел на весь дом. Попытка разбудить его оказалась безрезультатной.

- Козел! Алкоголик! – она пьяно заплакала, повернулась и ушла в другую комнату, легла на диван и тоже уснула.

Утром Васянович вскочил, как ошпаренный. Настенные электронные часы показывали семь часов двадцать три минуты.

- Проспал, твою мать!

- Одеваясь на ходу, он, не прощаясь, выскочил на улицу.

Такси положение не спасло.

Васяновичу за опоздание на корабль объявили выговор.

С Людмилой он больше не виделся и не звонил ей.

Зачем?

Других полным-полно.

Женщины! Никогда нельзя, если вы с ним хотите иметь близость, сильно поить и кормить мужчину. Еда и алкоголь перекрывают путь к вашему сердцу. Племенной петух должен быть худ и постоянно голоден. Только тогда он горяч и темпераментен.

КШУ

Согласно плана боевой подготовки штаба Крымской Военно-морской базы в Очаковской бригаде ОВРа (охрана водного района) проводилось командно-штабное ученье. Штаб из

Новоозерного выехал в Очаков. На проверку повседневной деятельности бригады и работу с документами отводится два дня. Третий же день посвящен самому учению, на котором отрабатывается задачи, свойственные данному соединению в период ведения боевых действий.

Начальников мы всегда любим и чтим или, в крайнем случае, изображаем эту любовь. Без этого нельзя. Служба, хоть она и тяжелая, но должно быть с привкусом меда, а не дегтя. Поэтому встречаем их по одежке, а провожаем без ума. Чем лучше встретишь, тем выше оценка. А раз оценка хорошая, можно потом целый год чувствовать себя уверенно, а иногда и лапу сосать. Но не дай Бог схлопотать двойку. Замучают проверками. Заставят и Родину любить, и научат служить по Уставу.

Первые два дня начальников чествуют: возят на рыбалку, накрывают столы, поят, кормят, знакомят с девочками, целуют во все дозволенные и недозволенные места, дарят подарки и делают все, чтобы их настроение в это время было приподнятым.

Помощника начальника связи по ЗАС капитан-лейтенанта Денисова побаивались. Он и работу знает, и вникает во все тонкости, да и внешне суров. Короче, педант до мозга костей. Ошибок или упущений в службе засекреченной аппаратуре

связи ни у него, ни у других не должно быть. А если они выявляются, то это считается должностным преступлением. Такое может закончиться и трибуналом. Кто этого хочет?

Вечером, по старой доброй традиции, проверяющих ждал ресторан. Повели туда и Денисова.

Сервировкой стола занимался сам начальник поста ЗАС, старший лейтенант Клубов.

Сердцевиной стола были крабы. Они горой выселись на подносе, олицетворяя собой апофеоз войны. У каждого на тарелках лежали огромные, аппетитно зажаренные, камбалы. В пиалах сиротливо ютились салаты из кальмаров и овощей. В вазе рубиновым и янтарным цветом красовались персики и виноград. Своей очереди ждали шашлыки из свинины, отбивные с жареной картошкой, мороженое и кофе. Переохлажденная водка от томительного ожидания покрывалась испариной.

Выглаженный, выбритый, пахнущий «Русским лесом» и с «дипломатом» в руке, Денисов к назначенному времени подошел к ресторану. У входа его ждали начальник поста ЗАС и две пикантные дамочки, знакомые ему еще по старым проверкам.

- Вячеслав Васильевич, вы как всегда пунктуальны. По вам часы можно сверять, -

тараторил подчиненный, - Вот и Люда с Верой. Не забыли их? Пойдемте в ресторан. А то все остынет.

- Ух, ты! – Денисов всплеснул руками, - Дима, ты явно перестарался. Стол сейчас, действительно, обломится от яств. Ты каждый раз удивляешь меня все больше и больше.

- Присаживайтесь, Вячеслав Васильевич, рядом с Верочкой, - Клубов, польщенный похвалой начальника, услужливо отодвинул стул, - «Дипломат» поставьте под стол, чтоб не мешал. И давайте уже начнем, а то и, правда, слюнки начинают бежать.

Застолье, сопровождающееся разговорами, тостами, перекурами и, наконец, танцами, близилось к своему естественному концу.

Для пьяных время, как объективный фактор, перестает существовать, исчезает, растворяется. Они теряют контроль над ним.

Объявление о закрытии ресторана прозвучало, как приговор.

- Вячеслав Васильевич, во избежание неприятной встречи с патрулем, предлагаю выйти через кухню, а девочки подождут нас на улице, у главного входа, - старший лейтенант Клубов имел богатый опыт и в жизни, и в службе.

- Не возражаю, - пробасил Денисов, - Ему явно нравилась роль высокого начальника.

Слегка покачиваясь, они направились в сторону черного хода.

Вера, взяв оставленный Вячеславом «дипломат», вместе с подругой направилась к выходу.

Выйдя на улицу, приятели решили перекурить. Денисов, как память об учебе в Ленинграде, курил всегда «Беломор». Клубов не курил, но чтобы не обижать начальника, купил себе пачку сигарет «Опал».

Пьяные всегда расположены к философии и ораторству. И если они находят благодарного слушателя, то остановить их трудно или, если правильного выразиться, невозможно. Причем суть разговора не так и важна.

Денисов этого слушателя нашел. Его несло. Он уже перерос самого себя. В нем заговорил Гуру, - духовный наставник и учитель.

Сколько длился разговор, сказать сложно, но Клубову это стало порядком надоедать.

- Вячеслав Василевич, может мы уже пойдем? Нас девочки ждут.

- Девочки, - Денисов сразу оживился, - Это то, что нам сейчас нужно, – и они пошли в сторону улицы.

- Стоп, - Денисов вдруг стал сосредоточенным, – А где мой «дипломат»? Я четко помню, что приходил с ним. Мы оставили его в ресторане. Пойдем назад.

Осиротевший без посетителей зал еще хранил в своей утробе запахи недавнего веселья.

«Дипломата» под столом не было.

Долго искали официанта, еще дольше администратора. Все клялись, божились, давали зуб на отсечение, что «дипломата они не видели и не брали.

- А куда же он девался?

- Не знаем. Может, украли?

- Пошли в милицию, - Денисов во всем любил порядок. Суть пропажи его уже интересовала мало. Дело касалось принципа.

Девочек у входа не было. Да и не до них было сейчас.

Милиция находилась на соседней улице, за углом.

Дежурный в полудреме листал какой-то журнал.

- У нас «дипломат» украли.

- Ребята, - старший сержант даже бровью не повел, - машины крадут, и то мы их не ищем. А тут какой-то «дипломат». Идите спать. Забудьте про него.

- В нем находились совершенно секретные документы. Понимаете, документы государственной важности, - честно глядя в глаза, соврал Денисов.

Старший сержант побледнел. Он понял, что спать сегодня ночью вряд ли придется. Записав все как можно подробнее: детали и приметы «дипломата», анкетные данные потерпевшего и место его проживання, он отпустил офицеров.

Денисов пошел в гостиницу, Клубов -домой.

В пять часов утра Денисова разбудил матрос, рассыльный по штабу.

- Товарищ капитан-лейтенант, вас вызывает начальник особого отдела.

- Скажи, сейчас буду.

Голова слегка побаливала.

Приняв холодный душ, побрившись и, на всякий случай, обильно окатив себя «Русским лесом», Денисов прибыл в штаб. О цели вызова он даже не догадывался. История прошлой ночи была съедена сном.

Он вошел в кабинет начальника особого отдела. За его спиной сразу встали два, крепкого телосложения, матроса.

Первое, что он увидел в кабинете, - его стоящий на столе «дипломат».

- О, мой «дипломат»! Как он к вам попал? Где вы его нашли? - искренне удивился Слава.

- У вашей подруги, Веры Сергеевны Пономарь, - строго произнес начальник особого отдела, тая в душе надежду, что за раскрытие такого дела его непременно повысят и в звании, и в должности, а также наградят орденом.

- Она мне не подруга, а хорошая знакомая. Это первое, - в голосе Денисова зазвучал металл. Он начал понимать суть происходящего, - Во - вторых, уберите моряков, что стоят сзади меня. Я не позволю вам играть со мной в тридцать седьмой

год. Обо всех ваших действиях я письменно доложу командиру Крымской Военно-морской базы и Командующему Черноморским флотом.

- Где документы? – не обращая внимания на угрозы Денисова, произнес главный особист с грузинским акцентом. Видно гены Лаврентия Павловича Берии начали давить ему на язык.

- Их там не было.

- Как не было? А в милиции, что вы сказали?

- Чтоб не сидели там и не протирали казенные штаны, а занимались розыскным делом.

- Мы из-за ваших шуток ночь не спали, весь город перевернули. Шутник! О вашем поведении я вынужден доложить вашему начальству. Забирайте свой «дипломат» и идите.

- О вашем поведении я тоже доложу командиру базы, - твердо произнес Денисов, глядя особисту прямо в глаза.

Перед обедом помощника начальника связи по ЗАС вызвал адмирал, командир бригады.

- Денисов, ну ты молодец! Устроил особистам настоящее КШУ. Должны же и они хоть раз в жизни очком поиграть. Только за это я тебя не наказываю, как они того требуют, а объявляю благодарность. Иди. И пей меньше, - адмирал хрипло засмеялся.

Как потом выяснилось, Вера, не дождавшись своего кавалера, пошла с «дипломатом» домой,

полагая, что Денисов дорогу и сам найдет. Чай не первый раз с проверкой приезжает. Адрес известен.

А вышло все по-другому.

В четыре часа утра к ней в дом завалились кротко остриженные люди в штатском, и час допытывали перепуганную женщину о каких-то документах.

Славу Богу, все обошлось.

КШУ прошло на высоком уровне. И начальники, и проверяемые остались друг другом довольны.

ОШИБКА

Жизнь военных очень схожа с жизнью цыган: также постоянно кочуют с одного места на другое. И нельзя никак без этого. Расти нужно. Звезды на погонах получать и должности.

Слава Денисов, отдав свой ратный долг Крымской Военно-морской базе, был назначен в бригаду строящихся и ремонтирующихся кораблей на должность флагманского связиста и большая семья с котомками, коробками, узлами, мешками и прочим хламом перекочевала в город Николаев, где молодому специалисту сразу дали комнату в офицерском общежитии.

Сделав косметический ремонт, семья зажила привычной жизнью военных, с ее ненормированным рабочим днем, тревогами и

другими нюансами, понятными только тем, кто носит на плечах погоны.

Поздним вечером, выполнив все, включая и супружеские обязанности, Слава вышел на кухню и с удовольствием закурил. Благодушно закатив к потолку глаза, он обратил внимание, что дымовое облако безжизненно висит у него над головой. Пытливый ум и склонность к анализу заставили посмотреть на вентиляционное отверстие.

- Забита вентиляция, - тут же сделал Слава свое первое в Николаеве гениальное открытие. - Надо прочистить.

Выписывая журналы «Наука и жизнь», «Техника молодежи» и «Радио», Денисов был напичкан всевозможными идеями, которые претворял в жизнь в виде собственных рационализаторских предложений.

Командование, не читая этих журналов, высоко ценило талантливого офицера. За каждое внедренное предложение он получал денежное вознаграждение, был обвешан грамотами и имел звание «Лучший рационализатор и изобретатель части».

Прежде чем начать какое-либо дело, Денисов досконально изучал его. Проконсультировавшись у военных строителей и изучив проектную документацию, Вячеслав знал об архитектуре этого шедевра военного зодчества буквально все. И даже

то, что для каждой квартиры на крыше имелось свое вентиляционное отверстие. Операцию по прочистке всего этого он для себя наметил на ближайшую субботу.

Каждая военная операция требует определенной подготовки.

Слава делал все медленно, но качественно. Ошибок он не допускал.

Взяв в магазине, под честное слово гирю в пять килограмм, он привязал к ней длинную веревку. Путем несложных математических расчетов вычислил отверстие на крыше дома, ведущее на его кухню. Наконец все было готово.

Субботнее весеннее утро выдалось сказочным! Взяв все свои причиндалы, Вячеслав поднялся на крышу пятиэтажного общежития. От увиденной красоты захватывало дух. Весь город утопал в цветущих садах. Птицы голосили так, что закладывало уши.

Денисов вдруг неожиданно почувствовал в себе тягу к прекрасному

- Какое это счастье, - жить на Земле! - кричала просветленная душа.

Слава тихо сел. Закурил. Он боялся даже пошевелиться, чтобы не спугнуть это, давно забытое, чувство.

Насытившись красотой, Вячеслав приступил к исполнению задуманного.

- Так, - он наморщил лоб, - мое окно восьмое от угла. Или не восьмое, - он снова мысленно пересчитал все окна, - Точно восьмое.

Спускаться не хотелось. Перекурив еще раз, Денисов теперь посчитал выходные отверстия. По его подсчетам все сходилось точно.

- Ну, с Богом! – и он бросил гирю в колодец. Буквально через секунду снизу донесся душераздирающий женский крик. Все краски в глазах Вячеслава снова сделались серыми.

- Неужели убил кого-то, - Денисов бежал, опережая собственный визг. На лбу блестели капельки страха.

Из соседней с ними комнаты слышались громкие голоса. Слава распахнул дверь.

- Оля, что случилось? – закричал он с порога, забегая в кухню.

Соседка, с головы до ног забрызганная мясным фаршем, выглядела просто удручающе. Гиря, вместе с грязью, дохлыми птицами и мышами, мирно лежала в миске.

- Вот, – развела руки соседка, - решила котлеты приготовить, а из вентиляции гиря вылетает и прямо в фарш. Хорошо, что в голову не попала. Я так перепугалась!

- Оля, ты извини, это я хотел прочистить свою вентиляцию, а прочистил вашу. Просчитался немного. Не учел, что в угловой квартире всего

одно вентиляционное окно. За фарш не переживай. Я сейчас куплю тебе новый.

Слава сходил в магазин и купил четыре килограмма фарша. Два – в качестве компенсации и еще два – за моральный ущерб.

Свою вентиляцию он все же прочистил. Но на следующий день.

Теперь природа не баловала его своей палитрой. Все было обыденно и серо, как пыль на солдатском сапоге.

На середине пути Денисов не останавливался никогда, и начатое дело всегда доводил до конца.

Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

ТЕСТ НА ЗАВИСТЬ

Слава Денисов.

Человек сложный, неоднозначный, но всегда тянущийся к свету.

По натуре он педант, с мужественным и волевым лицом.

Подчиненные таких, обычно, боятся.

Он требователен.

И ничего больше.

Требователен и справедлив.

Если делает что-то сам, то можно не сомневаться в сроке и качестве. Этого же добивается и от исполнителя.

Жизнь не всегда кормила его пряниками. Бывало, и сухарь казался медовым, а вода - молоком.

Отдав лучшие годы служению Отчизне на Черноморском и Северном флотах, Слава демобилизовался в чине капитана второго ранга и переехал жить в один из южных городов нашей, некогда великой Родины.

Откладывать дела на завтра он никогда не любил.

Перекурив, Денисов быстро благоустроил свой быт, нашел работу, купил машину, дачу и даже женился. И на даче он тоже все делал так, что соседи со всех участков приходили смотреть на его образцовый порядок, культуру возделывания земли и высокий урожай овощей и фруктов.

Дача успокаивала старого моряка. Здесь он отдыхал душой и телом, коптя небо неизменным «Беломором». Все здесь его радовало, кроме соседа справа.

Этот сосед относился к той плеяде мужчин, которые лезут со своими советами во все дела, стремятся все обо всех знать. А для этого, проявляя утроенную бдительность, неистово следят за всеми и каждым. И не исключено, что даже ведут тайные записи.

Именно карьера фискала или осведомителя у них лучше всего получаются. Не всем же, в конце концов, быть космонавтами, золотоискателями или художниками.

А то, что их не любят окружающие, им как-то глубоко все равно.

Такой человек может часами смотреть, как сосед копает землю, обрезает деревья или пилит дрова, а потом начать учить, как все это правильно делать, под каким углом держать лопату, в какой день недели обрезать эти самые деревья или зачем пилить сейчас, если до зимы еще далеко. Наверное, он мог бы дать ряд «полезных» советов летчику и конструктору, врачу и учителю, водолазу и ученому.

Лето в этом году выдалось жаркое и сухое. Картофель, так как Слава его не поливал, быстро сох.

Настало время копать.

Денисов не спеша начал подготовку к этому ритуалу. Он знал, точнее, был уверен на сто восемь процентов, что сосед справа непременно заинтересуется его урожаем. Престиж квалифицированного дачника ему терять не хотелось, а тем более упасть лицом в грязь, а вернее, в дачную пыль.

И он придумал.

Из плотного картона вырезал круг и вставил его в ведро. Теперь полезный объем в нем уменьшился на две трети. Можно и копать.

Создав на участке шумную и деловую атмосферу, что привлекло внимание соседа справа, который прильнул глазами к щели забора, Денисов подошел к первому кусту.

Стараясь всегда находиться к соседу спиной, он выкапывал куст, поднимал его и стряхивал в ведро. Два куста и «ведро» с верхом наполнилось картошкой. Образцовый дачник относил его в сарай, высыпал содержимое и подходил к следующим кустам. И так повторялось несметное количество раз.

Глаз соседа следил за этим «чудом» до тех пор, пока все было не выкопано.

Злоба, зависть и жадность болью сжимали сердце. Он сбился со счета в количестве вынесенных Денисовым ведер.

Попив воды и слегка успокоившись, он вышел на улицу и не торопясь подошел к Славиной калитке.

- Вячеслав Васильевич, - начал он издалека, - вижу, картошку выкопал. Не рано?

- Да вон сушь какая. Что ее в земле держать.

- И как урожай?

- Хуже, чем в прошлом году, - Денисов закурил папиросу, с удовольствием перекатывая ее с одного

угла рта на другой. Он был явно доволен дергающимся лицом соседа.

- Сколько ведер получилось?

- Если честно, я даже не считал.

- Крупная? – не унимался сосед.

- Разная, - неопределенно ответил Слава. И чтобы прервать дальнейший разговор, он извиняющее произнес, – Вы уж меня простите, но жена обедать звала. Да и отдохнуть хочу. Устал что-то. До свидания.

Так ничего толком и не выяснив, сосед ушел восвояси.

Но на этом козни Денисова не иссякли.

Через неделю перед домом соседа справа остановилась престижная машина. Это был друг Славы, Коля Мирянов. Посигналив, он из-за тонированного стекла спросили, - Хозяин, вы не знаете где дача Денисова?

- А вам зачем? – тут же поинтересовался сосед.

- Мы из ресторана. Картошку у него хотим оптом купить. Хорошая больно.

- А почем? – глаза соседа засветились алчным огнем, лицо побледнело.

- По три за кило.

- И много? – капли пота поползли по его морщинистому лбу.

- Думаю, всю заберем. Я вот и деньги уже привез. Так, где он живет?

- Тут, рядом, - сосед ткнул пальцем и, пошатываясь, побрел к дому.

Ночью с сердечным приступом его забрала скорая помощь.

Тест на зависть превзошел все ожидания. Но характер этим изменить невозможно. Такова природа человеческая.

ПРОХОД ЭКВАТОРА

Гордо разрезая бездонные воды Атлантики, эскадренный миноносец «Благородный» величаво шел в Анголу в порт Луанда выполнять свой интернациональный долг.

Сотни миль остались позади, да и впереди их было не мало.

Океан тих. Водная гладь выглажена утюгом.

Невдалеке, по правому борту идет танкер, неся в своем брюхе для эсминца воду и мазут, по левому - охраняя свою территорию, сторожевой корабль Военно-морских сил Габона.

Несмотря на раннее утро, солнце палит просто нещадно. По кораблю идет «Малая приборка».

- Внимание экипажа корабля, - голос командира по громкоговорящей связи торжественно строг, – Наш корабль пересекает нулевую параллель. Кто слабо разбирается в географии, - экватор. В

полутора кабельтовых от нас четко просматривается белая полоса, которая и разделяет нашу планету на две половины, Северное и Южное полушарие. Свободный от вахты личный состав может понаблюдать это уникальное явление. Сразу после прохода экватора, нас посетит Владыка морей и океанов – Нептун со свое свитой.

Моряки поспешили на бак и сгрудились у лееров. Глаза, устремленные вдаль, пытались увидеть белую полосу. У флагштока, голый по пояс, с мыльной пеной на одной щеке, стоял командир БЧ-2. Видно команда застала его бритьем. Он подслеповато щурился.

- Николай Иосифович, что вы там пытаетесь увидеть? – раздался голос командира, усиленный динамиками.

Васянович обернулся и поглядел на мостик.

- Белую полосу, - пожал он плечами.

- Вы столько лет прослужили на флоте, что видно совсем потеряли чувство юмора. Какая полоса? Это шутка, военно-морская шутка, - командир засмеялся. – Экватор, товарищи пройден! Поздравляю всех! Нептун уже у нас на борту и хочет поздравить экипаж с этим знаменательным событием.

- Я, Владыка морей и океанов, Нептун, поздравляю отважных советских моряков

эскадренного эсминца «Благородный» с проходом экватора.

Далее Нептун, голосом заместителя командира БЧ-5 по политической части, рассказывает о доблестном пути русских и советских моряков, обессмертивших свое имя на бескрайних морских просторах.

- А сейчас,- в интонации царя морей и океанов слышатся грозные нотки, - каждый из вас, я подчеркиваю, каждый, обязан пройти через чистилище. Кто из него выйдет чистым и незапятнанным, - честь ему и хвала. Он сразу получит Грамоту от меня, пропуск, дающий право посещать любой уголок моей бескрайней стихии и отпускной билет на десять суток с правом выезда на родину по возвращению корабля в родную базу. Если же тело покроется сажей и грязью, значит не все в вашей службе идет гладко и хорошо. Чем больше грязи на теле, тем больше на вас грехов. Придется тогда пройти обряд очищения водой морской. А сейчас все приглашаются на ют.

Не юте уже лежат две сваренные бочки, выпачканные изнутри сажей и мазутом. Вылезти из такого чистилища чистым просто невозможно.

Нептун восседает на троне, а свита, состоящая из всякой морской нечестии, проводит обязательный ритуал.

Первым проходит командир, за ним офицеры, мичманы, потом моряки. Все, разумеется, испачканы с ног до головы, ибо грешны, поэтому сразу попадают под струю воды из брандспойта. После этого Водяной каждому ставит на задницу печать, сделанную из свеклы, подтверждающую, что оное земное существо прошло обряд очищения. Хохот на юте стоит жуткий.

В конце праздника, Нептун лично каждому вручает Грамоту о проходе экватора. После чего, командир преподносит океанским гостям по кружке рома, напитка настоящих моряков. Завершает все это праздничный обед с мармеладом, конфетами и печеньем.

И только корабль продолжает свой путь. Ему не до веселья. Надо еще идти и идти.

РАДОСТИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ ВСТРЕЧИ

Четырехлетний Саша часто спал с мамой.

Отец моряк. В доме редкий гость. А уйдет на боевую службу, то и все полгода дома не появляется. Саша его даже забывал.

В этот день мама разбудила детей рано.

- Сегодня папа с моря приходит, пойдем его встречать.

Одевшись во все самое красивое, семья пришла на Минную стенку. Народу было столько, что и встать негде.

- Где же папа? – Саша дернул мать за юбку.

- Видишь, корабль через боновые ворота проходит, там наш папа. Надо намного подождать, - объяснил младшему брату девятилетний Петя.

Вскоре Саша забыл, зачем они сюда пришли и весело гонял по причалу с новыми друзьями. И даже умудрился дважды упасть, изрядно испачкав свой костюмчик, чем вызвал гнев у родительницы и получил за это шлепок по заднице. Но это его остановило ненадолго.

Через полтора часа счастливые отцы смогли обнять своих, не менее счастливых, жен и детей

Набив рот дефицитными в то время жвачками, дети тут же теряли всякий интерес к кормильцам. И продолжали искать приключения на пятую точку.

Жены, требовали к себе большего внимания, ласки и, разумеется, заморских подарков.

Отцу, проявившему массовый героизм по спасению жизни и здоровья личного состава на боевой службе, разрешили сойти с корабля на берег после обеда.

Семья, вновь воссоединившись, с котомками и кульками, под радостные возгласы детей, направилась в кафе.

Шампанское, мороженое, горячий шоколад и все остальное, что требовала душа, было на столе.

Выходной костюм Александра, волосы, лицо и руки до такой степени были испачканы шоколадом, что он больше смахивал на беспризорника, чем на ребенка из благополучной семьи. Петр выглядел не лучше.

Везти таких детей в общественном транспорте было стыдно, поэтому поехали на такси.

Приведя себя немного в порядок и передохнув, семья отправилась на пляж.

Вечером перевозбужденный Саша никак не мог заснуть. Мама положила его на свою кровать и, ласково теребя по голове волосы, наконец убаюкала. Родителям тоже поскорее хотелось остаться одним.

Саша проснулся ночью в своей кроватке.

- Мама, почему с тобой папа спит, а не я? – громко спросил он.

- Тихо, спи, а то всех разбудишь, - подойдя, мама накрыла его простынкой, -Папа ночью плакал, вот я его с собой и положила.

- Папа мне сказал, что моряки не плачут.

- Он у нас не настоящий моряк. Он доктор.

- Папа и уколы делает? – удивился Саша.

- Делает. Спи!

- А танкисты плачут? – не унимался он.

- Нет, не плачут.

- А летчики плачут?
- Тоже не плачут.
- А если упадут?
- Если упадут,- плачут.
- А танкисты?
- Танкисты нет. Спи уже. Видишь Петенька, какой молодец, сладко спит. А ты колобродишь, - цыкнула мать
- А почему ты голая?
- Ты будешь спать или нет. Я сейчас ремень возьму. Жарко мне. Все-то он увидел! Чтобы больше ни одного слова от тебя я от тебя не слышала. Давай, поворачивайся к стенке.

Она положила его на бок и накрыла одеялом.

- Мама, мама, - зашептал Саша через несколько минут, - а папа плакать еще будет?
- Не мешай мне. Я уже сплю.
- Хорошо, - он глубоко вздохнул и сладко засопел.

ПРОРОК

Владивосток.

Он так далеко расположен, что даже на контурной карте его не видно из-за Уральских гор.

Но и там живут, служат и плодятся люди.

Человек по своей природе настолько неприхотлив, что приживается на любой почве. И в

мгновение ока может перейти из стадии принца в стадию нищего, чувствуя себя в ней также комфортно, как и в предыдущей.

Большой противолодочный корабль «Адмирал Октябрьский» с поломанной машиной одиноко стоял на тридцать третьем причале. Это аккурат в центре города.

За забором бурно кипела гражданская жизнь. Железнодорожный и морской вокзалы, что распложены по бокам, обменивались гудками и шумом привокзальной суеты.

К причалу подошел катер с командиром бригады, капитаном первого ранга Морозовым. На корабле прозвенели четыре звонка.

Комбриг своей комплекцией походил на медведя. Огромную, слегка сутуловатую фигуру несли такие же огромные косолапые ноги. Смуглое, вытянутое вперед лицо, казалось добрым. Но эта доброта была очень даже обманчива.

Еще Морозов обладал не дюжей силой и громовым голосом. Его боялись буквально все.

А как он ругался матом! Нет, скорее, не ругался. Матом он разговаривал.

Комбриг хмуро прошелся по стенке. Оглядел причал, бросил косой взгляд на корабль. Сзади него семенил командир корабля, капитан второго ранга Елисов.

- Мне все-таки придется сегодня до обеда плющить кое-кому морды, - прогремел он, заглушая шум вокзалов, - а после обеда рубить по самые яйца хвосты. Под бульдогов всех делать буду.

Такое начало не предвещало ничего хорошего.

- Командир, а где ваш замполит? Прессу задницей на койке разглаживает или, брызжа от умиления слезой, читает Боевой листок о том, как вы машину угробили? Может на вашу Родину пишет благодарственное письмо с перечислением всех ратных заслуг. Пусть земляки гордятся преступником. А? Не слышу, - закричал Морозов, и город застыл в страхе, ожидая кровавой расправы.

- Он по трапу спускается, - еле слышно лепечет командир.

- Они спускаются. Они бегать уже разучились, – комбриг нежно посмотрел на замполита. - Они уже взрослые. Капитана второго ранга получили… Так, Жигайло? Или не так? – свинцовое облако отборного мата снова накрыло Приморье. Жутким, предсмертным криком кричали несчастные чайки.

- Весь флот, стоя раком, в муках отрабатывает в море боевые задачи, а они, угробили корабль и курорт себе здесь устроили. Обросли ракушками по самое не могу! Вы что, мать вашу, нюх к службе потеряли? Так я его вам сейчас прочищу! Почему

так засран причал? Почему мусор неделю не вывозите?

- Мы звонили, но… - Жигайло попытался внести ясность.

- Они звони… Чем? Яйцами по ляжкам? Только и умеете, что звонить. А что-то конкретно, - одни пузыри. Вон еще один славный продолжатель великих дел Лаперуза и Дежнева. - Он увидел стоящего на юте дежурного по кораблю, - Слушает, как я порю командира и зама. Радуется, что не его. Сюда иди! Сейчас и ты начнешь мечтать, что не родился сиротой Приморского края. Что вы сделали для наведения должного порядка? Может тоже, как и они, - комбриг махнул рукой в сторону командира и зама, - окончили институт благородных девиц? Будьте любезны, товарищ командир, - Морозов низко поклонился, - передайте этому интеллигенту в третьем поколении, если вы его, конечно, не боитесь, чтобы я его не видел на берегу две недели. А сейчас,- перешел на визг комбриг, - сдать вахту! Вечером заступить по новой! Марш на корабль! Да, - Морозов снова повернулся к командованию корабля, - хорошо живете. Побывал я сегодня в краю непуганых птиц. Готовьтесь к комплексной проверке. Матки я вам всем по выворачиваю. Так почему, говорите, мусор не вывезен и гниет под вашим носом?

- Машины не было уже три дня, товарищ капитан первого ранга, - замполит Жигайло блеснув, как Берия, очками, все-таки решил прояснить ситуацию.

- Смотрю я, товарищ Жигайло, и думаю, - вы своей инертностью и медлительностью скоро перещеголяете черепаху. Вам бы работать в каком-то сраном ЖЭКе. Да-а-а, - комбриг с сожалением махнул рукой, - вы и там извернетесь как уж, а через полгода станете начальником. Таким же ленивым и безответственным. Готовьтесь к проверке, а потом к оргпериоду. - Он повернулся и, не прощаясь, направился к КПП.

Слова Морозова для Жигайло оказались пророческими. Через три года он демобилизовался и стал слесарем- сантехником, а через восемь месяцев – директором предприятия.

Иногда и злые начальники бывают пророками. Только хочется, чтобы их пророчества всегда были добрыми.

ТАКОВА ЖИЗНЬ…

На флот Сережа Жевилов попал после окончания первого курса сельскохозяйственного института. Не было в этом институте военной кафедры, вот пацанов и призывали.

Учась в институте, Сережа начал подзабывать, что служба в Вооруженных силах есть священная обязанность каждого гражданина СССР. Даже начал подумывать о женитьбе. Девушка Галя сильно по душе пришлась. А тут вдруг раз,- и повестку принесли. Служить целых три года!

После окончания учебного отряда, Жевилов попал на большой разведывательный корабль «Крым» в радиотехническую службу.

Добросовестные и порядочные люди служат легко. Им все дается, их уважают и ценят. Конечно, - служба не мед. Здесь трудно всем.

Сережа как раз и относился к тем, кто не отсиживается за спинами товарищей.

На третьем году службы на плечах красовались погоны главного корабельного старшины. А за высокий профессионализм при выполнении задач боевой службы, командование поощрило его вторым отпуском с выездом на Родину.

Десять дней пролетели как один. Не успел даже толком и отдохнуть.

- Галя, жди, через пару-тройку месяц я снова приеду. Соскучиться не успеешь, - Сережа обнял невесту и поцеловал.

-Как же ты, Сереженька, приедешь? Сам сказал, что служить осталось семь месяцев.

По вокзалу объявили об отправке поезда на Симферополь.

- Не переживай, я все продумал.

- Моряк, крикнула проводница, - ты едешь или остаешься? Я тамбур буду закрывать.

Жевилов крепко поцеловал Галину и прыгнул в вагон. Поезд, стуча колесами, набирал скорость.

Корабль встретил старшину своей обыденной суетной жизнью. Заканчивался учебный год. Подводились итоги, готовилась новая документация.

Подошло время проведения итоговых политических занятий. В группу к старшинам пришел командир бригады. Его сопровождал замполит корабля.

Вопрос защиты социалистического Отечества вечен. Говорить о долге, бдительности, ответственности, боевой готовности, обличать звериное лицо империализма мы умеем. И не только делаем это на словах. Но и воочию доказываем это своими ратными делами. Враг это знал и знает! История тому свидетель.

После каждого выступающего старшина Жевилов поднимал руку.

- Что у вас, товарищ главный корабельный старшина?

- Хочу дополнить.

- Слушаем вас, - не возражал комбриг.

И Жевилов начинал рассказывать, что по этому поводу говорили классики марксизма-ленинизма.

А говорили они, ой как много! Студенческий конспект, который он взял предусмотрительно с собой из дома, был ему верным помощником.

Сергей старался. Он знал, что за это отпуск объявят обязательно. Он же обещал невесте обязательно приехать.

Благие намерения старшины сразу раскусил и замполит. Такое рвение ему очень не понравилось.

Через неделю из штаба пришел приказ командира бригады где, черным по белому, главному корабельному старшине Жевилову С. Н. за отличные знания, показанные на итоговых политических занятиях, объявляется десять суток отпуска с выездом на Родину.

Замполит воспринял этот приказ, как личную обиду. Эти люди вообще могут восторгаться только собой. Чужие успехи их раздражают. И стал он проявлять к старшине пристальное внимание. Начал с проверки боевого поста, где и обнаружил ушитую новую форму, подготовленную Сергеем к демобилизации. А так как по службе у Жевилова замечаний не было, то из-за этой формы он начал раздувать чуть ли не уголовное дело.

- Вот что, Жевилов, форму эту я у вас изымаю.

- Товарищ капитан второго ранга, я ее купил за свои деньги.

- Но вы ее изуродовали. Брюки расклешили, галанку ушили, ленточки аж до ягодиц. Вы что,

после службы в цирковое училище собираетесь поступать? В такой форме обязательно примут.

- Товарищ капитан второго ранга ...

- Хорошо, - заиграл желваками замполит, - учитывая вашу добросовестную службу, я оставлю вам форму. Но, в отпуск вы не поедете.

Конечно, расставаться с формой, на которую потрачено уйма денег и времени, Сергею не хотелось. Но и отпуск терять было обидно.

Выбор был не велик.

- Хорошо, я не поеду в отпуск, - от обиды в глазах заблестели слезы.

- Вот и ладушки. Но если я еще раз ее увижу, она будет выброшена за борт. Так и знайте.

Зам развернулся и вышел из поста.

Все старания старшины были напрасны.

До возвращения домой оставалось целых семь месяцев!

Есть на этом свете люди добрые и злые, хорошие и плохие. А есть еще и подлые. И им тоже бог судья.

УРОКИ ЖИЗНИ

Шура Губа – командир трюмной группы на эсминце. После окончания одесского морского института, ему торжественно вручили погоны лейтенанта и направили служить на флот.

Шурик вырос в интеллигентной семье, где говорили культурно и тихо. Конечно, учась в школе, а потом в институте, он пополнил свой словарный запас всеми имеемыми бранными словами. Но пользовался ими крайне редко и даже как-то стеснительно.

Он был тих и застенчив. Его наивная, детская, доверчивая улыбка просто обезоруживала заматеревших начальников. Они терялись в разговоре с ним и становились добрее.

Попав в новую, инородную для него среду, Губа сначала никак не мог врасти в этот огрубевший мужской коллектив, который его явно подавлял. Он постоянно находился под прессом этой среды и атмосферы.

В его лексиконе еще проскакивали гражданские слова, шокирующие корабельное начальство: «пожалуйста», «извините», «я бы мог вас попросить», «будьте любезны», которые на флоте давно исчезли, как рудимент.

- Можно? – Шура входит в кают-компанию.

- Губа, можно Машку за ляжку, – старшего помощника, воспитанного суровой военно-морской школой жизни, коробит проникновение в корабельную среду гражданского лексикона, – Доктор, - обращается он к начмеду, - вы, как секретарь партийной организации, должны взять шефство над молодым лейтенантом. Обучить его

флотским традициям, привить гордость к службе на военном корабле, рассказать о флотской этики и эстетики. Ведь вы у нас самый образованный, развитый, начитанный, но в то же время, и самый распущенный офицер. Пройдя славный путь от сперматозоида до капитана, вы просто созданы быть наставником молодежи.

- Боже! Какие высокопарные слова я сегодня слышу. Будучи человеком очень чувствительным, мое горло сжимают спазмы, а глаза туманят слезы. Сколько внимания вы проявили к молодому офицеру. Именно сейчас в небесной канцелярии вам прощают все грехи и переводят в сан святых, - начальник медицинской службы тронут лестью старпома.

- Губа, ты чего стоишь? Гуманистов за этим столом, кроме доктора, разумеется, никого нет. Съедят все, и уйдешь голодным. Рядом со мной садись, на место своего командира. Его все равно сегодня не будет. Ешь, ешь, не стесняйся. А скажи-ка мне, лейтенант, тебя моряки еще не бьют?

Саня краснеет.

- Нет.

- А на хер не посылают? – не унимается старпом.

- Нет, – Губа краснеет еще сильнее.

- Если услышу, сам тебя побью. Ты ешь, ешь. И еще одно тебе посоветую, как старший товарищ: с доктором тоже не дружи. Он тебя только

развратит. Ему дай власть, - все сразу станут завидовать мертвым.

Старпом поел и закуривает сигарету. Найдя благодарного слушателя, он продолжает философствовать.

- А ты знаешь, лейтенант, что только Советская власть уравняла права механиков с остальными офицерами. Даже на докторов надела пагоны, – он смотрит на начмеда. Тот фыркает и отворачивается в другую сторону, высказывая тем самым свое недовольство, – Теперь я, флотский, боевой офицер, должен сидеть рядом, за одним столом с этой краснопагонной сволочью. Видишь, он отвернулся и не хочет слушать мои умные речи. Я умные вещи говорю, Губа?

- Так точно.

- Слышал доктор, лейтенант подтверждает правильность моих мыслей. Слушай меня тоже.

- Если можно, говорите чуть помедленнее, я записываю, - ерничает доктор.

- Видишь, лейтенант, он, буквально, плюет в мою сторону. Я его потом за это накажу. Слушай же дальше. Механики стали равноправными офицерами. Равными среди равных.

- Даже сравнялись с замполитами, - снова не выдерживает доктор.

Старпом кривится.

- Не слушай доктора. Мы его зря в четвертый раз выбрали секретарем партийной организации корабля. Явно не разглядели в нем контру. Но теперь ему есть чем заняться, - протоколы писать. Меньше спать будет.

Это напоминание портит настроение начмеду, но ненадолго.

- Слушай, Губа, дальше. Посадили механиков за стол. Дали тарелку, ложку, вилку… Теперь вы как все люди. Понял?

-Так точно, - бубнит Шура, явно не слушая и жуя с аппетитом салат, - понял.

- Да все это не так, Губа. - вмешивается доктор, - Ложкой вы едите потому, что рук никогда не моете и они вечно у вас грязные. Вот суровая правда жизни. А то, Советская власть, дружба народов, электрификация всей страны… А если бы руки мыли, то ими бы и жрали до сих пор.

Старпом, выпятив вперед могучую челюсть, смеется. Шутка ему явно понравится.

- Доктор, вы поели?

- Никак нет. Хочу попросить еще стаканчик компота.

- Хватит с вас. Вестовой, доктору больше ничего не давать. Иначе государство с ним вылетит в трубу. Идите, займитесь чем-нибудь. Не мешайте мне проводить беседу с молодым офицером.

Покорившись судьбе, доктор выходит. Хотя ему это и не очень хочется.

ФЛОТСКИЕ ПРИМЕТЫ

Когда корабль проходит узкости (проливы) или, к примеру, подходит к танкеру для заправки топливом и водой, на корабле играется «Тревога». Личный состав, расписанный при проходе узкости, куда входит и начальник медицинской службы, прибывают на свои места. Задача доктора на ГКП вести «Журнал боевых действий». А чтобы это было понятно непосвященному человеку, записываются все, исключая матерные, конечно, команды командира корабля, ну, например: «Правая машина вперед самый малый», «Лево руля» и так далее. Длится это всегда безумно долго. Наш боевой эсминец вошел в пролив Эресунн, что разделяет Данию со Швецией, чтобы выйти из вод Северного моря и войти в седые воды Балтики. Пролив достаточно широкий, поэтому корабль идет спокойно, уверенно, без лишней нервотрепки. Погода великолепная, но легкий северный ветерок несет прохладу и слегка волнует море. Северо-западное вечернее солнышко, изредка проглядывая из-за низко плывущих по небу облаков, совсем не греет черноморских моряков.

На ходовом мостике (на эсминце он открытый) трое: командир, Шевченко, вахтенный офицер, Пушкин, и я, с журналом и ручкой, записывающий мудрые команды командира корабля. Всем скучно. Из немногих развлечений - периодический облет нашего корабля самолетом-разведчиком шведских ВМС. Он нас сфотографирует. Мы его. И снова тишина. За чрезмерную разговорчивость, мне приказали закрыть рот. И я стою, молча созерцая оставляемые нами острова. Настроение – нулевое.

- Доктор, ты с нами который год по морям ходишь? – командиру тоже скучно.

Я, молча, жму плечами.

- А морские приметы знаешь? – Шевченко хочется развеяться.

- Знаю, - равнодушно отвечаю я.

- Назови мне хоть одну.

- Мне уже было сделано замечание, что я не на базаре, а на боевом корабле.

Командир пропускает мимо ушей мою реплику.

- Ничего ты не знаешь, и знать не хочешь. А должен знать. Ведь ты морской офицер. Или солдат?

Я молчу.

- Тогда слушай, я тебя просвещать буду: «Если чайка села в воду – жди хорошую погоду». «Солнце красно поутру, моряку не по нутру». «Солнце

красно с вечера – моряку бояться нечего». Знаешь такие?

- Я знаю другую: «Война войной, а обед по расписанию», – время, действительно приближалось к ужину.

- Вахтенный, который час? – встрепенулся командир.

- Семнадцать сорок шесть.

- А что же вы молчите? Вахтенный офицер, дайте отбой тревоги, команде от мест отойти и объявите: «Малую приборку», а через полчаса – ужин.

- Я еще одну классную примету, товарищ командир, знаю.

- Ну-ну, доктор.

- Солнце вышло из-за тучки, значит скоро день получки.

- Нет, доктор, не выйдет из тебя настоящего моряка. Правда, Пушкин?

- Так точно, товарищ командир. Не выйдет.

- Пушкин, - я изображаю изумление, - отныне и навсегда вы лишаетесь медицинского спирта. Эта рука, - я показываю свои пять пальцев, - больше никогда не нальет его вам.

- Хорошо, доктор, иди. Мы уж как-нибудь сами с вахтенным офицером выведем корабль в Балтийское море. А то ты опять начинаешь дисциплину разлагать. Доведем, Пушкин?

- Доведем, товарищ командир. Но я бы Финогеева здесь оставил. Пусть пишет.

- Теперь Александр, вы стоите на одной линии с Гитлером. Этих слов я вам во век не забуду, - кричу я, сбегая по трапу. Вдруг и правда оставят, не дай Бог.

Такая примета практикуется довольно часто.

ИЗВРАЩЕНЦЫ

Подготовка корабля к длительному плаванию процесс хлопотливый. Корабль нужно пополнить до полных норм всеми видами довольствия и укомплектовать недостающим личным составом.

Проверяется вся материальная часть. Ведь от ее слаженной работы зависит боеспособность корабля. В море он должен быть готов к выполнению любых, возложенных на него боевых задач.

А если что-то… А если вдруг…

Не приведи, Господи, такому случиться.

Беда будет большая.

В этот период задействован весь экипаж корабля.

Механики баркасом возили какие-то свои железяки. У них хозяйство – целый корабль. И без этих болтов, упоров и прочих механических штучек на боевой службе не обойтись.

Перегруженный баркас подошел к причалу. Моряки принялись выгружать привезенное имущество. Толи набежавшая волна, толи вечно сонное состояние моряков, - только одна ценная железка вырвалась из рук и, глухо булькнув, ушла на дно.

Все мгновенно проснулись. Первоначально наступивший ступор резко переродился в истошную ругань командира трюмной группы. Он орал так, что проходящий невдалеке комбриг встал и долго стоял, вспоминая свою далекую флотскую молодость. Его лицо походило на лицо влюбленного, слушающего трель соловья на рассвете.

Корабельный офицер понимал, что за такое ему начальники минимум откусят мошонку. Это понимали и моряки.

- Товарищ старший лейтенант, не переживайте, мы сейчас нырнем и достанем, - в моряках от страха зашевелились гены ловцов жемчуга.

Ныряли долго, даже с камнем в руках.

Наконец родилась первая здоровая мысль.

- На дне ничего не видно. Нужен фонарик.

- Попов, - скомандовал офицер мичману, - беги на корабль и принеси фонарик.

Через минуту фонарик был на пирсе.

- Что это? Что ты принес?

Мичман не способен масштабно мыслить. Сказано «фонарик» - на фонарик. А какой, - это пусть офицер думает. Он в училище учился, – Я хочу знать, - снова закричал старший лейтенант, - у вас голова для того, чтобы «шило» пить или иногда думать? Разве он в воде гореть будет? Это бытовой прибор. Вы что, не соображаете? – перешел на «Вы» офицер.

- Может его обернуть чем-нибудь? – боязливо посоветовал мичман.

- Давайте попробуем газетой или вашей рубашкой, – зло произносит офицер.

- У нас на корабле еще есть аккумуляторные фонари. Подводные только на спасателях. Давайте у них попросим. Может и водолаза дадут.

- Нам по башке вначале дадут. Вам нет, это точно. А вот мне…

- Товарищ старший лейтенант! А если его в презерватив засунуть и крепко завязать, то вода в него не попадет, - предлагает моряк.

Начальник задумался.

- Хорошая мысль. Попробовать можно. Попов, дуй в аптеку, кипи на всякий случай три презерватива. Только быстро.

- У меня с собой денег нет.

- Найдешь! - заорал старлей, - На пиво бы деньги нашел.

Запыхавшийся, потный, вымазанный мазутом и грязью мичман влетел в аптеку.

- У вас презервативы есть? – закричал он с порога, - Мне нужно три штуки.

Работница аптеки с опаской посмотрела на нового посетителя. Две старушки, стоявшие у прилавка, боязливо попятились к выходу.

- Вам какой размер? – спросила фармацевт, подвигая к себе на всякий случай телефон.

- Сейчас покажу, - воскликнул радостно Попов и полез в карман за фонариком.

- Не надо! – в ужасе закричала женщина, – Не смейте этого делать! Возьмите ваши презервативы и идите отсюда. Чтобы я вас здесь никогда больше не видела. Убирайтесь, а то я сейчас милицию вызову!

- Сколько я вам должен?

- Ничего мне от вас не нужно. Уходите, я буду закрываться.

Ничего не понявший мичман в приподнятом настроении прибежал на причал.

Через сорок минут бесценная железяка была найдена и поднята наверх.

Все были довольны и счастливы.

Только работник аптеки, завидев в городе мичмана Попова, теперь всегда переходила на другую сторону улицы или бежала от него прочь. До конца дней своих она считала его извращенцем, развратником и маньяком.

ФИЗИОЛОГИЯ ЖИЗНИ

- Доктор, давно тебя хочу спросить, да забываю. Ты садись, закуривай, - старпом показал на стул, - Командир, когда на ГКП встает с кресла, всегда делает несколько приседаний. Это что, профилактика заболеваний суставов? Ты, небось, подсказал? А старпом пусть загибается, да? Так что ли? Наплевать тебе на меня.

- Александр Николаевич, вы с командиром на вахте, по сколько часов сидите в кресле?

- Часа два с половиной – три. Все зависит от внешней обстановки.

- Вот вы и ответили на свой вопрос. А теперь разберем его с точки зрения физиологии. Во время сиденья вы длительно соприкасаетесь пятой точкой с креслом. О естественной вентиляции здесь не может быть и речи. Так? Так. Значит, в этом месте появляется повышенная зона пото - и сало выделения. А порой и газо…

- Короче, доктор, что ты этим хочешь сказать?

- А то что, когда поднимаетесь, у вас в штанах все слипается. Оттого командир и приседает, чтобы яйца оторвать от ляжек. Не руками же ему там при всех теребить. Доходчиво объяснил? Вам это упражнение тоже необходимо. Заодно и суставы разомнете. Приятно, и полезно.

- Ты начинаешь, доктор, терять совесть.

- Почему? Неужели я сказал не правду? Спросите у командира. Я думаю, он подтвердит мои слова.

- Ладно, иди. С тобой свяжешься, сам себе не рад будешь. Зря я тебе сигарету давал.

- Я еще могу обосновать, почему замполит фуражку на правом ухе носит.

- Уйди с глаз. Тебе бы не мешало с особистом побеседовать. Он на таких, как ты, досье заводит, а потом на Соловки служить отправляет.

- Спасибо вам, добрый человек. Нас и здесь неплохо кормят.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Это на флоте бывает довольно редко. Но бывает.

Откуда-то издалека, как гром среди ясного неба, приезжает высокая комиссия по проверке физической подготовки личного состава кораблей и частей.

Дивизия спускает директиву подчиненным бригадам о выделении ими кораблей, которые будут подвергаться инспекторской проверке.

Бригады морщат череп, думают и… наконец, находят корабли, которые, с их точки зрения, самые спортивные.

Рассчитано это все на два три дня.

Начинается проверка с элементарного – физической зарядки.

После подъема сотни дышащих здоровьем и похотью молодых людей, в новых синих сатиновых трусах, возглавляемых «атлетическими» офицерами, перед медленно ходящими проверяющими, «дружно» делают комплекс физических упражнений №1 или №2.

Слегка заспанные дяденьки что-то умное пишут в свои блокноты. Их задача – накопать как можно больше дерьма. Именно за это они и получают заработную плату.

Конечно, не все замечания войдут в итоговый акт. Но это потом. Здесь уже доминирует радушие корабельных и бригадных начальников, их гостеприимство и, безусловно, качество накрытого стола.

Без всего этого можно получить такое, что и с должности полетишь к чертовой матери.

Второй этап – демонстрация силы личного состава на перекладине: подтягивание и подъем переворотом. Тут дела почти плачевные. Художественное дергание в зачет не идет.

На третьем этапе бег: сначала сто метров, а затем три километра.

А что офицеры и мичманы?

И они родимые машут руками, подтягиваются, и бегут.

Но, естественно, не все.

Молодым – дорога, а годкам флота не грех и в сторонке постоять, на солнышке погреться.

Недалеко от финиша трехкилометрового кросса стояла группа офицеров во главе со старпомом.

- Не сдох, Макеев? – дыша сигаретным дымом, спросил старпом, прибежавшего старшину, – Доктор, дай ему понюхать нашатырю. А то, не дай Бог, потеряем классного рулевого. С кем я тогда в море выйду?

- Не сдохну, товарищ капитан-лейтенант. Мне нельзя. Вечером в увольнение иду. А вы, почему не бегаете? – задал он неуместный вопрос.

- Макеев, ты вроде бы умный человек, а задаешь такие глупые вопросы. Сам подумай. Доктор нам нужен живым. Развяжется у тебя пупок, а завязать некому будет. Командиру БЧ-2 скоро идти на пенсию. Но он до сих пор продолжает бегать, правда, только за одними женщинами. Занимаясь этим, он обогнул земной шар два раза. Механику по штату положено сидеть ПЭЖе. А ты его на беговую дорожку хочешь поставить. Ну а мне совсем не положено. Бегущий в мирное время старпом вызывает смех, а в военное – панику. А если это еще и группа офицеров, то и подумать страшно. Как дойдут до тебя мои слова, передай их по команде таким же умникам. Вот я сейчас посмотрю, как ты

пробежал. Если плохо, в увольнение не пущу. Иди. Улыбаться потом будешь.

Стоящие офицеры одобрительно кивают головой. Им, в отличие от остальных было хорошо. Земля притягивала, солнце согревало, шуршащая листва убаюкивала. И никакой службы, никакой боевой подготовки. Проверка их интересовала меньше всего. Она не была первой в их службе и не последней, уж это точно.

ТОРЖЕСТВО

Капитан третьего рана Василий Козлов уверенно приближался к пенсионному возрасту. До финишной черты оставалось ровно два месяца. Захотелось вдруг ему на этом этапе совершить благородный поступок и пригласить жену в ресторан. И повод для этого был просто отличный – двадцать лет супружеской жизни.

Жена от такого неожиданного предложения даже прослезилась.

- Приятно, все-таки, что муж помнит об этом. Значит любит. Двое детей тому подтверждение, - думала супруга, одевая на свое огромное тело недавно сшитый, из офицерского парадного сукна, костюм.

Украсив себя всеми имеемыми в доме драгоценностями, обручальным кольцом и серьгами, подаренными мамой еще на свадьбу, покрасив губы и взяв сумочку с деньгами, она вышла на кухню.

- Ты уже готов, Вася? – Она оценивающе посмотрела на супруга.

Старая, потертая форма сидела на муже как-то мешковато.

- У тебя новее ничего нет?

- Нет, Маша, - зло прорычал Василий, - на гражданский костюм я еще не заработал.

-Не кипятись. Разве ты не знаешь, сколько денег уходит на детей? Потерпи. Купим тебе костюм. Обязательно купим.

Он нервно закурил. Ему уже никуда не хотелось идти. Дернул же его черт за язык. Теперь не отвертеться. Хочешь, не хочешь, а иди.

Крепко взяв супруга под руку, Мария вышла с мужем из подъезда.

- Куда это ты, Маруся, на ночь, глядя, собралась? – спросила выносящая мусор соседка.

- Вася меня в ресторан пригласил. У нас сегодня юбилей! Двадцать лет совместной жизни!

- Поздравляю! Счастливо погулять, молодожены! - засмеялась она.

Козлов снова закурил.

- Вася, ну что ты так часто куришь? Неужели нельзя потерпеть? Как ни как с дамой идешь. Это не культурно.

Настроение Василия портилось с каждым шагом. Жутко хотелось послать все и всех на фиг, выпить с соседом под тюлечку граммов по двести, а потом пойти половить в бухту бычка.

Наконец пришли в ресторан. Столик заняли рядом с эстрадой. Подошел официант.

- Что будем заказывать? – он положил перед супругами меню.

- Василек, я всецело полагаюсь на твой вкус. Ты заказывай, а я сейчас приду, - сладострастно сказала жена и, покачивая мощными бедрами, направилась в сторону туалета.

Козлов неторопливо закурил. Уж где-где, а в ресторане он был, как рыба в омуте.

- Значит так, шеф. Принеси-ка полкило холодненькой водочки в графинчике, пару овощных салатов, два лангета с жареной картошкой, бутылочку минеральной воды, яблочек, винограда… И, пожалуй, достаточно. – Да, - вспомнил Василий, - в конце вечера, - кофе и мороженое.

- Что будет пить ваша дама?

- В основном мою кровь, - засмеялся Козлов, - Принеси ей грамм двести хорошего вина. Больше она не осилит.

Торжество проходило по-семейному тихо и безрадостно.

В конце вечера Василий сильно опьянел и начисто забыл суть происходящего. Мария грустно глядела куда-то вдаль и о чем-то постоянно вздыхала.

Семейная жизнь делала свой новый виток.

БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

Назначенный на эсминец старшим помощником Яковлев, пришел на корабль, когда тот выполнял задачи боевой службы в Средиземном море. До этого он командовал штурманской боевой частью на аналогичном корабле. А тут раз и подфартило. Сделан первый шаг к высоким должностям и большим звездам.

Главное в этой работе – корабль не спалить и соблюсти, на этом этапе, моральный кодекс строителя коммунизма. Все остальное стерпится-слюбится. Не Боги же горшки обжигают.

Яковлев сидел за столом, погрузившись по плечи в бумаги, оставленные предшественником. Их было так много, что конца и края не было видно. Он даже не заметил, как вошел командир.

- Разбираешься, старпом? Давай, дерзай. Хозяйство у тебя большое. – В командире проснулся учитель.

- Пытаюсь, товарищ командир.

- Вникай. В жизни все пригодится. Года три послужишь, пошлем на командирские курсы. Меня здесь сменишь. Не будешь дураком, в академию поступишь. Еще и адмиралом станешь. А мы тебе все честь будем отдавать,- командир весело рассмеялся своей шутке, – О! – воскликнул он опять радостно, - Вот документы, которые я исполнял, будучи еще старпомом. Видишь, - он показал пальцем, - моя подпись и моя фамилия. Шев-чен-ко. – прочитал он по складам. А эту бумагу Цубин делал. Я при нем командиром БЧ-2 был. Он стал потом командиром у нас, а я занял его место. Молодцы, что все сохранили. Ты все понял, старпом? Продолжай, не буду мешать, - командир направился к выходу.

- Товарищ командир, может быть часть старых бумаг уничтожить? – выдвинул инициативу Яковлев, явно забыв, что всякая инициатива на флоте наказуема.

Командир остановился. Он был, явно озадачен таим вопросом.

- Что ж, вы теперь хозяин. Можете и уничтожить. Но советую предварительно с каждого документа снять копию. Вы меня начинаете пугать, старпом. В этом хламе есть все, что касается службы и, в первую очередь, вашей службы. А вы – уничтожить… Проще переписать, чем придумать.

Все эти документы лежали здесь сто лет. Пусть еще двести лежат. Чем больше бумаги, тем чище задница. Это они вам сейчас мешают, а завтра за них канистру «шила» отдадите. Это я заявляю вполне конфиденциально. Ну, работайте, работайте. Только за бумагами не забывайте, что у вас в хозяйстве весь корабль с личным составом. Этим тоже надо заниматься.

Командир вышел. Старпом удрученно взглянул на гору бумаг, тяжело вздохнул и, сложив все по папкам, поставил их на прежнее место. Покурив, он закрыл каюту и начал обход корабля.

К бумагам он периодически возвращался, но с годами делал это все реже и реже.

ДИЛЕММА ЖИЗНИ

Саня Пушкин как-то неожиданно взял и женился. Пара была потрясающе красива. Внешне суровый Саша буквально растворился в белоснежной привлекательности и обаятельности своей супруги Светланы.

Спустя три дня, предоставленных молодожену командованием корабля в качестве свадебного подарка, Пушкин, сияющий и помолодевший, вернулся на корабль. Кают-компания встретила новобрачного восторженным ликованием. Пушкин

от нахождения в центре внимания, такого на службе с ним никогда не бывало, напоминал чертополох в розарии. Его глаза блестели, щеки пылали пунцовым румянцем, а запах дорогого одеколона, смешанного с коньяком, создавали вокруг него положительную ауру.

- Поздравляю, Пушкин, - командир погрузился в общую атмосферу радости, - Не разочаровался еще?

- Никак нет, товарищ командир.

- Ты с тещей живешь? – Командир решил пообщаться с народом в непринужденной обстановке.

- Так точно, - ответил Саня шершавым языком Устава.

- И как теща? Хорошая женщина или еще не разобрался?

- Хороших тещ не бывает, - осведомленно произнес Пушкин.

- Кто тебе такое сказал, не доктор случайно? Ты его не слушай, он хорошему тебя не научит. У меня теща, золотой человек. Можно даже сказать, друг мой. Твоя теща тебе друг? – никак не мог успокоиться командир.

- Имея одного такого друга и врагов не надо, - ответил Саша, жуя котлету.

- Ничего ты еще не понял. Молодой. Поживете, оботретесь, появятся дети, - вот тогда и оценишь тещу.

- Вряд ли, – уверенно заявил Пушкин, – Она человек сложный. Доктор сказал, что такое бывает при нехватке в организме калия.

- Какого калия? – не понял командир.

- Цианистого.

Кают- компания взорвалась смехом.

- Доктор, вы правда ему такое сказали? - было видно, как командир напрягся, пытаясь до конца разобрался в этой шутке. Но это у него не получалось.

- Да, - серьезно ответил доктор, - Этот препарат сильно помогает при явно выраженной паранойи, психоэмоциональной нестабильности и психозах.

Командир встал из-за стола. Молча, оглядел присутствующих взглядом прожившего жизнь человека. Постоял в задумчивости.

- Не понимаю, - наконец сказал он, - толи вы все недалекие люди, толи дураки.

- А умные, товарищ командир, на кораблях не служат, - цинично изрек всезнающий доктор.

- Вот я и вижу, что не служат.

Он понуро вышел из кают-компании, не пожелав никому приятного аппетита.

ЧАС УСТАВА

Старпом сидел за столом и что-то сосредоточенно писал, когда в каюту постучали.

- Да, - не поднимая головы, ответил он.

В каюту вошли три моряка со старшинскими погонами на плечах из артиллерийской боевой части.

Старшины на корабле – особая каста. Это, как правило, все лучшее, все знающее, все умеющее в своем отделении, в своей боевой части. Это люди, являющиеся правой рукой командира боевой части и левой старшего помощника.

- Ба-а! Какие высокие гости посетили мою, богом забытую обитель. Что привело сюда столь высокое собрание, - с пафосом спросил старпом.

- Товарищ капитан-лейтенант, можно телевизор посмотреть?

- Телевизор? – хмыкнул старший помощник, - Посмотреть? Можно, - он поднялся из-за стола и сладко потянулся. Пошли. А что сейчас идет по кораблю? – как бы, между прочим, спросил он.

- Час Устава, - ответили бодро старшины.

Они поднялись по трапу, и подошли к кают-компании.

- Прошу, - старпом сделал приглашающий жест.

Все вошли в кают-компанию.

- Вот, смотрите, телевизор.

- Да мы в кубрике посмотрим, - залепетали старшины.

- Я говорю, смотрите. Вот телевизор. Посмотрели, какой он? А теперь пошли от сюда вон! – заорал старпом как оглашенный, - Завтра, в семнадцать ноль-ноль, весь старшинский состав, из-за вас, я подчеркиваю, из-за вас, будет сдавать зачет по Уставу. Обязанности командира отделения. Кто не сдаст, может навсегда забыть о береге. Рассыльный, передай дежурному по кораблю, пусть играет «Большой сбор». Говорить буду.

Построение экипажа длилось полтора часа. Старпом орал так, что начавшийся было ветер, резко затих. Даже природа испугалась его гнева.

Адреналин, смешанный с кровью, потом страха и слезами горечи, потоком стекал за борт.

Начался массовый террор.

А все было так тихо и мирно.

Было и прошло.

СТЫДОБА

Чтобы защитники южных рубежей Родины не посходили раньше времени с ума от бескрайних красот Средиземного моря и напряжения боевой службы, на третьем месяце для них всегда

планируется заход в иностранный порт. Должен же советский моряк по земле походить, глазами потискать иностранных женщин, выпить за углом банку пива и купить жене помаду. Ибо на большее денег не выдавали. Нельзя развращать защитника социалистического Отечества.

В этот раз эскадренный миноносец «Благородный» зашел в югославский порт Сплит, стоящий на берегу лазурного Адриатического моря. Древний город пестрел многочисленными отдыхающими, благоухал ароматами невиданных цветов и дорогих духов, ну и конечно пьянил, пусть и ограниченной всем и всеми, свободой. Все это великолепие создает иллюзию сказочного отдыха. И дикий советский моряк верит во все это, как ребенок в сказку.

Отдых подразумевает собой, как пишут в энциклопедии, состояние покоя либо такого рода деятельность, которая снимает утомление и способствует восстановлению работоспособности.

На флоте к отдыху подходят несколько иначе. Это очередное насилие над человеческим организмом и отдаленно напоминает каторгу. Причем для всех. Создаются такие условия для так называемого отдыха, что люди не только не снимают утомление и нервное перенапряжение, а устают еще больше. И им снова хочется уйти в море, чтобы там, возможно,

точно отдохнуть. Но и там нет отдыха. Там круглосуточная работа, называемая службой.

В иностранном порту офицеры и мичманы каждый день с утра и до вечера водят личный состав на экскурсию по маршруту корабль-магазин-корабль. Ноги у них к концу «отдыха» стачиваются до голеностопных суставов. Сходивший в город личный состав все остальные дни «отдыхает» на корабле, занимаясь приборкой, покраской и другими внутренними работами.

Замполит переживает, чтобы все прошло на высоком идеологическом уровне, с соблюдением норм партийной морали и нравственности.

Представитель особого отдела своим всепроникающим оком ищет в каждом потенциального предателя Родины, отчего в каждой сходящей на берег пятерке, присутствует «шестерка», но и ей он не доверяет.

Командир тоже очкует. Ведь если не дай Господь что, его головокружительной карьере наступит конец.

Короче, отдых не получается ни у кого. Хотя смена обстановки и гарантирована.

Но все движется своим накатанным путем. Никто не порочит социалистическую систему, никто не готовит тайный побег. Все идет гладко, как по маслу. И вдруг, ох уж этот вдруг, на корабль поступает от старшего по отряду кораблей

вводная: «Выделить личный состав для проведения баскетбольного матча с учащимися местного лицея. Время матча – 16.00.».

Такой свиньи не ожидал никто. Даже замполит. Он от неожиданности даже сел на задницу. Его фуражка, от выступившего холодного пота сползла на правое плечо.

Срочно собрали военный совет, как когда-то Кутузов в Филях, перед оставлением Москвы. На нем присутствовали: командир корабля, заместитель командира корабля по политической части, представитель особого отдела, старший помощник и помощник командира корабля по снабжению. Вопросов было два, но каких: «Во что одеть моряков?» и «Где найти баскетболистов?». От старпома избавились быстро, отправив его искать спортсменов.

Буквально все мероприятия на корабле всегда начинаются с «Большого сбора».

Выпятив вперед огромную челюсть, старший помощник прошелся вдоль строя моряков, собранных на юте.

- Внимание экипажа корабля! – начал с пафосом он, - Администрация города Сплит обратилось к командованию с просьбой провести товарищеский матч по баскетболу между моряками нашего корабля и учащимися местного лицея. Кто до службы занимался баскетболом, выйти из строя.

Вышли, без малого, сорок человек. Практически все, кто прослужил два года и больше. Такое положение вещей старпома сильно озадачило.

- Вижу, что страна, призвав вас на флот, много потеряла в баскетболе. Я попытаюсь это дело поправить. На матч пойдут только достойные. Разгильдяям я и здесь работу найду.

Отобрав пятнадцать дисциплинированных моряков, старпом с чистой совестью и списком «спортсменов» поднялся в каюту командира корабля. Здесь было довольно жарко. Обсуждался последний вопрос: «Во что одеть моряков?», ведь спортивная форма по нормам довольствия им не положена.

Старший помощник положил список на стол и сел в стороне. Первым его стал изучать славный продолжатель великих дел Ф. Э. Дзержинского. Он сосредоточенно буравил глазами бумагу, теребя белые волосы.

- Вот этих трех надо заменить, - со знанием дела заявил он, - У них в городе были попытки купить плакаты сомнительного содержания.

- Старпом, выполняйте, - командир даже не взглянул в список. Его мысли были заняты совсем другим.

В четырнадцать часов спортсменов построили на юте. Начался инструктаж и проверка внешнего

вида. Каждому выдали пакет с майкой и трусами. Обувь моряки должны были найти сами.

- А где доктор? - вдруг вспомнил о начмеде командир, - Что-то я не наблюдаю здесь этого улыбающегося старшего лейтенанта. Дежурный, вызовите его ко мне.

Минут через пять с недовольным видом появился доктор. Он предвидел дальнейший ход событий.

- Где ваша сумка, товарищ старший лейтенант? – раздраженно спросил командир.

- Какая сумка? – доктор попытался изобразить на лице непонимание.

- Не прикидывайтесь дурачком. Весь корабль стоит на ушах, и только вы изображаете здесь святого. Где ваша медицинская сумка?

- В амбулатории.

- Вы что, ничего не понимаете или прикидываетесь? Сейчас поедите обеспечивать баскетбольный матч. Это политическое мероприятие. Даю вам на сборы пять минут.

- Товарищ командир, там и санинструктор справится, - начмед еще не терял надежды увильнуть от этого мероприятия.

- Вы слышали мое приказание? Идите и готовьтесь. Иначе я вас накажу.

В пятнадцать тридцать к трапу корабля подъехал микроавтобус. По кораблю пронеслась команда:

«Личному составу, участвующему в спортивном мероприятии, построится, ют, правый борт».

Старшим назначили, естественно, старшего помощника, капитаном команды, разумеется, особиста. Мало ли что. Начмед стоял в строю, держа сумку в правой руке.

- Доктор, наденьте сумку через плечо, - командир, осматривая строй, остановился напротив начальника медицинской службы.

- Так я буду выглядеть смешным, – недовольно ответил он.

- Мне все-таки придется вас точно наказать.

С неохотой доктор повесил сумку на плечо.

- Вы меня плохо слышите? Я сказал, через плечо, а не на плечо.

Изображая на лице всю скорбь угнетенных народов, начмед исполнил приказание.

- Вот, уже лучше. Теперь вы похожи на Дашу Севастопольскую.

Строй дружно рассмеялся. Доктор униженно отвернулся в сторону.

Спортивный зал лицея выглядел очень солидно. Огромное помещение с трибунами по бокам освещалось сотней неоновых ламп.

Паркетный пол блестел. Баскетбольные кольца закреплены на специальных пластиковых стойках, а не вбиты, как обычно у нас, в плохо струганные доски. Разминавшиеся на площадке юноши,

экипированные в желто-черную нейлоновую форму и фирменные белые кроссовки, выглядели очень представительно. В то далекое время баскетбол в Югославии считался, чуть ли не национальным видом спорта.

Доктор, старпом и еще пять болельщиков расположились на трибуне, ожидая начала матча.

Наконец из раздевалки вышли наши «спортсмены». Впереди шел белоголовый капитан. Зрелище, которое они представляли, было просто ужасным. Наголо бритые головы отражали электрический свет (и только светловолосый особист-капитан не вписывался в этот коллектив и казался сильно заросшим). Камнем вытесанные лица выражали тупую ненависть ко всему западному миру. Каждый представитель Великой Державы был облачен в общевойсковую майку светло-зеленого цвета (где такую гадость можно было найти на корабле, одному Богу известно) и новые, темно-синие сатиновые трусы. На ногах красовались видавшие виды кеды и полукеды, оставлявшие, во время игры на полу, длинные черные полосы. И в завершении представления команды надо сказать, что на левом плече каждого игрока, за исключением капитана, естественно, красовался татуированный силуэт родного корабля.

Спортсмены построились в центре площадки. Зазвучали гимны стран, соревнующихся команд. Затем капитаны обменялись вымпелами. Но так как у нашей команды вымпела не было, капитану югославской команды подарили тельняшку и бескозырку.

Старпом от всего увиденного в ужасе схватился за голову. Так стыдно за страну Советов больше никогда не было.

Красиво одетый судья дал свисток, и игра началась.

Матч проходил в бешеном темпе. Атакой и обороной в советской команде очень грамотно и профессионально руководил капитан. Мяч, практически, не покидал нашу половину поля. Все чаще и чаще на площадке слышалась родная русская матерная речь. После первого тайма на табло красовалось:
79:7 в пользу югославов.

Когда начался второй тайм, старпом наклонился к начмеду, - Доктор, у тебя деньги с собой есть? Я на корабле тебе отдам.

Доктор махнул головой.

- Отдай свою сумку санинструктору и пойдем, сходим в бар. А то людям в глаза стыдно смотреть.

Они вернулись к концу игры. На табло светилось: 138:13.

Тузик по отношению к грелке обошелся гуманнее, чем югославы с нами.

Майками, как обычно принято в международных матчах, никто не обменивался. Их надо было сдавать помощнику командира по снабжению.

Пол в зале до такой степени был исчиркан спортивной отечественной обувью, что, скорее всего, его потом заменили. Отчистить и отскоблить такое просто невозможно.

На корабль возвращались, молча, в подавленном состоянии.

- Доктор, - особиста мучили какие-то смутные догадки, - а где вы были, когда наш игрок получил травму?

- Таких игроков убивать сразу надо, а не помощь оказывать. У меня от вашей игры произошло расстройство стула. Я был вынужден пойти в туалет.

- А почему от вас пахнет алкоголем? – не унимался он.

- Не алкоголем, а ацетоном. Это две разные вещи, – доктор знал, что пасовать в дискуссии нельзя. Проиграешь.

- Почему ацетоном?

- Потому, что боль, нанесенная сегодня вами нашему Отечеству, повысило сахар у меня в крови. А избыток сахара дает запах ацетона.

От таких слов особист даже поперхнулся. Больше он не проронил ни слова.

На корабле о матче не говорили ни слова, будто его и не было.

Вскоре корабль ушел в море выполнять задачи боевой службы. А уж там не до разговоров.

О ШЛАКАХ И ДРУГОМ

Лейтенант Зуев после окончания Военно-медицинской академии начал свой тернистый путь покорения авиационной и космической медицины со службы врачом в авиационной части города Ржева.

Пензенская земля, давшая миру Лермонтова и Белинского, вскормившая хлебом и молоком Салтыкова-Щедрина, Радищева и Загоскина, пробудившая своим целебным воздухом к творчеству Куприна, Лажечникова и Мейерхольда, даровавшая Лобачевского и Бурденко, щедра на таланты. Эта же земля в потугах родила и Зуева, нареченного в младенчестве Владимиром. Она и кормила его, и поила, и, даже, дышала за него сигаретным дымом. Мальчик вырос крепким, хитрым, наглым и умным.

Служба давалась Зуеву, относительно, легко, благодаря своей природной изворотливости,

пробивному характеру и скрытому за внешней суровостью искрометному чувству юмора.

Когда на медицинский пункт вошел начальник штаба, Вовик, выставив далеко вперед ноги, сидел в кресле за столом и мирно, как невинное дитя, спал.

- Лейтенант! Вы решили всю службу проспать? А потом на пенсии, у пивного ларька, рассказывать, как помогали осваивать пятый океан?

- Никак нет, товарищ подполковник. Просто задумался, - вскочил слегка испуганный Зуев.

- И конечно о женском половом органе, что даже слюну на рубашку от счастья пустили. Да?

- Никак нет. Извините. – Зуев стал растирать мокрое пятно ладонью

- Тогда о чем же, интересно послушать, - начальник штаба сел на кушетку и закинул ногу за ногу, давая понять, что уходить не собирается.

Уроды в офицерском обществе среди моряков и летчиков встречается крайне редко. Специфика службы, сопряженной с постоянным риском для жизни, делает этих людей более человечными, более терпимыми друг к другу.

- Ну! Я слушаю тебя. Ты у нас, сколько служишь? – начальник штаба улыбнулся глазами.

- Полтора месяца.

- Ничего себе! Почти ветеран части! Рассказывай. Люблю беседовать с медицинскими работниками.

- Понимаете, товарищ подполковник, по роду своей профессиональной деятельности летный состав постоянно испытывает физическое и психоэмоциональное перенапряжение. Факторы риска, я их перечислять не буду, негативно влияют, практически на все органы и системы летчика. Если еще к этому добавить высококалорийную пищу, то происходит быстрая зашлакованность организма, с которой очень трудно бороться. Как результат, - лишний вес, склеротические изменения сосудов, особенно головного мозга и сердца, и увеличение холестерина в крови.

Зуева несло все дальше и дальше. Остановиться он уже не мог.

Начальник штаба встал, достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Бред лейтенанта стал его уже утомлять. Но хотелось услышать, чем все это закончится.

- Товарищ подполковник, извините, но здесь курить нельзя.

- А спать можно?

Этот вопрос Владимир оставил без внимания.

Они вышли на улицу.

- Лейтенант, у меня уши очень большие?

- Нет. Нормальные.

- Тогда давай дальше продолжай вешать на них лапшу.

- Многие летчики курят, употребляют алкоголь. А это дополнительная зашлакованность организма.

- Неужели многие? – хмыкнул начальник штаба. – Я думал все. Ты же тоже куришь. И пьешь, наверное.

- Речь сейчас не обо мне.

- Хорошо, продолжай. Что ты еще хочешь мне сказать? Или твой бред уже окончился.

- Никак нет. Необходимо принимать экстренные меры по выведению шлаков из организма летного состава.

- Ну и как ты это думаешь делать?

- Методов пока не так много. Во-первых, как можно больше вводить в рацион растительную пищу.

- Очень мудро. Чтобы летчик в воздухе от перегрузок падал в голодный обморок? Толково. И что же второе?

- Второе. Этот метод в борьбе со шлаками на сегодняшний день является самым эффективным. А именно - очистительные клизмы.

- Талантливо. Даже, я бы сказал, гениально. Сам придумал или кто подсказал? Может это тебе сейчас приснилось? Ведь многие великие открытия совершались, именно во сне. С кого предлагаешь начать? - засмеялся подполковник, – Чье звено сажаем на клизму?

- В качестве контрольной группы предлагаю взять офицеров штаба.

- Ну, ты, лейтенант, и наглец! Далеко пойдешь. Жена приехала?

- Нет еще.

- Тогда у меня к тебе другое предложение. Сходи сегодня вечером в ресторан и выпусти из себя сперму. Она, явно, тебе на мозги давит. Понял? Николай Степанович, - крикнул подполковник проходящему мимо замполиту, - подожди. Я тебе сейчас расскажу способ выведения из организма шлаков по методу лейтенанта Зуева.

Офицеры шли по летному полю и, периодически, оглашали его раскатистым хохотом.

Зуев сидел на скамейке и курил. Выпуская дым в рыжеватые усы, он улыбнулся своим мыслям. Взглянув в бездонное небо, Владимир потянулся и медленно пошел в медицинский пункт. Там он сел за стол, вытянул ноги и крепко уснул. Он знал, что снаряд в одну и туже воронку дважды не попадает. Также и начальник штаба второй раз сегодня к нему уже не придет.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Итоговый занятия по марксистско-ленинской подготовке офицерского состава проходили в конференц-зале Дома офицеров. Занятия проводил

замполит эскадрильи. Инспектирующим лицом был начальник политического отдела полка.
Тема - «Защита социалистического Отечества».

Звериное лицо империализма было изобличено. Защита Отечества аргументирована и обоснована. Задачи перед Вооруженными силами и Военно-воздушными силами, в частности, разобраны и одобрены.

Все уже с нетерпением посматривали на часы. Начпо собрался было подняться, чтобы подвести итоги, как в зале поднялась рука.

- Старший лейтенант Зуев. Товарищ полковник, разрешите добавить.

Это уже не входило в планы спешащего на обед начпо. Но… человек хочет высказаться. Мешать ему в этом нельзя. Это – антипартийно, – Пожалуйста, слушаем вас, - он уселся поудобнее и вытянул под столом ноги.

- Мирное сосуществование государств с различным политическим строем, разрядка международной напряженности, - вот важнейшие составляющие элементы внешней политики КПСС. В работе Владимира Ильича Ленина «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» конкретно сказано: «Чтобы радужно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться». И это, в настоящее время, очень актуально, особенно, если учиться военному делу, – глаза начальника

поползли вверх. Он о такой работе Ленина никогда не слышал, - И от того, как мы будем осваивать эту военную науку, зависит будущее социалистической Родины, - продолжал Зуев, - У советского государства есть как внешние, так, к сожалению, и внутренние враги. Это тунеядство, разгильдяйство, взяточничество, пьянство и преступность. Вождь мирового пролетариата правильно говорит в своей работе «Как организовать соревнование?» – и Зуев взял лист со стола, - «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война ни на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние – родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, - общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, - общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постоянной работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не

голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими».

Зуев достал платок и вытер лоб.

Начпо последовал его примеру.

- У вас все? – с затаенной надеждой спросил он, чувствуя голодное жжение в желудке и привкус металла во рту.

- Нет, я хочу привести одно выражение вождя из статьи: «Лучше меньше, да лучше». Оно как нельзя кстати. А то есть у нас еще и такие, которые ничего не делают и деньги большие получают.

- Не надо, - сказал замполит. – Садитесь. Спасибо.

- Почему? Например, в статье «Падение Порт-Артура» Ленин…

- Я вам сказал, сядьте.

- А в книге «Государство и революция»…

- Вы что, не понимаете русский язык, товарищ старший лейтенант? Вам сказано, - сядьте, - прошипел замполит, - Вы уже и так своей болтовней отняли у офицеров двадцать пять минут.

- Я ничего своего не сказал, товарищ майор. Я только привел слова Ленина. Если вы их называете болтовней, то…

- Ну, хватит, - встал начпо, - А то вы тут кое до чего договоритесь. Я предлагаю в следующий понедельник провести дополнительные занятия по марксистско–ленинской подготовке и на них

обсудить все не разобранные вопросы. А в помощь я вам пришлю пропагандиста. Хорошо? – он прочитал записку, переданную ему замполитом. – А вы что, Зуев, завтра переводитесь к новому месту службы, в Борисоглебск?

- Так точно, товарищ полковник!

- Хорошо. Доброго вам пути и службы. Я позвоню туда в политотдел, переговорю с начальником политического отдела, пусть присмотрится к вам. Вы подготовленный секретарь парторганизации. Там и проявите себя. Окончить занятия! До свидания!

Вслед за начпо вышел и замполит.

Расходились шумно.

- Ну, ты, Зуев, даешь, - восторгались летчики доктором, - замполита Лениным нокаутировал. Молодец!

- А что он документы на перевод задерживает. А вот теперь препятствовать не будет!

Ранним утром поезд уносил старшего лейтенанта медицинской службы Зуева к новому месту службы.

А секретарем парторганизации его не избрали.

Может, побоялись?

Трудно сказать.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Был уже довольно поздно, когда дверь медицинского пункта с шумом распахнулась и двое сильно пьяных краснолицых прапорщика внесли третьего, на лбу которого красовалась огромная багровая шишка, величиной с кулак.

Дежурный врач, старший лейтенант Зуев, нехотя поднялся из-за стола.

- Ба, кто это к нам пожаловал? Сегодня что, в зоопарке день открытых дверей? Или его самолет крылом зацепил, - он указал пальцем в сторону висевшего на плечах прапорщика, - Может попал под лопасть вертолета? – Зуев был явно недоволен этим поздним визитом. – Что произошло с этим человекоподобным существом? Он больше напоминает примата, нежели разумное существо.

- Доктор, - промычал пострадавший, - вы себе слишком много позволяете. Я стукнулся о дверь.

- Не может быть! – Зуев зло дернул рыжеватыми усами, - Все люди могут быть глупыми, но ты явно этим злоупотребляешь.

Пострадавший начал наливаться ненавистью, при этом шишка приобрела цвет переспелой сливы.

- Молчи, - прошипели друзья-собутыльники, - Доктор, мы вам принесли бутылочку хорошего спиртику и три банки тушенки. Надо сделать так,

чтобы командование об этом не узнало. Это чудо, - они положили обмякшее тело друга на кушетку, - упало со стола.

- Как упало? – удивленно поднял брови доктор.

- Он сидел на столе и уснул. Ну и свалился оттуда. Прямо лбом об пол.

Зуев начал осматривать больного. Подавил руками голову, проверил чувствительность кожи и зрачковые рефлексы. Признаков сотрясения головного мозга не было.

- Когда Бог раздавали мозги людям, этому индивидууму их явно не хватило, а то бы они стряхнулись. Это лишний раз доказывает, что служить можно и без них.

- Товарищ старший лейтенант, о вашем поведении я буду докладывать по команде, - пострадавший прапорщик попытался встать.

- Замолчи, придурок, - осуждающе рявкнули на него краснолицые товарищи. – Что будем делать доктор? – их голоса неподдельно дрожали.

Зуев взъерошил мизинцем щетиной торчащие усы и многозначительно изрек, - Коль ваш товарищ может так умно, а главное, логично изъясняться, значит, опасаться за его жизнь не имеет смысла. Учитывая его явно выраженную агрессию по отношению к медицинскому работнику, я вынужден сейчас же сообщить о случившемся

дежурному по части и вызвать комендатуру,- рука Зуева потянулась к телефону.

Доктор, - взмолились здоровые прапорщики,- не делайте этого. Иначе нас всех выгонят из Вооруженных сил. Что мы тогда будем делать? Мы же ничего не умеем.

- В каком подразделении, разрешите узнать, служит этот «замечательный» воин?

- На складе,– ответили за воина прапорщики.

- Каком? – не унимался Зуев.

- Продовольственном.

- Это коренным образом меняет дело, - Зуев даже взвизгнул от радости, - На таких людях держатся все Вооруженные силы. Конечно, ему будет выделена лучшая палата. Но… - доктор наморщил лоб, - это будет стоить всего лишь ящик тушенки. За сохранение врачебной тайны. Заверения, типа «мы принесем завтра» или «как вам не стыдно» не принимаются. Если через тридцать минут ящик не будет стоять у меня под кушеткой, я звоню по указанным телефонам. Отчего-то не наблюдаю счастливого блеска в ваших глазах. Или я что-то не так говорю?

- Хорошо, - ответили здоровые прапорщики, и вышли из медпункта.

- Не хорошо, а «Есть». Мы же с вами военные люди, - бросил в след выходящим прапорщикам Зуев. – Пойдем, мой хороший, в перевязочную, - обратился

к пострадавшему доктор, - Пока твои друзья добывают мне пропитание, мы с тобой кровь из гематомы уберем, повязочку наложим, и ты пойдешь в палату спать. Время-то позднее, доктору тоже отдохнуть хочется. А мне еще историю болезни на тебя писать.

БЕЗРАДОСТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Был воскресный день. Офицеры собрались в кают-компании на обед. Все стояли в ожидании начальства. Ведь только оно может пригласить офицеров к столу.

Это незыблемый закон. А его отсутствие порождает хаос.

Вошел замполит, капитан-лейтенант Мохорт и королевским жестом показал на стол.

Вдруг открылась дверь, и появился старший лейтенант Мельников. Он вернулся из отпуска. А встреча с товарищем после долгой разлуки всегда радостна.

Лицо Мельникова украшал солидный синяк под левым глазом. Глаз из-под него почти не просматривался. По лицу, сверху в низ, шли полосы от ногтей.

Серега, командир трюмной группы, как всякий представитель механической службы, имел

ограниченный круг интересов. Он любил на «шару» выпить, переспать с чужими женщинами и не особо чтил службу. Служба, правда, ему отвечает тем же. Замполит, увидев коммуниста Мельникова, не исторгает визг радости. Собрав морщины на переносицу, он глубокомысленно произносит, - Что с вами, товарищ Мельников, в этот раз опять произошло? Вы не можете без приключений. Рассказывайте, мы все вас очень внимательно слушаем.

- Я вам потом расскажу.

- Нет уж, расскажите всем, может это кому-то послужит уроком.

- Я ехал в поезде.

- Замечательно! Вот у нас доктор позавчера вернулся из отпуска. Но почему-то без синяка.

- Я на самолете летел, - уточнил доктор.

Ответ начмеда заму явно не понравился.

- Ну и что дальше? Продолжайте.

- В купе ехала семья. У мужчины был день рождения. Мы выпили.

- Как это вас характеризует. Для вас напиться, как в дождь намокнуть, - зам изъяснялся культурно, без острых выражений. Его учили, как нужно работать и убивать словом.

- Ну и естественно, не вы, вы у нас пай-мальчик, а тот мужик стал с вами, Мельников, драться. Потому

что вы полезли к его жене под юбку. Так? Ну, скажите, что не так?

- Никак нет, - Мельников непривычно для себя краснеет.

- Что же тогда было дальше, - Мохорт продолжал распутывать клубок.

- Была уже ночь, когда я вспомнил, что не взял постельное белье. Пошел к проводнице. Она спала. Я потряс ее за плечо и спросил: «Как насчет постели»? А она, не разобравшись, ударила меня кулаком в лицо.

Офицеры от откровенного вранья Мельникова дружно смеются.

- И когда же теперь нам ждать жалобу от униженной? – не унимался замполит.

- Да не будет никакой жалобы.

- Вы у нас, Мельников, ходячее ЧП. От вас можно всего ожидать. Жена из дома не выгнала?

- Никак нет.

- И то хорошо. С сегодняшнего дня вплотную займитесь своим личным составом. Там у вас конь не валялся.

- Есть, - облегченно вздохнул Мельников, понимая, что допрос окончен.

Пожелав приятного аппетита, зам вышел из кают-компании.

- Серега! – офицеры ждут сенсации, - Неужели не дала?

- Да пошли вы все, - Мельников встает и тоже выходит.
- Не дала, - складывается единое мнение, - А жаль. Значит, плохо просил.

КРЕСТИНЫ

-1-

К флагманскому механику теща приехала. Три года ни слуху, ни духу. И вдруг, как снег на голову: «Встречайте, мама».

Главное, - сын два года назад родился, - она открыточку прислала: «Поздравляю». Ты деньги давай на пеленки-распашонки или нянчить приезжай… Так нет. Разорилась только на открытку. И вот – на тебе! Радость общения.

Степанов тещу не любил. Да и она не баловала его своим вниманием. И сложилось это как-то сразу, еще при знакомстве с будущей женой. Не могут же однополюсные электроды приблизиться друг к другу. Так и они не могли найти общего языка.

За всю свою семейную жизнь Василий так и не смог назвать тещу мамой. Язык не поворачивался. Раза три выдавливал из себя какое-то нечленораздельное мычание, но, в основном, обходился словом «Вы».

По молодости, когда она наведывалась чаще, он был либо на боевой службе, либо брал отпуск и уезжал к себе на родину в Курскую область, где в тиши родного дома удил рыбу, купался, загорал или ходил за грибами. За десять лет супружеской жизни их пути пересекались дважды. Но и эти встречи были так коротки, что почти не оставляли шрамов на его ранимом сердце. Правда тогда и жизнь была другая, корабельная. Она управляла тобой, а не ты ей. То выходы в море, то слежения, то оргпериоды, то еще что-то. А можно и просто не пойти домой, сославшись на занятость службой, когда психическая атмосфера не способствовала душевному отдыху. Или вообще, прийти домой так поздно, а уйти так рано, что и не успеваешь встретиться с «родным» человеком.

Теперь уже все по-другому. Теперь оседлая жизнь. И поздние возвращения становятся непонятными всем окружающим.

Ужинать сели поздно. Жена каждому положила в тарелки плов, ее и мамы любимое блюдо. Василий этот шедевр кулинарного искусства терпеть не мог. Так называемый плов, был так далек от настоящего плова, как Луна отстояла от Земли. Просто в рис пихали всякую гадость, обзывали его хорошим именем и подавали на стол.

- Ешьте. Должно быть вкусно.

Но «должно быть» и «вкусно», - две большие разницы.

Степанов задумчиво ковырял вилкой ненавистное блюдо.

- Ты чего не ешь? – спросила жена.

- Что-то не хочется. На службе хорошо поел. Ужин вкусный был.

- Вас что, там еще и кормят? - язвительно спросила теща, крупная, почти квадратная женщина, с резкими чертами лица и явно выраженными черными усиками на верхней губе от переизбытка в организме мужских гормонов. Она приближалась к своему полувековому юбилею.

- Да, кормят. И очень даже хорошо, - не глядя на нее, буркнул Василий.

- И чем же, если это не военная тайна?

- Мне что, перечислить все меню? – зло спросил он, посмотрев ей в глаза.

- Ну, хватит вам, - жена решила растопить обстановку, – Их, правда, хорошо кормят. Женщины там молодцы. Готовят замечательно.

- Ишь ты! – шевельнула усами теща, показав между зубами раздвоенный змеиный язык.

- Вася, - жена выступала в роли ингибитора, подавляя вспышки то с одной, то с другой стороны, - мама приехала, налей нам по рюмочке за приезд.

- А может ему жалко на тещу водку тратить, - опять зашипела она.

- Ну, хватит уже, мама! В честь чего тебя распирает? – дочь стала сердиться.

Василий, молча достал из серванта бутылку, поставил рюмки и так же молча разлил в них кристально-чистую жидкость.

- С приездом, поднял он рюмку и, не чокаясь, выпил.

- У вас в доме не чокаются? Смотрю, он уже как заправский алкоголик пьет. Лишь бы повод был, - снова выдохнула из себя теща смрадный яд.

- Мама, не правда, Вася пьет редко. Можно сказать, совсем не пьет.

- Зато метко, - передразнила ее мать,- А что ты его так защищаешь?

-А почему, по-твоему, я должна обижать мужа?

- Муж и жена – одна сатана, - теща выпила, тоже не чокаясь.

После второй рюмки, теща, немного подобрев, подняла неожиданно упавшие вожжи и приступила к главному.

- Василий, ты о чем-нибудь думаешь или у тебя только служба в голове?

Степанов непонимающе взглянул на раскрасневшееся лицо «мамы».

- Вашего старшего, Юрочку, я крестила, когда ты был в море, Люсеньку - ты в отпуске нежился. Почему, Сереженька, у вас нехристем растет? У него отец есть или он только фуражку носит? Да честь

всем отдает! А ты что сидишь, как на именинах? – посмотрела она на дочь, - Или ты все это одобряешь?

- Окрестим еще, мама.

- Окрестим… Я за вас уже все сделала. Это надо мне было за тысячу верст ехать, чтобы за вас, обалдуев, все решать. В воскресенье в десять утра придет домой батюшка. Уж подготовьтесь, будьте любезны, - она встала и, одернув прилипшее к жирным ногам платье, подошла к плите и включила чайник.

Василий сидел, красный как рак, тупо ковыряясь вилкой в тарелке.

- Тебе что-то не понравилось, отец семейства? – снова накинулась она на зятя. – Нарожать нарожали, а думать приходится другим.

- Вы что сюда, лаяться приехали? - Степанов стукнул кулаком по столу.

- Ты на меня голос не повышай! Ишь научился там у себя матросами командовать! Я тебе не матрос! Уж не вздумал ли ты меня выгнать? Вот тебе, - она протянула в сторону Василия вытянутую руку с огромным кукишем, - И не к тебе я приехала, а к внукам и дочери. Понятно!? Смотрю и дочь мне не рада! Настроил как ее против матери.

- Мама, ну чего ты кипятишься? В воскресенье все приготовим и окрестим Сережу. Давайте еще по рюмочке выпьем.

- Я не буду, - Василий встал, – Спасибо. Пойду, телевизор посмотрю.

- А чай с тортом? – Жена попыталась его удержать.

- Ты же знаешь, я торт не люблю.

- Он больше меня не любит, чем торт, - бросила ему в спину теща.

2-

По телевизору шла программа «Время».

Новости голова Василия не воспринимала. Мысли вращались вокруг предстоящего крещения. Если честно, то он этого мероприятия побаивался. Да и было из-за чего. На службе его ценили. Месяц назад назначили на высокую должность, получил капитана третьего ранга, заместитель секретаря партийной организации штаба и политотдела. И вдруг это крещение! С этой тещей точно попадешь в какую-нибудь задницу. Если узнает начальство, особенно политотдельское, а скрыть такое, практически, невозможно, то можно и выговор по партийной линии схлопотать, или того хуже – вылетишь из партии. А из партии выгонят, то и должности лишат. Тут все одно за другим потянется.

- Что же делать, - думал он напряженно.

А делать что-то нужно обязательно!

-3-

Ночью Степанов спал плохо, ворочался с боку на бок и, наконец, под утро, забылся в кошмарном сне. Снились ему часть, начальник политотдела, ругающийся командир бригады, партийное собрание, где его исключают из партии, какой-то корабль на котором он служит снова командиром БЧ-5 и где старпомом его теща, плачущая жена и еще какая-то дребедень.

- Вася, Вася, проснись, - тормошила его жена, - ты кричишь во сне. И вообще, не давал мне спать. Возился, как жук навозный. Что случилось? Не заболел?

- Все нормально. Ерунда какая-то снилась. Который час?

Жена включила ночник.

- Без двадцати пять. Спи.

- Нет, буду вставать. Мне сегодня на службе пораньше надо быть. А ты поспи еще, - поцеловал Василий жену.

Из соседней комнаты слышался богатырский храп тещи, от которого печально дребезжали стекла.

Василий наскоро умылся, попил чаю и пошел в часть.

- Что делать? Что?

Всю дорогу он искал выход из создавшейся ситуации. От этих мыслей даже разболелась голова.

-4-

Комбриг пришел в штаб тоже почему-то рано. Может тоже теща приехала или другие какие проблемы выгнали из дома.

- Разрешите, товарищ комбриг, - Степанов решил не ждать утреннего доклада.

- А тебе чего не спится, механик? Или дома поругался?

- Нет. Все в порядке.

- Может дома не ночевал? Смотри, будь аккуратным, а то начпо повесит тебя за яйца на всеобщее обозрение за аморальное поведение. Он это дело любит. Хотя у самого рыло в пуху.

- Все в порядке, товарищ комбриг. Ночевал дома.

- Ну, смотри… Вопросы ко мне есть? Да ты садись, не стой истуканом.

- Мне надо съездить в техническое управление.

- Зачем? - удивился комбриг.

- Решить вопрос по ЗИПу для новостроящихся кораблей.

- Но этот вопрос решаем и по телефону. Через полтора часа подойдешь ко мне, созвонимся с твоим начальством и все проблемы уладим.

У Степанова похолодело в груди.

-Я еще хотел порешать вопрос по списанию технического имущества, зайти в проектный отдел и договориться о получении нового водолазного снаряжения для учебно-тренировочного судна, - плел механик все, что приходило в голову.

Комбриг задумался, закурил сигарету.

- Хорошо, езжай. Когда планируешь убыть?

- В четверг. В пятницу и субботу займусь делами, а в воскресенье ночью вернусь назад. В понедельник на службу.

-Хорошо! – подытожил комбриг, - Хотя стоп, - его рука потянулась к телефону. Сердце Степанова вновь ушло в пятки. – Оперативный, срочно найдите мне командира береговой базы. Пусть зайдет ко мне.

Через минуту в кабинет вошел командир береговой базы.

- Юрий Дмитриевич, у тебя, когда планируется машина идти в Севастополь? Мне механика туда нужно отправить, - комбриг не любил тянуть кота за хвост.

- Завтра, товарищ комбриг, в четыре ноль-ноль КАМАЗ идет за продовольствием.

- Очень хорошо. Механика моего возьмешь.

- Только в кабине ему придется вдвоем с мичманом ехать. Удобства не гарантирую.

- Устраивает тебя, Василий Николаевич, такой вариант? Или поездом поедешь?
- Машиной, товарищ комбриг.
- Решено. Оформляй все документы и мне на подпись. Только смотри не проспи.
- Не просплю, товарищ комбриг, - улыбнулся Степанов.

-5-

Теща проснулась поздно.
- Где твой благоверный? На службу ушел? Что-то я не слышала, как он собирался.
- Ты всегда крепко спишь, мама.
- А вам, что завидно?
- Да никто тебе не завидует, спи себе на здоровье.
- Ну как живешь, рассказывай.
- Нормально живем. Вася теперь в штабе служит заместителем у командира бригады. Звание получил. Квартиру вот четырехкомнатную дали. Зарплата хорошая, грех жаловаться. Дети, сама видишь, растут. У тебя-то как?
- Как у меня… Приехала бы посмотрела. Три года у матери не была. Он каждый год разъезжает. К своей мамочке мотается. А ты свой дом совсем забыла, о матери даже не вспоминаешь. Не нужна тебе мать,

- она вытерла рукавом сухие глаза, - Сдохну, и на похороны не приедешь.

- Ну что ты такое говоришь, мама. Письма пишу, звоню. Ты к нам приехала, - дочь обняла и поцеловала мать, - вот и хорошо. А мне когда?.. Дети. Школа. Садик. Сережа родился. Все на моих руках. Вася сутками на службе. Что ты на него так озлобилась, он хороший. Меня и детей любит. Деньги все до копеечки домой приносит. В доме помогает. Весь ремонт своими руками сделал. Не переживай, - улыбнулась Лена, - ребята подрастут, все как нагрянем к тебе! Небось, не выгонишь нас. Успеем еще надоесть, не переживай, - дочь еще раз поцеловала мать, - Садись к столу, завтракать будем. Потом на рынок надо будет сходить. Хоть овощей и фруктов у нас вдоволь наешься. Там-то они дорогие.

-6-

Василий пришел домой в хорошем настроении и возбужденный.

- Ленусь, я завтра утром в Севастополь уезжаю, комбриг посылает. Не хочу, а надо.

- Как же так? - всплеснула руками Елена, – И на сколько?

- В воскресенье ночью вернусь.

- Мы же в воскресенье Сережу крестим. Ты что забыл? – жена была далека от всех этих политотделов, партийных билетов и всего того, что касается ратной службы, – Может отпросишься. Поедешь в другое время, а?

- Лена, ты соображаешь, о чем говоришь? Как все это ты себе представляешь?! Целый командир бригады отдает приказание, а я не могу, у меня крестины. Ты в своем уме?

- Не кипятись. Мама расстроится. Она уже обо всем договорилась, - жена тяжело вздохнула.

- Кстати, а где она? Что-то в доме подозрительно тихо.

- Не ерничай! Почему вы так друг друга не любите? Не понимаю. Она с соседкой в кино пошла. Говорят хороший фильм. Забыла, как называется. Билеты днем купили. Две серии. Придет поздно. Надо и нам сходить. Вот приедешь из Севастополя, и сходим. Сто лет уже не была в кино. Мама с детьми посидит. Хорошо, Вась?

- Хорошо. Давай-ко соберем меня в дорогу. Завтра будет поздно. Да, собственно говоря, что там брать, - пару рубашек, трусы и носки. Помыться, побриться и перекусить в дороге. Сегодня спать пораньше лягу. В четыре часа выезд. Подъем в половине третьего.

- А чего так рано-то?

- Рано? Ехать часов десять.

- С этой твоей поездкой все насмарку. Сереженьку крестить без тебя будем. Мама-то как расстроится.

- Да пошла она, твоя мама. Не успела приехать, а уже достала, - он провел ребром ладони по шее, – Когда она назад собирается?

- С месячишко проживет. А может и больше. Я же спрашивать не буду.

- Месяц!.. Чокнуться можно.

- Не чокнешься. Ничего с тобой не случится. А ты точно едешь в Севастополь? – что-то заподозрив, спросила супруга.

- А ты считаешь, что шучу? Я человек военный. Пора бы к этому привыкнуть. Какие-то вы все глупые, женщины.

- Кто это, все.

- И ты в частности.

- Почему ты меня оскорбляешь? На каком основании?

- Ну ладно, хватит, - Василий поцеловал жену, – Что нам теперь из-за этого, ругаться?

-7-

Спать Василий лег рано. Сквозь сон он слышал повышенный, недовольный голос тещи, но это его только убаюкивало. Повернувшись на бок, он

улыбнулся, накрыл голову одеялом и крепко уснул. Молодой организм брал свое.

Во сколько легла жена, он не знал, но почувствовал, как она обняла его и крепко поцеловала в плечо. Просыпаться не хотелось.

Будильник зазвенел так громко, что казалось, он разбудит весь квартал. Василий вскочил как ошпаренный.

- Тише, Василек, тише, - жена нажала на кнопку и зажгла ночник, - не спеши. Я его завела на сорок минут раньше. - Она нежно прижалась к нему. Ее губы трепетно и страстно приникли к его губам, а руки заскользили вдоль тела.

Через полтора часа машина, скрепя рессорами, увозила все дальше и дальше капитана третьего ранга Степанова от родного порога. Настроение было великолепное. Этой поездкой он убивал сразу несколько зайцев. Но главным «зайцем» было, конечно, его отсутствие на крещении.

Все хорошо! Все замечательно!

-8-

Севастополь жил, как всегда, многогранной жизнью, - ратной, трудовой и праздной, у отдыхающих.

Первым делом Степанов помчался в техническое управление. Как не странно, там все, с кем он хотел встретиться, были на месте, даже командир школы водолазов. За каких-то неполные два часа, он решил столько вопросов, на которые, порой, уходили не один месяц.

Довольный собой, он позвонил комбригу.

- Товарищ комбриг, капитан третьего ранга Степанов, докладываю о проделанной работе: по ЗИПу накладные у начальника подписал. Пятнадцатого октября к нам пойдет танкер. Он все и доставит. Акты технического состояния и накладные на списание имущества тоже подписаны. Готовы его от нас принять. По транспорту, который повезет это имущество в Севастополь, буду решать на месте по приезду. Завтра иду в школу водолазов. Заявка и накладные на водолазное имущество тоже подписаны и у меня на руках. Буду решать, чтобы его к нам переправили также с этим танкером. Проектную документацию привезти не смогу. Ее для нас скопируют и переправят с почтой. В воскресенье ночью возвращаюсь назад.

- Ну, механик, ты молодец, – было слышно, как комбриг закуривает, – Не ожидал от тебя такой прыти. Обрадовал! За проявленный героизм к поезду пришлю за тобой машину. В понедельник на службу разрешаю не выходить. Не возражаешь?

- Никак нет, не возражаю. Спасибо.

- Сильно там не хулигань. А то я вас всех знаю. Когда вожжи падают, лошади несут.

- Да нет, товарищ комбриг, я женат.

- В мальчика со мной не играй. Каждый женатый, хотя бы полчаса, мечтает быть холостым. Все. Конец связи.

В трубке послышались гудки.

Легко вздохнув полной грудью, Степанов пошел в гостиницу. Чувство выполненного долга возвышало его в собственных глазах.

Вечером с друзьями он шел в ресторан. Человек рожден для общения. Без него он черствеет и становится никому не нужным. И молодость вспомнить не мешает.

-9-

С убытием Степанова в командировку, жизнь в доме не прекратилась, а, наоборот, резко активизировалась. Теща, как Фигаро, была везде и во всех лицах. Магазин и кухня, рынок и соседи, - все крутилось вокруг нее.

Квартира, словно действующий вулкан, периодически сотрясалась выбросами тещиного адреналина. Пик активности наступил на вечер субботы. В кухне, как исчадье ада, все кипело,

пеклось, жарилось и варилось. Точки температуры и терпения доходили до критической. Дочь от усталости валилась с ног, но подставленное вовремя плечо матери удерживало ее на ногах. Дети были предоставлены сами себе. Юра целый день, как неприкаянный, шатался по улице. Люся все время путалась под ногами, за это часто получала по заднице и ее ставили в угол. Но стоять она там определенно не хотела и продолжала всем мешать. Виновник торжества, не понимая важности всего происходящего, целый день орал в манеже.

- Вижу своими собственными глазами, как ты хорошо живешь. Кто бы сказал, не поверила. Муженек вильнул хвостом и укатил развлекаться на юг. А ты, женушка, горбаться! Его это все не касается. Он у нас умеет только детей делать. Ты, доченька, ему ноги шире расставляй! Глядишь и четвертого родите. Дурное дело не хитрое. Спасибо мать у тебя есть. Ноги ей целовать должна и кланяться до земли, - этот бесконечный разговор продолжался с раннего утра и до позднего вечера.

Лена ждала ночи, как мученик смерти. Ее тело, еще не коснувшись койки, мгновенно засыпало до утра. А утром продолжалось тоже самое. Снова беготня, снова нервотрепка.

-10-

Какофония ресторана всегда настраивает на свой, расслабляющий и веселый лад. Ни прокуренный воздух, ни заляпанные жирными пятнами бывших пиров скатерти, ни вечно недовольные чем-то официантки не могут испортить настроение тех, кто пришел сюда снять стресс, да и просто повеселиться. А вкусная, пусть и жесткая, отбивная, сорокоградусная жидкость и хриплая музыка делают этот вечер просто сказочным.

Ресторан «Нептун» встретил друзей до боли знакомым многоголосьем. Заказав стандарт: салаты, отбивную с картошкой фри, две бутылки водки, чтобы лишний раз не беспокоить официантку, и бутылку воды, механики повели свою непринужденную, механическую беседу.

Надо отметить, отступив от главной темы или в продолжение начатой, как кому будет удобно, что все представители механической службы на флоте, абсолютно одинаковы. Дружат они, обычно, только между собой. На кораблях и в штабах держатся обособленно. То ли это специфика механической службы так на них влияет, а она у них действительно очень тяжелая, - на их плечах держится вся деятельность корабля, толи эта постоянная загруженность и огромная

ответственность делает их не от мира сего. А может и то, что они никогда не станут ни командирами, ни старпомами, ни другими крупными военными начальниками и это их угнетает… Трудно сказать. Но ведь есть же помощники по снабжению или доктора, которые тоже не становятся командирами. Правда они к этому и не стремятся. Первые и так слишком хорошо живут за счет государства, а вторые имеют ту специальность, которая востребована всегда и везде.

Друзья говори службе, о семьях и снова о службе. Василий о крестинах, естественно умолчал. Эта тема для всех была закрыта

Алкоголь, музыка и просто хорошее настроение делали свое дело. Горячая молодая кровь, застоявшаяся энергия начали выплескиваться в танцах. Уже познакомились и с женщинами, ищущими удовлетворение в ресторанах знакомствах. Хотя для механиков это тоже нонсенс. Они пугаются порой, даже собственной тени, боясь себя скомпрометировать. Но … и на старуху бывает проруха.

Вечер подошел к концу. Вновь образовавшиеся пары медленно брели к остановке. Дамы разводили своих кавалеров по домам. Но… женщины даже не подозревали, что встретили представителей порядочной флотской профессии.

Механики отошли в сторонку обсудить сложившуюся ситуацию.

- Вы как хотите, - сказал командир БЧ-5 крейсера, - а мне надо домой. Жена будет волноваться. Завтра еще на службу. Первая машина что-то барахлит, разбирать ее будем.

- Мне бы тоже надо домой, - замялся второй, - А, - он махнул рукой, - будь что будет. Поехали к девочкам.

Василий тоже был не настроен к продолжению веселья, но возвращаться в пустую неуютную гостиницу не хотелось.

- Девочки, у нас появилась потеря. Мише надо срочно домой. Ребенок болеет.

- В ресторане сидеть, у него ребенок здоров, а сейчас резко заболел. Пусть катится, - заявила обиженная дама, лишенная ночного удовольствия, и не прощаясь, застучала каблучками по мостовой.

- А вам, мальчики, домой не пора? – спросила их жгучая брюнетка.

- Нет, нет, мы свободны, - категорично заявил неожиданно осмелевший Василий.

- Тогда поехали. Вон и такси свободное идет, - женщина выбежала на дорогу с поднятой рукой.

-11-

Василий проснулся поздно. Яркое южное солнце с неистовой силой било в зашторенные окна, пытаясь их порвать. Рядом с ним лежала миловидная крашеная блондинка. Ее белоснежные груди спелыми персиками тянулись к пололку. Она было сказочно мила. Нет. Она была безумно красива. Именно красива.

Василий не мог похвастаться своими любовными победами. Они все умещались на его одной руке. Но таких женщин у него никогда не было и, наверное, никогда больше не будет. В этом Вася был уверен на все сто восемьдесят процентов. Он не блистал красотой, не отличался талантами и не был сказочно богат. Только одно ему в ней не нравилось, - имя. Ее звали Марина, как и тещу. Эта теща и здесь не давала ему покоя.

Василий повернулся на бок и нежно, даже как-то боязливо, обнял ее и прижал к себе. Ее длинные ресницы слегка дрогнули.

- Ты уже проснулся, Коленька? - она тоже прижалась к нему и поцеловала.

- Почему Коленька? – не сразу понял Василий. - Ах, да. По старой конспиративной привычке он вчера представился ей Николаем. - Ему стало стыдно и перед ней, и перед собой, – Дожил до возраста Христа, а все в мальчика играет.

- Ты о чем задумался, Коля? Тебе надо уже идти? – грустно спросила она.

- Нет, - не очень уверенно ответил Василий.

- Ой, как замечательно, - искренне обрадовалась Марина, - Мы с тобой сейчас позавтракаем и пойдем куда-нибудь. Хочешь на пляж, хочешь… Да куда хочешь можно. Можем просто погулять. А давай съездим на Сапун-гору. Я никогда там не бала. Даже стыдно. Пять лет живу в Севастополе и все некогда. А ты был?

- Тоже не был.

- Короче решай, я вся в твоей власти, - она крепко его обняла и страстно поцеловала.

Василий задохнулся от такой нежности. Он как коршун набросился на свою жертву и покрыл ее жаркими поцелуями.

-12-

Они сидели на скамейке в тени платана, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели с высоты Сапун-горы на долину, густо засаженную виноградниками. От всего услышанного и увиденного в музее говорить не хотелось. Легких холодок до сих пор еще бежал по спине. Сколько жизней забрала эта война, сколько горя и лишений пришлось испытать советскому народу. Даже трудно представить, какими огромными, просто нечеловеческими усилиями был завоеван мир на

этой земле. Как не просто, как тяжело далась эта, да разве только эта, гора нашим воинам. От всего этого становится страшно.

Они долго молчали, каждый думая об одно и том же.

- Мариночка, может посидим в кафе? Что-то так грустно на душе. Я никак не могу прийти в себя. Страшно представить, что такое может когда-то повториться.

Марина, молча, кивнула головой.

На летней площадке кафе было тихо и уютно. Легкий осенний ветерок теребил листву деревьев, шепча ей что-то веселое, и нежно играл белокурыми волосами Марины.

Василий заказал бутылку хорошего красного вина, шашлык, мороженое и кофе. На удивление шашлык оказался мягким, сочным и безумно вкусным. Василий даже не заметил, как его съел.

- Коленька, закажи себе еще. Вижу, как ты проголодался. Мне бы утром тебя надо было хорошо покормить. Кофе и бутерброды для мужчины не еда.

Сопротивляться Василий не стал.

Настроение поднималось. Василий закурил.

- Мариночка, расскажи мне о себе. Ты такая красивая и почему-то одна. Так быть не должно. И еще, ты уж меня ради Бога извини, но я тебе вчера

солгал, меня зовут не Коля, а Вася. Вырвалось как-то непроизвольно. Прости, пожалуйста.

- Мне имя Василий больно слышать. Я не люблю его. Оно напоминает мне о покойном муже. Его тоже так звали. Для меня же ты так и останешься Коленькой. Останешься навсегда. Давай с тобой выпьем. За тебя, - она подняла бокал, – Ты хороший человек.

Они выпили.

- Шесть лет назад я вышла замуж за военного летчика. Муж был старше меня на двенадцать лет, - такой убежденный и закоренелый холостяк. Это произошло в Вологде. Через год его перевели начальником штаба в Севастополь. Дали квартиру. Жили мы очень хорошо. Одно плохо, Бог не дал нам детишек. А у тебя дети есть?

Василий мотнул головой.

- Много?

- Трое.

- Молодец! Дай им Господи здоровья и счастья, – она задумалась, - А три года назад муж погиб. Не вышло шасси. При аварийной посадке самолет загорелся. Весь экипаж сгорел заживо, - по ее щекам покатились слезы. Она быстро достала платочек, - Извини, я не люблю об этом вспоминать. Поэтому имя Василий для меня звучит больно. С тех пор я одна. Нет, ты только не подумай, что я пошла по рукам, - заговорила она быстро. – Нет и еще раз нет.

Просто вчера подруги, вместе работаем в больнице, уговорили пойти в ресторан. Обе они разведены и любят это дело. Я предпочитаю быть одна. Конечно, я не аскет и не монашенка. Очень люблю жизнь. Но… она почему-то не складывается. Мужчины хотят только одно. А мне нужна семья, дети. Ты – другое дело. Ты надежен. С тобой спокойно. Но…, но… Кстати, Коленька, а который час?

- Без четверти четыре.

- Все, мой хороший, мне пора. Сегодня в восемнадцать я заступаю дежурить по отделению в больнице. Очень прошу, не провожай меня. Мне слишком хорошо с тобой, и я боюсь привыкнуть. Ни тебе, ни мне это не нужно. Пожалуйста, не ищи меня, не делай мне больно. Хорошо? - Марина встала и поцеловала Василия, - Закажи себе чего-нибудь. Посиди, отдохни. Ну, пока, милый, я побежала. Спасибо тебе.

Она быстро повернулась и, не прощаясь, побежала к стоящему на остановке такси.

Василий закурил. На душе было муторно.

От благодушного настроения не осталось и следа. Подошел официант.

- Что-то еще заказывать будите, а то мы скоро будем закрываться.

- Принесите двести грамм коньяка, лимон и пару конфет.

- Хорошо, - понимающе кивнул официант.

-13-

Начавшийся в воскресенье утром дождик, прибив пыль, быстро закончился. Неистовым щебетом встретили птицы выглянувшее солнышко.

У Степановых все проснулись рано. Начинался новый, завершающий виток подготовки к крестинам. Все, что было напечено и сварено, ставилось на стол. В изобилии купленные крепкие напитки, стояли в окружении этих яств.

Буквально весь дом гудел, как растревоженный осиный рой.

- Что у нас сегодня творится? - спрашивали друг у друга соседи.

- Степановы, из семнадцатой квартиры, сына крестят.

- А почему так шумно?

- Теща к ним приехала. Из нее энергия так и прет.

Скоро об этом мероприятии знал, буквально весь город.

Первым в доме не выдержал десятилетний Юрий. Ему эта домашняя суета надоела с самого начала.

- Я пойду, погуляю, - подошел он к матери.

- Это куда гулять? Через два часа Сереженьку крестить будем. Дома посиди. Улица от тебя не

убежит, – бабушка строго взглянула на внука, – Батюшка вот-вот придет.

- Не хочу я сидеть. Мне это не интересно, - заупрямился внук. - Я что, попа никогда не видел?

- Юра, так надо. Все родственники должны быть на месте, - ласково сказала мать.

- Ну, папы же нет. Значит и мне можно не присутствовать.

- Ты погляди на него, - закричала бабушка, - какой он грамотный. Весь в отца выродился. Такой же упрямый.

- Что тебе плохого папа сделал? Что ты его постоянно ругаешь? Вот он приедет, я ему все про тебя расскажу.

- Ишь, защитник! Так я и испугалась твоего папеньку. Какая упрямая порода. Пусть убирается с глаз. Видеть его не хочу. Можешь меня бабушкой теперь не называть.

- И не буду называть, – Юрий насупил брови.

- Юра, почему ты с бабушкой так себя ведешь? Сколько она тебе подарков привезла. Так нельзя, бессовестный! Извинись перед ней немедленно, - мать уже не знала, на чьей стороне быть.

- Не буду. И подарки мне не нужны. Почему она о папе всегда плохо говорит? Ей можно, а мы молчать должны? Если у нас все плохо, чего она тогда сюда приезжает?

- Юра! Замолчи, наконец! Одевайся и иди гулять на улицу, - закричала мать, – Чтобы я до обеда тебя в доме не видела. Понял?

- Видишь, дочка, яблоко от яблони не далеко падает. Вылитый папаша.

- Мама, ну что тебе Вася сделал плохого? Что ты к нему привязалась?

- О, как вы все тут против меня спелись. Значит я плохая, а он хороший? Так получается?

- Успокойся мама. Все хорошие, все. Нервы у тебя совсем расшатались. Давай мы тебя в больницу положим. Полежишь, подлечишься.

- В психушку меня решила засунуть, доченька? Дурочку из меня сделать хочешь? Не выйдет у вас ничего…

В дверь требовательно позвонили.

- Ой, - всплеснула руками теща, - это же батюшка пришел. А мы еще не готовы, – и она побежала открывать дверь.

В квартиру вошел, в потертых джинсах и легкой футболке, молодой мужчина с аккуратной бородкой и очень длинными волосами. В руках он держал увесистый «дипломат».

- Вам что здесь нужно? – теща встала грудью в дверях.

- Я, священнослужитель. Отец Борис. Крестины у вас?

- У нас, - недоверчиво ответила она.

- Тогда разрешите мне пройти. Я переоденусь и приступим.

Теща пулей влетела в зал.

- Лена, батюшка пришел. Переодевай скорее Сереженьку. – Она впопыхах налетела на Люсю и вместе с ней свалилась на пол.

Девочка залилась веселым смехом.

- Ты опять здесь? Нигде от тебя покоя нет. А ну, марш в коридор!

Схватив за шиворот, трясущуюся от смеха девчонку, она выставила ее из комнаты и плотно захлопнула дверь.

Люся попыталась открыть, но та ей не поддавалась. Она внимательно посмотрела на уже переодевшегося священника.

- Товарищ Бог! Помогите мне, пожалуйста, открыть дверь, - глаза Люси умоляюще смотрели на батюшку.

Сравнение с Богом для батюшки было так неожиданно, что он искренне покраснел.

- Девочка, я не Бог.

- А кто же вы? - удивилась Люся. Закрытая дверь отодвинулась на второй план.

- Я священнослужитель. Пришел крестить твого братика. У тебя же есть братик?

- А где Бог? –не унималась Люся.

- Бог на небе. А я его служитель не земле.

Она задумалась.

- Значит, вы на Земле главный?

- Не главный, но и не последний. Пошли хрестить твого братика, - батюшка облегченно вздохнул. Он безумно обрадовался, что череда вопросов на этом заканчивалась. Обманывать, особенно ребенка, грех, а правду она еще не поймет. Маленькая совсем.

-14-

Спал Василий плохо. Гостиничная кровать ужасающе скрипела, подушка была до того жесткой, что разболелась даже шея. Лишь под утро он забылся тяжелым сном.

Позавтракав в буфете, он поехал в школу водолазов. Но и там все решилось очень быстро.

Делать было абсолютно нечего. Он бесцельно брел по Севастополю. До отхода поезда оставалось десять с лишним часов. Их требовалось как-то потратить. Степанов зашел в кинотеатр, но ушел с половины сеанса, побродил по рынку, постоял у памятника погибшим кораблям. Часовая стрелка стояла на месте. Сердце хотело другого. Оно рвалось к Марине.

Пересилив себя, Василий сел в троллейбус. Медленно, словно с путами на ногах, шел к ее дому. На седьмой этаж поднимался пешком. Очень долго

стоял у двери. Наконец решившись, позвонил. Звонок прозвенел жалобно и просящее. Дверь открылась сразу, будто за ней ждали.

- Все-таки пришел, - Марина стояла в халатике в золотистых лучах солнца, - А я ждала тебя! Где ты так долго был?

Они бросились друг к другу и слились в долгом, страстном поцелуе.

-15-

Наш народ славен и силен своими традициями. Но одну мы незыблемо чтим и четко соблюдаем. После каждого завершенного мероприятия, будь то радость или горе, встреча или проводы, - отмечать это дело за столом. И так ведется исстари. И менять этого никто не собирается.

Стол ломился от яств. Крещение, как повод отошло на второй план. Гости, а их было без малого семнадцать человек, шумно обсуждали текущие проблемы, не забывая, естественно и про виновника торжества. После очередного произнесенного тоста каждый, вначале, чокался с батюшкой, потом, непременно, с тещей Степанова, затем со всеми остальными.

Теща и за столом была лидером. По левую руку то нее сидел отец Борис, по правую – сосед с третьего

этажа, молодящийся вдовец Кирилл Кондратьевич. Ее соловьиные трели, нежный голос и душевное обаяние покорили всех присутствующий. Степанову искренне завидовали. И это не скрывали.

Первым за столом начал вырубаться батюшка. Еще не закаленный в больших застольях молодой организм, вдруг начал давать перебои. И здесь теща проявила такт и бдительность, не дав упасть лицу культового работника прямо в салат. Нагрузив огромную сумку провиантом и рассчитавшись с ним по двойному тарифу за работу, гости аккуратно погрузили священнослужителя в машину, дав таксисту сверху десять рублей, чтобы тот довез его не только до дома, а и передал в белые рученьки матушки. После чего компания продолжила застолье.

Теперь теща всецело посвятила себя Кириллу Кондратьевичу, сердце которого к концу вечера окончательно растаяло и в нем зарождалось уже забытое чувство, называемое любовью.

Расходились поздно.

- Марина Михайловна, - пророкотал старый дамский угодник, - мне бы очень хотелось, чтобы мы сейчас с вами спустились ко мне. Я развожу рыбок и одна, безумно дорогая пара, вчера дала потомство. Моя квартира в аквариумном

освещении выглядит просто фантастически. Вы не возражаете?

-Я просто обожаю рыбок. Это моя слабость, - солгала теща, – У вас в доме чай имеется?

- Безусловно. Предпочитаю индийский. Для вас, Марина Михайловна, я не только чай, но и звезду с неба готов достать.

- Кирилл Кондратьевич, у нас одинаковые с вами вкусы. Вы меня начинаете пугать.

Кирилл Кондратьевич поощрено улыбнулся.

- У меня для вас есть еще один сюрприз. Но это внизу.

- Обожаю сюрпризы, - истерически захохотала теща, - Сейчас возьмем к чаю тортик и пойдем к вам. Леночка, я иду к Кириллу Кондратьевичу, - прокричала она дочери от двери, - Ключи я взяла. Меня не ищи.

Оставив дочери две горы грязной посуды, она хлопнула дверью.

Елена, уставшая за эти дни, как строитель египетской пирамиды, равнодушно взглянула на весь этот хаос. Но деваться не куда. Надо все мыть и убирать. Через полтора часа муж приедет. Не встречать же его таким беспорядком? Переодевшись, она приступила к наведению порядка. Помощников рядом не оказалось.

-16-

До отхода поезда оставалось семь минут, когда Василий и Марина влетели на вокзал. Оставленные в гостинице вещи отняли у них целых сорок драгоценных минут.

Они, мокрые от быстрого бега и часто дыша, встали у вагона.

- Коленька, я очень благодарна тебе за встречу. Ты очень хороший. Молчи, - она прикрыла пальцем ему рот, – говорить буду только я. Иначе я буду плакать. Ты разве этого хочешь?

Василий помотал головой.

- Тогда слушай и молчи. Мне вчера сделали предложение. Я выхожу замуж и уезжаю отсюда. Нет, нет, ничего не спрашивай. Так надо. Не могу же я всю жизнь быть одной. В этом ты прав.

- Пассажиры, заходим в вагон, через минуту отправляемся, - раздался как приговор голос проводницы.

- Прощай, Коленька! Не знаю, как ты, а я буду помнить тебя всю свою жизнь. Молчи, молчи. Все знаю. - Она крепко поцеловала его в губы. - Будь счастлив, мой родной! Хорошей тебе дороги.

- И ты, - только и мог вымолвить Степанов охрипшим голосом.

Поезд тронулся, Василий вскочил в вагон.

Она шла, в сторону вокзала, не оборачиваясь. По ее щекам текли слезы.

-17-

Василий всю дорогу от Севастополя до Николаева жил событиями, происшедшими с ним в течение двух суток. На душе скребли кошки. Было жалко и себя, и Марину. Жутко хотелось, чтобы у нее в жизни сложилось все хорошо.

- А правду она сказала, что выходит замуж или только для того, чтобы мы больше не встречались? – этот вопрос, как червь, точил его всю дорогу, – А с другой стороны, он же не бросит семью. Пусть она тоже будет счастлива!

Поезд подошел к станции около полуночи. Степанова, как и обещал комбриг, ждала машина.

Подъехав к дому, он взглянул на окна. На кухне горел свет.

- Неужели гуляют?

Лифт как всегда не работал. Обливаясь потом и задыхаясь, Василий поднялся на свой этаж. Чтобы не будить детей, дверь открыл своим ключом. Из кухни вышла бледная и измученная жена.

- Привет, - он ласково поцеловал супругу, - как тут у вас?

- Все хорошо, Вася. Сереженьку окрестили. Сейчас домою посуду, и пойдем спать. Тебе воду согреть? Ополоснешься? Я так устала, ели на ногах стою.

- Согрей. А что в доме так необычно тихо? Где твоя мама? Что-то не слышно богатырского храпа.

Жена на минуту замолчала.

- Она... у Кирилла Кондратьевича. Ну, тот мужик с третьего этажа, что рыбок разводит.

У Василия брови поползли наверх.

- И что она там делает?

- Пошли рыбок смотреть.

- Рыбок? В первом часу ночи? Интересная мысль.

- Нет, они ушли еще в десять вечера.

- И до сих пор смотрят?

- Не придирайся к словам. Я не знаю, что они там делают.

- Зато я знаю.

Он разделся, тщательно смыл с себя севастопольское прошлое и лег.

Засылая, он почувствовал, как пришла жена. Обняв его, она сразу засопела.

- Пусть поспит. Устала, бедненькая. И я тоже, - проваливаясь в глубокий сон, подумал Василий.

-18-

Около десяти часов утра в замочной скважине заскрипел ключ. Теща, бодрая и веселая, вошла в дом.

- Ты уже встала, Леночка, а я думала, что еще спишь? Вижу, управилась. Молодец! Кто это там у тебя плещется в ванной?

-Вася.

- Вася? Он что, не на службе? Выгнали? - она зло улыбнулась.

- За хорошее выполнение задания, комбриг поощрил его однодневным отпуском. Вот так!

- Отпуском… Поощрил… - было видно, что теща не слушает. - Это хорошо. Это просто здорово! Я что, собственно говоря, пришла. Ключ отдать и вещи забрать. Мы с Кириллом Кондратьевичем едим отдыхать в Крым, к морю, на его машине. Не все твоему мужу по югам мотаться. Я права, зятек? – бросила она в сторону ванны.

Ванна ответила гробовым молчанием.

- Собирать мне, в общем-то, и нечего. Все до сих пор лежит в чемодане. Как чувствовала, не распаковывала его. Благодарности в этом доме я не заслужила. Поэтому и расставаться будем легко. Так, дочь?

- Делай, мама, что хочешь. Я уже устала от всего этого.

- И на том, доченька, спасибо, – она поклонилась в пояс, – Сколько для вас не старайся, сколько не корячься, - мил не будешь! Правильно мне соседка говорит: «Жить нужно для себя. Детям ни в чем никогда не угодишь». Помоги мне снести чемодан вниз. Кирилл Кондратьевич еще хочет тебя попросить последить за рыбками. Инструктаж тебе кое-какой дать хочет. А дети где?

- Спят.

- Пусть поспят. Поцелуй их. Скажи, что бабушка на море поехала купаться. Кажется, все сказала. До свидания, дочка. Для остальных мое отсутствие вызовет только радость.

-19-

В пятницу в кабинет Степанова вошел рассыльный.

- Товарищ капитан третьего ранга, вас начальник политотдела вызывает.

Василий поднялся на второй этаж.

- Товарищ капитан первого ранга, капитан третьего ранга Степанов по вашему приказанию прибыл.

- Степанов, - начло, офицеров штаба по именам и отчествам, не знал, да и знать не хотел, не его уровень, - вы что, в воскресенье крестили ребенка? Как вы могли? Вы же коммунист! - начал начпо без всякой подготовки, - Вас атеистическая программа партии не касается? Или вы уже не дорожите ни должностью, ни членством в КПСС?

Холодный пот выступил на лбу механика.

- Товарищ капитан первого ранга, я в это время был в командировке в Севастополе. Это теща приехала и все сделала без моего ведома. Я даже не знал об этом.

- О вашей командировке я тоже ничего не знаю. Вы что, решили меня обмануть? Кто вас послал?

- Командир бригады.

- С какой целью вы ездили в Севастополь?

Василий во всех подробностях стал рассказывать о целях и задачах, связанных с его поездкой в главную базу флота.

Начпо слушал очень невнимательно. Он, периодически, куда-то звонил, что-то писал, кого-то вызывал.

- Хорошо Степанов, идите. Я лично разберусь в этом вопросе. Но свою семью надо воспитывать. Каждый член нашего государства должен знать, чем живет наша партия, над чем она работает, и претворять в жизнь решения всех Пленумов ЦК КПСС. Вам это ясно? А у вас, видно, не все в порядке

дома. Не ошиблись ли мы, взяв вас служить в штаб? Идите и думайте.

Степанов вышел пошатываясь. Рубашка прилипала к телу.

- Ну, теща, сука, удружила. Хорошо, что с командировкой все удачно получилось. А то бы точно влип. Выгнали, как пить дать.

Он зашел к комбригу.

- Что, наложил в штаны, - рассмеялся комбриг, – Не дрейфь. Все обойдется. Служить тебе долго и еще не одно крещение придется принимать. А про все это забудь. У них работа такая. Интересную мысль тебе подсказал начпо. С сегодняшнего дня и начинай внедрять в семью все решения партии. О результатах потом доложишь коммунистам на партийном собрании.

Комбриг от собственной шутки залился долгим, лающим смехом.

- Иди, Вася, повеселил ты меня сегодня, -вытирая платком слезы, он рукой показал на дверь.

-20-

Через три месяца Степанов вновь поехал в Севастополь, но уже на сборы руководящего состава электромеханической службы. Память о Марине занозой торчала в сердце. Вечером он

пошел к ней домой. Дверь открыла незнакомая женщина.

- Простите, мне нужна Марина.

- Здесь, молодой человек, такие не живут. Вы, наверное, адресом ошиблись.

- Но три месяца назад она здесь жила.

- Может быть, и жила, не знаю. Мы сюда въехали две надели назад. Квартира была пустой. Извините, помочь не чем не могу, - дверь закрылась.

Светлое пятно жизни потемнело, а кровоточащая рана так и осталась на всю жизнь.

О РАЗГОВОРАХ ПЬЯНЫХ И РАЗНЫХ

Пьянка всегда начинается с обсуждения начальников. Все начальники дураки, а подчиненные – умные.

Если это мероприятие короткое, то, собственно говоря, этим все и заканчивается. Мнение по этому поводу никто не меняет. И каждый уходит довольный самим собой.

Но бывают пьянки и затяжные. Тогда, после обсуждения плохих начальников, начинается разговор о женщинах.

Это всегда так.

Ну, о чем еще может говорить мужик? Не о сумочках же или, к примеру, о семейных трусах.

Правда в современных условиях все чаще и чаще встречаются сторонники однополой любви, но это скорее нонсенс, нежели закон природы. Ибо это есть противоестественно.

Вначале каждый стремится рассказать о том, где он, кого и как со всеми вытекающими и выливающимися подробностями.

Когда заканчиваются литься потоки грязи, а мозг еще сильнее туманится, - наступает третий этап – философский.

На флоте философия не прижилась. Здесь привыкли действовать, а не рассуждать. Иначе погибнешь. Но иногда к ней прибегают.

- Лично я не могу полюбить женщину сразу. Мне надо ее сначала хорошо узнать, – минер, по кличке «Рыба» открывает философскую часть.

- И тут же разлюбить, как только узнаешь, что она тоже дура, – командир БЧ-2, Васянович, любивший много и не любивший никого закуривает сигарету.

«Рыба» краснеет. Он не любит, когда к его мнению не прислушиваются.

- Коля! Ты похож на банный лист. Сначала прилипаешь к женской ляжке, а
потом смываешься.
Васянович непоколебим в своих мнениях.

- Саня, ты сам сейчас понял, что сказал? Услышишь где-то умную фразу, переврешь ее по своему, а потом выдаешь за свою. Да, я уже пожил

один раз в раю, похожем на ад. Мне этого вполне достаточно. С меня хватит. А ты запомни, - Николай начинает кипятиться, - женишься, никто тебя любить не будет. Жена – потому что ты и так на ней женился, а остальные – потому, что ты на них не женился. И запомни еще одно, не припомню, кто это сказал, но сказано очень мудро: «Самая прочная семья - из одного человека». А то, что я меняю женщин, чаще перчаток, так они сами того хотят. Не я их выбираю, а они меня.

Сергеев сдаваться явно не хочет. Бледный, он, брызжа слюной, орет в лицо командиру БЧ-2, - Ты уже старый. Тебя еще год-два женщины потерпят, а потом не подпустят к себе. Дохнешь в одиночестве! Под забором! Я и разговаривать с тобой больше не буду, старый Дирак.

Сергеев встает и, хлопая дверью, уходит.

- Сам ты сдохнешь быстрее меня, - вопит Васянович, - Тех, у кого есть деньги, женщины не бросают. На мой век их хватит, – он наливает в стакан спирт, выпивает и тоже уходит.

На том философская стадия разговора и заканчивается.

Заканчивается и пьянка.

У каждого своя философия, свое видение мира. И каждый в этом мире живет по-своему. Живет, как понимает.

Такова суть человеческая.

НОВЫЙ ГОД

За восемь лет службы на кораблях доблестного Краснознаменного Черноморского флота не помню ни одного случая, чтобы я праздновал Новый год дома. В этом плане мне всегда жутко везло! Причем, свой первый флотский Новый год я встретил аж в Красном море.

Праздник на флоте, причем любой, для офицера и мичмана равносилен неделе тяжелых флотских будней. В этот день покой им только снится. Они мечутся, из угла в угол, как угорелые. Ибо внимание всецело направлено на ликвидацию, предотвращение, недопущение и проноса и, упаси Господь, употребление личным составом спиртных напитков. Там, где алкоголь, - жди беды. Это, в первую очередь, неуставные отношения, бич современных Вооруженных сил. Допустить такого никак невозможно.

В этот день корабль живет своей обычной жизнью. Так же несутся вахты, так же он в любую минуту готов выполнить поставленную перед ним боевую задачу. Но элемент праздности присутствует во всем. Украшаются кубрики, готовится праздничный ужин, художественная самодеятельность репетирует на все лады, готовятся карнавальные костюмы.

Для моряков это настоящее торжество. Взрослые дети, лишенные на три года родительского крова, хотят почувствовать себя хоть чуточку обычными людьми.

В двадцать три часа все расходятся по кубрикам и рассаживаются за столы. Офицеры и мичмана сидят вместе с личным составом. Ведь они для них и отцы, и матери, и старшие братья.

Дедушка мороз, Снегурочка, Водяной, Леший и другие персонажи, все, на что способна фантазия личного состава, веселят моряков. Звучат песни, поизносятся под компот тосты, читают стихи, а молодые моряки, даже пляшут. Проходит все довольно весело. Ведь этот праздник приближает каждого из них к возвращению домой, к своим родным и близким.

Обнаруживаются порой и слишком веселые личности из старослужащих моряков. Не без этого, конечно. Ведь к встрече Нового года моряк начинает готовиться чуть ли не с лета.

В час ночи, после вечерней проверки, звучит команда «Отбой».

И снова, офицеры и мичманы, со слипающимися глазами, обходят кубрики, проверяя, все ли находятся в койках.

Наконец, личный состав уложен, и старпом приглашает замученных и уставших офицеров и мичманов в кают-компанию, где тоже накрыт стол.

Он отличается от матросского лишь тем, что на нем высятся две бутылки шампанского и в графинах - закрашенное компотом «шило». Но есть и пить уже никто не хочет.

Старпом, а именно он на Новый год всегда старший на корабле, от имени Верховного главнокомандующего и от себя лично поздравляет всех присутствующих на этом празднике жизни, с наступившем Новым годом. Желает всем присутствующим здоровья и успехов в боевой и, естественно, политической подготовке.

Должность у старшего помощника - собачья. За все отвечаешь и ничего не имеешь, кроме взысканий. Это даже узаконено Корабельным уставом, где черным по белому написано, что его «… частый сход с корабля не соответствует занимаемой должности».

Чокнуться можно.

А жена, а дети…

Да кого это интересует.

Пытливый читатель может заметить отсутствие в рассказе главного идеолога корабля и задать логичный вопрос: «А где в это время находится руководящая и направляющая сила партии?».

Отвечаю: «Он тоже за столом. Только дома. Ведь семья, как говорит Моральный кодекс строителя коммунизма - ячейка коммунистического

общества». Это только в песне «нам экипаж семья». Для старпома место в этой ячейке не нашлось.

Застолье начинается.

Я, по своей природе, «жаворонок», поэтому нахождение в состоянии бодрствования в столь поздний час, для меня равносильно пытке. Просто невыносимо хочется спать. Тихо поднимаюсь и неторопливо иду к выходу.

- Ты куда? – старпом понимает цель моего ухода. И мое отсутствие сулит скуку в кают-компании.

- Пойду, покурю.

- Кури здесь.

- Я лучше выйду.

- Если тебя через пять минут не будет рядом со мной, я прикажу вестовому вытащить тебя из койки и принести сюда.

- Но я хочу спать.

- Спать хотят все. Организуй мне сейчас здесь Голубой огонек и можешь идти.

-Уже два часа ночи, какой огонек?

- Ты, наверное, не расслышал. Я сказал: «Голубой».

Меня начинает нести.

- Дорогие друзья! В эту Новогоднюю ночь, когда все нормальные люди легли спать, в стране Дураков зажгли свет и начали водить хоровод. Людям, для которых каждый огонек – голубой, посвящается, - я гляжу в счастливые глаза старпома и понимаю, что его веселье только начинается, а

мой сон переносится на утро, – Открываем мы наш вечер музыкальной композицией. В исполнении нашего, я не боюсь этого слова, любимого и неугомонного старшего помощника, Яковлева Александра Николаевича, звучит «Собачий вальс».

Старпом, с неизменной сигаретой во рту, подходит к пианино, кланяется и начинает играть.

Жидкими аплодисментами, не переходящими в овацию, «благодарная» публика встречает артиста.

- Конкурс второй, - продолжаю я, - От бутылки станет ночь светлей. Во время этого конкурса все пьют и закусывают. Страстные ценители напитка богов сразу же запивают выпитое жидкостью из того же графина.

Шутка не проходит, застревая в клубах табачного дыма.

- Очень жаль, что, некоторые, далеко не второстепенные персонажи, такие, как Пушкин, носитель знаменитой фамилии, которого вы не увидите в роли развернувшегося Шланга, штурман Молоканов, выписывающий икс образными ногами в танце нанайских мальчиков такие коленца, что голова просто идет кругом, сегодня не с нами. Но память о них мы храним вечно. А сейчас, - продолжаю я, - группа молодых, но очень перспективных офицеров и мичманов исполнят сцену из балета «Спящие красавцы». Итак, либретто предстоящего действия: молодой, но

замкнутый в себе командир электротехнической группы Кольцов, страдает комплексом неисполнительности. За это его не любит командир БЧ-5. Он тоже не любит командира БЧ-5 за то, что тот его не любит. Ночью к Кольцову приходят галлюцинации и поллюции. Они убеждают его отдать свое сердце Мишуку, помощнику по снабжению. Но Мишук уже влюблен в комбата Старухина. Старухину же абсолютно безразлично кого любить. Ответных чувств он к Мишуку не испытывает. Мишуком же тайно увлечен старшина команды БИП мичман Калинин. Образуется порочный круг, напоминающий скрученный Шланг. Все разрешается в Новогоднюю ночь. Взявшись за руки, спящие красавцы, кружатся в медленном танце и отдают друг другу любовь. После этого каждый, по очереди, согласно договоренности, любит командира электротехнической группы, который избавляется от комплекса неисполнительности и обретает уверенность в себе. Триумфом победы доброты над злом должен быть зажигательный танец нанайского мальчика. Но, по независящем от нас причинам танец заменен отрывком из поэмы Маяковского «Хорошо!», который прочтет наш обожаемый старший помощник. Этим и завершиться наш Голубой огонек.

Весело старпому и мне. Остальные, особенно Кольцов, лениво ругаясь в мой адрес, расходятся по каютам.

Всем жутко хочется спать.

Через три часа прозвучит команда: «Подъем».

Ушел в прошлое еще один год.

До ДМБ стало на год меньше.

УДАЧА

Развлечений на корабле, особенно если он выполняет задачи боевой службы, находясь за тысячи верст от родных берегов, не так много. Да, практически, их и нет. А если и есть, то только тогда, когда корабль стоит на якоре. Днем в субботу и воскресенье проводят спортивные мероприятия или конкурсы художественной самодеятельности, вечером показывают художественный фильм и даже выделяется время, чтобы моряки написали домой письма. После ужина можно половить с борта рыбу.

У офицеров и мичманов развлечений и вовсе мало. Да особо им и развлекаться некогда. Служба не позволяет.

- Люди они взрослые, сами занять себя способны, - так полагало и полагает начальство.

Корабль стоял на якоре в Эгейском море. Рыба здесь ловится, как заговоренная. Привяжи к крючкам красную ниточку, опусти леску в воду и сразу вытаскивай. Гарантировано, что две-три ссадина или ставриды у тебя уже есть. Только не ленись опускать леску и поднимать ее.

После ужина электрики вооружают прожектора вдоль правого борта, направляя свет в воду. И рыбалка начинается. Каждый стремится встать поближе к свету, тогда улов точно гарантирован. А завтра экипажу будет и уха, и жареная рыба, а если повезет, то и копченая. Больше всех, в этом случае, везет помощнику командира по снабжению. За счет дармовой рыбы он спишет не один десяток килограмм мяса и пару ящиков тушенки. Прибыль – себе в карман. Не в фонд же мира, в конце концов?

Лов был в самом разгаре, когда по кораблю объявили: «Большой сбор». Побросав снасти, все начали строиться по подразделениям.

- Внимание экипажа корабля, - командир озадачен, - Через три дня корабль снимается с якоря и следует в точку якорной стоянки штаба Средиземноморской эскадры. С целью поверки к нам прибудет командир эскадры и штаб. Сегодня распорядок дня менять не будем, а завтра начнем готовить корабль и документацию. Задача ясна? Командирам боевых частей и начальникам служб провести инструктаж личного состава.

В это самое время начальника РТС резко потянуло к леерам и потащило вдоль борта к юту.

- Хайкин, в чем дело? – командир не мог понять, что происходит.

- Рыба клюнула, товарищ командир, - прохрипел Хайкин, пытаясь задержать свое движение.

А получилось так.

Не преодолев природную медлительность, Хайкин опоздал занять место у прожектора. Не сильно опечалившись, он нашел закидушку, насадил на огромные крючки по рыбине и забросил на удачу в море. Поплавком ему служил большой лист пенопласта. Вскоре течение и ветер далеко отнесли наживку от корабля. Так он и стоял, скучая у борта, намотав конец лески на руку, курил и беспрестанно сплевывал за борт. В таком положении его и застало построение. Понимая, что построение не вечно, начальник РТС встал в строй с намотанной на руку леской. И вот клюнуло.

Строй мгновенно рассыпался. О подготовке корабля к предстоящей проверке все сразу забыли. Главной сейчас задачей было вытащить из моря рыбу.

Общими усилиями леску завели на шпиль и медленным вращением стали подтягивать ее к борту. В считанные минуты на воду спустили баркас. Все действовали на удивление быстро и слаженно. Главный же виновник стоял где-то в

стороне и на его крики и порезанную леской руку никто не обращал внимание. Главным действующим лицом теперь была рыба.

Вдруг натяжение лески резко ослабело, и она стала быстро подниматься к поверхности воды.

- Трави помалу, - заорал старпом, - а то порвет.

Шпиль начал вращение в обратную сторону.

Через пару секунд просто огромного размера тунец вспарил высоко над водой. Мощно ударив хвостом, он снова погрузился в родную стихию. Леска вновь натянулась как струна.

- Ничего себе рыбина, - простонал командир Шевченко, приседая на корточки.

- Трави, трави, - хрипло орал старпом, выпятив вперед челюсть и поливая обильно из нее слюной всех окружающих, - Пусть устанет. Товарищ командир, мы его так не возьмем. Предлагаю. Как только подтянем поближе к кораблю, бросить в воду пару гранат. Это его оглушит. А как всплывет выпустить в голову две-три пули. Не возражаете?

- Командуй старпом. Утверждаю, - глаза командира горели огнем страсти.

- На баркасе, - заглушая всеобщий шум, прокричал старпом, - срочно подойти к трапу. Командиру БЧ-2, - командовал он уже по громкоговорящей связи из рубки дежурного, - срочно принести к трапу мой пистолет и две гранаты.

Баркас еще не успел приблизиться к борту, а вооруженный до зубов старпом был уже в нем.

Около часа разумный человек вел настоящее сражение со своим далеким предком. И земная генетическая ветвь победила. Уставшего и оглушенного взрывами морского исполина подтянули к баркасу, добили из пистолета, затянули петлю на хвосте и подняли на корабль. Это была двухметровая рыбина весом сто пять килограмм.

Потом ее варили, жарили, делали котлеты и даже солили. Короче, рыбный стол длился неделю. Досталась она и проверяющим. А те на радостях поставили кораблю хорошую оценку.

В жизни всегда так. Сильный побеждает слабого, а умный глупого. Бывает, конечно, и наоборот, но значительно реже.

ИЗВРАЩЕННАЯ ШУТКА

Юра Винокуров вошел в кают-компанию, когда обед был в самом разгаре.

- Винокуров, вы почему опаздываете? - командир решил пожурить нарушителя распорядка дня в назидание другим.

- Я был на эсминце «Бравый».

- Что вы там делали?

- Решал вопрос по ЗИПу.
- Решили?
- Так точно.
- Молодец! Приглашаю к столу. Заслужил. Чем живет «Бравый»? – командиру вдруг захотелось поговорить.
- Все служат по методу Робинзона, - Винокуров хоть и механик, но не порабощен до конца своими железками. Обычная человеческая жизнь бьет у него через край.
- Что это за метод? – у командира вилка повисла в воздухе.
- Все ждут пятницу.

Командир застывает от недопонимания сказанного. - Зачем? Какую пятницу?

- Робинзон всегда ждал Пятницу. Вот и они ее ждут.

Доктор, трясясь от смеха, начинает сползать под стол.

- И что будет в пятницу? - командир явно не играет. Он не понимает сути разговора.
- Большой сход, товарищ командир, - Винокурову надоедает это непонимание.
- Вы с доктором анекдоты еще не придумываете? Юмор у вас с ним одинаковый. Понять и сложно, и невозможно когда смеяться.
- С доктором нет. С Пушкиным.
- Он что, тоже ждет пятницу?

Начальник медслужбы начинает неистово хохотать.

- Никак нет, товарищ командир, я в пятницу заступаю дежурным по кораблю, - бурчит Пушкин набитым ртом.

- Ну вот, один уже при деле. А вам, доктор, что так весело? Давно не травили по кораблю тараканов? Наверное, в субботу этим и займетесь. Я правильно говорю, товарищ старший лейтенант?

- Так точно. Не правых командиров никогда не бывает. Именно в эту пятницу и запланировано ученье по дезинсекции. План ученья уже готов и с вечерним докладом сегодня будет представлен на утверждение старшему помощнику, - бессовестно врет начмед, у которого тоже должен был быть большой сход. Но не лить же бальзам на душу командиру. Пусть думает, что все идет по намеченному плану. А пятница все равно к нему придет. Пусть потешет свое тщеславие.

- А пока доктор будет заниматься своим делом, - изрекает далее командир, - мы на стенке проведем строевой смотр личного состава. Старпом, подготовьте мне план строевого смотра. И тоже к вечернему докладу. О службе всем надо думать, а не о пятнице, - резюмирует он.

Шутка явно не удалась. И большой сход в одно мгновенье накрылся женским половым органом.

Пятницы уже никто не ждал.

Над столом нависла зловещая тишина.

Ждали субботу.

И только Пушкин был счастлив. Он убивал сразу двух зайцев. Во-первых, не участвовал в строевом смотре, а во-вторых, его большой сход планировался аж в следующую пятницу.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Когда человек достигает на военной службе определенного положения, и на погонах появляются большие звезды, лучше, безусловно, шитые, вот тогда он может позволить себе достойные развлечения, которые в младые годы ограничиваются посещением ресторанов, играми в любовь с девочками и походами с детьми и женой в зоопарк или на рынок. С возрастом, естественно, появляются новые: рыбалка, охота, телевизор по вечерам, книга перед сном и… ностальгия о пошлом. Ан, нет. Годы бурных развлечений уже прошли. Хотя, брызги иногда бывают. Но не такие неистовые и не очень продолжительные. Остается вся та же рыбалка, охота, да добавляются прогулки по парку с внуками. Ну и, естественно, встречи со старыми сослуживцами. Другие же вечерами занимают себя играми в домино. Но это уже последняя деградация личности.

Так что круг развлечений у военных, как настоящих, так и бывших недостаточно широк.

В крупных соединениях или местах, где базируются различные рода войск, имеются военные охотничьи заказники. Здесь отводят душу оседлые в штабах генералы, офицеры, прапорщики и мичманы. Охотятся обычно группами до десяти человек. Новичков в свой коллектив принимают неохотно. И тут мат строго-настрого запрещен. За произнесенное бранное слово налагается серьезный штраф: пропускается следующий выезд на охоту, а каждому участнику провинившейся обязан отдать по пять патронов и на стол выставить литр водки. Поэтому здесь за своей речью следят.

Старший мичман Куницин, служивший в штабе без малого тридцать лет, считался охотником от Бога. На него, как заколдованные, шли зайцы, косули и кабаны. Именно над ним пролетала вся дичь. Да и рыбы в его садке было всегда больше, чем у остальных. И все ему, естественно, по-доброму завидовали. Каждому хочется быть в центре внимания.

После любой охоты – традиционный бивак. Мирно потрескивают дрова в костре, казан, наполненный до краев мясом и всяческими специями, аппетитно булькает, дожидаясь своего часа. На травке заботливо разложены хлеб, дары

осени и, естественно, какая же без этого охота, без нее она теряет всякий смысл, водочка. Дымок от костра приятно щиплет глаза.

Участники охоты, расположившись полукругом, неторопливо ведут беседу. Здесь нет ни начальников, ни подчиненных, ни старших, ни младших, тут равны все. Как в бане.

У Куницина, как всегда, дубовая ветвь в кепке, - символ лучшего охотника и этой охоты.

- Николай Семенович, - старый отставной адмирал никак не может смириться с очередным поражением, - ну открой тайну, почему тебе так всегда везет? Может, ты молитву какую знаешь или пьешь перед охотой приворотное зелье? Не таись, поведай товарищам. У друзей не может быть тайны.

- Да какая там тайна, Максим Леонидович, я перед охотой три раз одеваю и снимаю вывернутую на изнанку ночную рубашку невестки. Только эта рубашка должна быть не стирана, а в это время у нее обязаны быть месячные. У моей-то Евдокии месячных уж лет двадцать как нет. Вот невестка и выручает.

- А она у тебя, Семенович, что, по заказу перед каждой охотой кровь, так сказать, пускает?

- Зачем? Я предупреждаю, за две недели перед выездом, чтоб она белье не стирала. Ну а дату начала охоты мы все заранее знаем.

Все слушают этот диалог с затаенным дыханием. Никто не вмешивается. А вдруг, правда.

- Ну, ты Семенович и горазд врать, - тело адмирала беззвучно колыхается, - Раньше не замечал за тобой такого, - он снова заливается беззвучным смехом.

- Ваше право, Максим Леонидович, верить мне или нет, - хитро щурится Куницын.

- Получается так, что мне никогда не суждено носить дубовую ветвь в кепке. У меня три сына и все они разбросаны по морям и океанам. Не буду же я им писать, чтоб они рубашки своих жен мне высылали.

Лес оглашается дружным смехом охотников.

Наконец все выпито и съедено. Трофеи делятся поровну, и друзья разъезжаются по домам до следующей охоты. А она будет лишь зимой, на зайца.

И вот, наконец, очередная встреча.

- Ну, - адмирал привык быть во главе коллектива, - Кто сегодня готов дать бой Куницину? Рубашки кто-нибудь одевал? Поднять руки, – его тело начинает трястись от нахлынувшего смеха.

- Я, - первым рапортует майор Скоробогатов, командир узла связи.

- И я, - вторит ему подполковник Земляника, начальник штаба полка.

Именно они на охоте и были самыми невезучими.

- Ну вот, Николай Семенович, представляю тебе, так сказать, твоих братьев по менструальной крови. Держись теперь. Больше таких нет? - он весело оглядывает присутствующих, – Или кто-то скрывает это от нас?

Все скромно молчат.

- Тогда, вперед! – он вскидывает руку, - Да поможет нам удача и братья по крови!

К биваку собирались шумно. Каждый хотел увидеть чудо. Сколько бы не было человеку лет, он не перестает верить в сказки.

И снова Куницин был лучше всех. Снова дубовая ветвь украшала его голову.

Не подвели и Скоробогатов с Земляникой. Они, как всегда, убили меньше всех.

Посмотрев трофеи, адмирал подводит итог, - Товарищи Земляника и Скоробогатов, вы явно не те рубашки на себя напяливали. Меньше по девкам надо шататься и дома чаще бывать. Видно от вас исходил такой вонючий запах, что весь заяц пошел на Куницина. В следующий раз у него рубашку попросите. А то за такой приход придется вас исключить из нашего коллектива.

Эхо разносит дружный смех по лесу.

- Куницина же предлагаю, как следует напоить, а потом в пьяном виде хорошенько попытать. Он явно водит нас всех за нос. Так, Николай

Степанович? – адмиралу не терпится познать тайну чужой удачи.
Куницин хитро щурится и молчит.

РЕАЛИИ БЫТИЯ

Пути Господни, как и пути флотские – неисповедимы.

Корабль зашел в Феодосию, город, где творили великий художник-маринист Айвазовский и непревзойденный писатель-фантаст Грин.

Не сам, конечно.

Наверное, приказали сверху.
Начальству виднее. У него и звезд на погонах больше, и оклад повыше, и голова светлее. А задавать глупые вопросы не полагается, а то получишь такие же глупые ответы. Надо пользоваться теми благами, которые есть. А то их и так мало.
Старпом выбритый, выглаженный, в вычищенной до блеска обуви, с папкой в руке, не торопясь шел по шкафуту.

- Александр Николаевич, вы в город?

- А тебе, доктор, завидно?

- Можно с вами? – начмед не обратил внимание на издевку старпома.

- Я в штаб, отнести документы.

- Да какая разница. Хоть по земле пройтись.

- Я только из-за вредности не возьму тебя.

- Александр Николаевич, путь вдвоем в два раза короче. А доктора обидеть, все равно, что ребенка, - начмед сделал страдальческое лицо.

- Хорошо, не ной. Даю минуту на переодевание.

- Быстро только кошки плодятся, - крикнул радостный доктор.

- Время пошло. Я ждать не буду.

Быстро отдав документы, офицеры медленно шли по старой улочке Феодосии. Невдалеке, через парк, жил своей веселой жизнью пляж. Его шум, застревая в пыльной листве платанов, не мешал старому городу. Слева по дороге стоял скромный низенький домик, дом-музей автора, подарившего миру «Алые паруса» и «Бегущая по волнам». Его меленькие окошки тихо и печально смотрели на современный мир. К большому сожалению, он в этот день был закрыт.

Перейдя улицу, офицеры углубились в тенистую аллею парка. Чебуречная, куда привел их голод, была пуста. Только за угловым столиком в луже растекшегося мороженого спал мужчина.

- Что вам, мальчики? – спросила миловидная официантка.

- По пять чебуреков и кружке вина, скомандовал старпом.

- Я столько не съем, - улыбнулся доктор.

- Ему несите четыре, а мне – пять. Давно спит? – показал старпом на мужчину.

- Часа два уже, - брезгливо дернула плечами девушка.

- Не будите его. Это сильный человек, - со знанием дела резюмировал старпом.

- Почему сильный? – удивилась она.

- Слабые предпочитают спать в салате, а он уснул в десерте.

- А-а-а, - раздосадовано произнесла официантка и пошла выполнять заказ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Было первое мая – День международной солидарности трудящихся всех стран.

Солнечный Севастополь благоухал цветом каштанов и акаций.

От многоголосия и пестроты отдыхающих до боли рябило в глазах. Это поднимало и без того прекрасное настроение.

С Николаем Васяновичем мы медленно шли по праздничному городу в сторону Графской пристани.

Спешить было некуда. Моя жена еще не приехала из Ленинграда, а у Васяновича ее не было вовсе.

- Доктор, пошли в ресторан пообедаем, - предложил он.

Николай, красивый седовласый мужчина, был на пятнадцать лет меня старше. Но это нисколько не мешало нашей дружбе.

- Пойдемте. Куда?

- Давай в «Морской». Давненько мы там не были.

Ресторан был заполнен до отказа. Но славным представителям Военно-морского флота места нашли быстро.

Мы сели довольно удобно. Наш столик находился на балконе. С одной стороны, открывался чудесный вид на Севастопольскую бухту, а с другой просматривалась вся панорама зала.

Вскоре перед нами стоял дорогой коньяк и все, что к нему полагалось.

Жалеть денег на себя никогда не надо. Жизнь и так не всегда балуете нас своими радостями. А если мы еще и сами будем обижать свое «Я», то это очень большое свинство, по крайней мере, по отношению к самому себе.

Ресторан жил своей обычной жизнью. На эстраде белокурая, лет сорока, полноватая певица что-то пела. Посетители гудели, как рой мух. Кто-то танцевал. И все поголовно курили.

Мы сидели с Николаем, предаваясь всеобщему веселью, и о чем-то разговаривали.

Николай Иосифович замечательный собеседник. Он прожил долгую и сложную жизнь на флоте, много видел на своем пути и его интересно слушать.

Флот – это суровая школа, состоящая из вахт, стрельб, слежений, боевых походов, учений, тренировок и многого другого, что кратко именуется военной службой. Человек, попавший в нее, отдает ей всего себе и даже, иногда, жизнь. Поэтому в редкие минуты отдыха хочется расслабиться. Нет, не нажраться до синевы, а просто отвлечься от повседневной, гнетущий обстановки.

Корабль, конечно, дом родной, но эта фраза хороша для песни. В жизни все немного по-другому.

Легкий весенний, теплый ветерок ласкает наши обветренные лица и треплет волосы.

Хорошо.

Хорошо и спокойно.

Из зала полилась песня из репертуара Нани Брегвадзе:«Снегопад».

Томная блондинка просящее пела:

«Снегопад, снегопад, если женщина просит,
Бабье лето ее, торопить не спеши…».

Васянович, откинувшись на стуле, впитывал слова.

- Посиди, я сейчас, - и он вошел в зал.

Подойдя к эстраде, Николай дождался окончания песни, подозвал певицу и о чем-то поговорил с ней

минут десять. Я наблюдал за повадками старого ловеласа. У него никогда не случалось осечек с представительницами слабого пола.

Вернулся он озабоченный.

- Доктор, через десять минут я ухожу. Договорился с певицей. Программу она уже заканчивает. Встречаюсь с ней внизу у входа. Ты оставайся, гуляй.

- Нет, я, пожалуй, тоже пойду. Чего тут одному сидеть?

- Ну, смотри. Только не обижайся.

Расплатившись, мы вышли.

Все так же празднично бушевала весна.

Но мое настроение испортилось.

Мы разошлись. Каждый пошел своим путем.

Утром Васянович хвастался своей новой победой. А я сидел и завидовал.

Для него обед явно удался.

Это жизнь. Одних она балует, а других… наградит завтра.

В ПОИСКАХНЕИЗВЕДАННОГО

Советский крейсер величаво входил в китайский порт Ханчжоу. Не задействованный на вахте личный состав в белой форме одежды выстроился вдоль бортов. Оркестр во всю мощь своих легких

выдувал «На сопках Маньчжурии» и «Амурские волны».

Китай для нашего человека, особенно европейца, что обратная сторона Луны. Вроде бы и есть, но никто не видел. О Китае мы не знаем практически ничего или какие-то крохи, типа Великой китайской стены, что у них растет рис, что китайцев великое множество и все они на одно лицо, как мандарины в коробке.

На берегу, десятитысячная толпа голосила на непонятном языке и ликовала приходу братьев по разуму.

Огромная площадь порта, пестревшая красными флагами, издали напоминала маковое поле. Это зрелище будоражило душу советских моряков и вселяло в их сердца чувство гордости за свое происхождение.

Страна сразу очаровала всех своей сказочной красотой и необычностью. В ней все было не так, к чему привык наш глаз. И отношение к морякам было настолько доброжелательное, что такого редко увидишь даже в своем доме.

Но…

Именно это «но» и ставит постоянно палки в колеса. А именно, то денежное содержание, которое выдают защитникам в иностранных портах. На него можно купить что-то, что умещается в правом внутреннем кармане, и не более.

Но душе-то хочется развернуться. Не может наш человек так просто пройтись, понюхать на клумбе цветок и насладиться закатом. Ему кураж нужен.

Всем жутко хотелось попробовать загадочную китайскую кухню. Но… Опять это «но». Стоило все это в ресторане бешеные деньги. Быть офицерам униженными и опозоренными не хотелось.

Командиры боевых частей, люди солидные и взрослые, собрались на совет. Вопрос стоял один: «Методом жеребьевки определить двух офицеров, отдать им все имеемые юани и откомандировать в престижный ресторан». Пусть хоть кому-то повезет. А они потом придут и расскажут, что там и как. И чтобы все было на высшем уровне, чтобы заказывали все самое престижное и дорогое.

Бумажки с крестиком вытащили командир боевой части связи и начальник медицинской службы. Так распорядилась судьба, хотя каждый хотел быть на их месте.

На следующий день, блистая красотой и статью, два советских офицера вошли в лучший ресторан Ханчжоу. К ним тут же низко кланяясь, подбежал низкорослый китаец, и что-то лопоча на своем языке, повел к столику у окна.

Мешая русскую, английскую, немецкую и французскую речь с матерной и постоянно жестикулируя руками, офицеры начали заказ непрерывно кланяющемуся и улыбающемуся

официанту с китайской водки. Продолжая потирать три пальца и вскидывая руки вверх, демонстрируя тем самым, что денег у них куры не клюют, они требовали экзотических блюд. Хитрый китаец понял их с полуслова и быстро убежал.

Вскоре стол превратился в красочную картину, где превалировали зеленые и красные тона. В середине, на большом подносе, лежало что-то непонятное, по которому медленно ползал огромный слизняк. Около тарелочек справа официант положил палочки, а слева, европейцы все-таки пришли, ножи и вилки. От всех блюд шел такой аппетитный аромат, что слюна катилась сама по себе.

Трапеза началась с употребления водки. Когда хмель ударил в голову, приступили к поеданию всего того, что лежало на столе. Начали с блюд, лежащих по краям. Вкус был потрясающим. Наконец, очередь дошла до центрального подноса.

- Доктор, - сказал пьяно связист, - надо уважать национальные традиции. Давай напополам сожрем эту ползающую тварь. А то можем обидеть людей. Мы с тобой не просто так, а послы мира.

- Давай, - одобрительно кивнул начмед, - Только без водки я его есть, не буду.

- Официант, - прокричал связист и, подняв над столом пустую бутылку, потряс ею. Через мгновение ее заменила другая.

- За дружбу, за наших ребят, которые сейчас на корабле давятся макаронами, - произнес доктор.

Они выпили и, дружно воткнув вилки в ползущую тварь, перерезали ее пополам. Бросив все это в рот, не жуя, быстро запили двумя рюмками спиртного. Все же остальное съели с большим аппетитом.

- Ну что, доктор, - связист выступал за старшего, - пора и честь знать. Давай рассчитаемся и пойдем на корабль. Нас, небось, уже заждались, - он повернулся и щелкнул пальцем.

Перед ними мгновенно вырос улыбающийся официант. Он мельком глянул на стол, и его улыбка моментально исчезла. Он вскинул руки к небу и жалобно залопотал.

Вскоре возле «послов мира» собрались все работники ресторана. Все они тоже вскидывали руки и громко говорили.

- Доктор, что они хотят? Может морду кому-нибудь расквасить? – пьяно пробормотал командир БЧ-4.

- Сиди и молчи. Сейчас разберемся, - изрек мудрый доктор, - Мы вас нихт пнимайт. – доктор приподнялся, - По-русски из вас кто-нибудь говорит?

Минет через десять бесполезных разговоров, в зале появилось новое лицо, одетое во все черное. На ломаном русском языке он объяснил, что этого слизняка есть, было нельзя, он ползал для

выделения слизи, которой пропитывалось блюдо, что он один на весь ресторан и стоит бешеных денег. И теперь их заведение несет большие убытки, что это почти международный скандал. Советских друзей хотели угостить таким деликатесом, а они…

Ситуация была аховой.

- Выворачивай карманы, - скомандовал доктор.

Они достали все, что у них было: юани, полтора десятка советских рублей, значки с изображением вождя мирового пролетариата, шариковые ручки, носовые платки и сверху положили наручные командирские часы.

- Все. У нас больше ничего нет, - доктор развел руками.

- Снимайте это, - черный китаец ткнул на ромбики об окончании высших учебных заведений и значки «За дальний поход».

Офицеры покорно открутили и это.

Доктор снова развел руки.

Черный китаец помолчал, а затем показал на погоны.

- Что-о-о? – прорычал, поднимаясь, связист, - Ты наши погоны захотел? Да я тебя сейчас одной рукой раздавлю, - он схватил его за грудки и занес кулак.

- Коля, не смей, - доктор повис у него на руке.

- Нет, ты погоди. Они хотят с нас за червя погоны сорвать! Так я им сейчас напомню остров

Доманский. Ишь чего захотели. Дерьмом накормили и туда же. Нет, шалишь желтый брат, не выйдет у тебя ничего.

- Не надо, Коля, пошли, - начмед потянул связиста за рукав.

- Постой, доктор. А какого хрена я и им должен наши заслуженные значки дарить? - он огромной ладонью сгреб их со стола и сунул в карман.

Оттолкнув с дороги черного китайца и жестко взяв доктора под руку, связист направился к выходу.

В ресторане воцарилась гробовая тишина.

После такой встряски на корабль офицеры пришли абсолютно трезвые.

Долго эта история оставалась тайной. Но…, все тайное, наконец, становится явью.

Главное, что война между Китаем и СССР после этого не началась.

Зато теперь есть, что вспомнить.

ПРЕСТУПНИК ПОНЕВОЛЕ

Не могу сказать, что идя по жизни, я растерял совесть. Залезть в чужой карман или оторвать доску от забора, сломать дерево или оскорбить прохожего, а тем более больного, я просто не умею. Так воспитан. Это привил и своим детям. Нельзя

быть довольным и сытым за счет горя и несчастья другого. Грех большой. Но теперешние нравы резко поменялись. Сейчас сытый и сильный не понимает голодного и слабого. От этого мир стал черств и жесток.

- Папа, - спросил как-то меня взрослеющий сын, - а ты в жизни что-то украл?

Я долго думал, прежде чем ответить.

- Наверное, нет. Не припоминаю.

Но все-таки такое в моей жизни один раз было. Не по моей вине, но было. Об этом случае мне и вспоминать стыдно, не только писать.

Я пришел со службы домой и уже раздевался, когда раздался телефонный звонок. Звонил Коля Борисенко, работающий на Черноморском судостроительном заводе.

- Саша, тебе, как говорится, огурцы нужны?

Когда Коля философствовал, он произносил в своей речи много не нужных слов. Но для него это было значимо.

- Галя, нам огурцы нужны? – задал я тот же вопрос жене.

- Нужны.

- Да, нужны, - ответил я в трубку.

- Собирайся, я через полчаса за тобой заеду.

В трубке раздались короткие гудки.

- Кто звонил? - поинтересовалась жена.

- Борисенко. Предлагает огурцы. Заедет через полчаса.

- Почем?

- Не знаю. Не сказал.

Через сорок минут явился Николай.

Я сидел за столом и ужинал.

- Ты что, еще не готов? Я, соответственно, приехал. Собирайся, время не ждет.

- Что, надо куда-то ехать?

- А ты думал, я тебе их домой принесу? Потрудиться надо, дорогой. Как говориться, на поле поедем. Мешок возьми с собой.

- Сколько это будет стоить? – поинтересовалась жена.

- Ни сколько. Наберем, как положено, и приедем.

Когда-то с частью мы проводили такую операцию. Выезжали на поле и собирали огурцы. Три ящика совхозу, один ящик себе. И так, сколько соберешь, столько и получишь. Поэтому мысль о чем-то преступном ни у меня, ни у жены даже не возникла. Разговор шел сам собой, как о чем-то обыденном.

Ехали достаточно долго.

Стало смеркаться.

Наконец показалось село.

Нас встретил Колин кум, мужчина лет тридцати, высокий и крепкий.

Как у нас водится, сразу сели за стол.

Стемнело.

На небо начала выползать луна. Она была настолько огромна, что от ее серебристого света было светло, как в пасмурный день.

- Ну что, пошли, - кум наполнил стопки, – За удачу.

Выпили не чокаясь. Борисенко к спиртному не прикасался. Как ни как, а за рулем.

Настенные часы пробили десять раз.

Взяв мешки, мы неторопливо вышли на дорогу. Поднятая ногами пыль, купаясь в фосфорном свете, создавала сказочное виденье.

Дорога вывела нас за село.

- А куда мы идем? – все это мне начинало не нравиться.

- Ты что, Саня, как говориться, пальцем деланный? Идем, соответственно, на поле, - начал свою гнилую философию Борисенко, – Делать все надо, естественно, тихо. Оно охраняется.

- Мы будем воровать? – у меня екнуло под ложечкой.

- Нет, сторожа тебе сами дадут. Конечно, воровать. А ты как думал? Не ссы!

Меня захватили тревожные думы: «Куда меня ведут? Я, майор медицинской службы, флагманский врач, начмед Военно-морского гарнизона, коммунист, отличник всех видов подготовки, уважаемый человек, способный

купить не один мешок этих долбаных огурцов, иду на воровство. А если…»

- Доктор, не отставай. Как говорится, уже в штаны наложил?

Я промолчал. Хотелось вернуться.

Наконец мы подошли к полю.

Луна светила, как сумасшедшая.

- Надо перейти на ту сторону. На этой охранники стоят, - сказал шепотом Колин кум.

Стараясь держаться в тени деревьев, мы медленно обогнули поле. Все это, по крайней мере, мне напоминало действие разведчиков во время войны.

Часовая стрелка приближалась к одиннадцати.

- Посидим. Пусть крепче уснут, - со знанием дела произнес кум.

Прошло еще минут сорок в томительном ожидании.

- Пора, - скомандовал снова он, - пошли.

Я встал.

- Куда ты? – дернул меня за куртку Борисенко, - ползком надо. Он, видимо, не первый раз участвовал в подобном мероприятии.

Мне стало весело. Моряк, по-пластунски. Даже интересно.

- А как же собирать? – поинтересовался я.

- Руками шарь вокруг себя, - раздраженно зашептал Николай, - Тебя, оказывается, всему надо учить.

И вот мы ползем. В левой руке мешок, правой шарю вокруг себя. Хоть и светло, но огурцов не вижу в упор. Наконец повезло, нахожу сразу два.

Проползли середину поля.

Вдалеке залаяла собака, послышались мужские голоса.

- Бежим! – крикнул кум и они с Борисенко, опережая собственный визг, понеслись к лесу.

Схватив свой мешок с двумя огурцами, я понесся за ними.

Теперь это уже напоминало эпизод из сказки «Три поросенка», где братья Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф спасались бегством от волка. Только они бежали гораздо медленнее, чем мы от сторожей.

Кумовья неслись так быстро, валя деревья и топча кустарники, что я вскоре потерял их из вида и бежал неведомо куда в позорном одиночестве. Дыхалка стала сдавать. А сзади уже слышался треск преследовавших сторожей. Увидев густой кустарник, я рухнул, под него, полагаясь на судьбу.

Буквально через минуту в метрах пяти от меня появились два молодых человека. Рядом с ними бежала собака, овчарка.

- Альма, ищи. Он где-то здесь.

Я, сунув лицо в траву, чтобы не белело, покорно ждал худшего. То, что меня, майора медицины, сейчас будут бить и, естественно, ногами, я

нисколько не сомневался. Но Бог не оставил меня в эту минуту.

Мои преследователи немного постояли, прислушиваясь, а собака, еще молодая сука, прыгала возле них, требуя к себе внимания.

- Пойдем. Поищем его подальше. Далеко он уйти не мог, - настрой сторожей не вселял во мне никакого оптимизма.

И они двинулись вглубь леса. Вскоре их шаги затихли.

Лежал я долго, соображая, что мне делать дальше и в какую сторону идти. Ориентир был потерян полностью.

Наконец, вдалеке, послышался крик. Это звали меня.

Полежав еще немного, я, крадучись, пошел в сторону голоса.

У дороги сидел кум и два парня. Беседовали они мирно. Злых нот в их голосах не было слышно. Собака бегала рядом.

Я настороженно подошел к ним.

Буркнув «здрасьте», сел по левую сторону кума и закурил. Настороженность и чувство опасности не пропадало.

- А где Коля? – поинтересовался я.

- Где-то здесь. Сейчас придет.

Минут через пять в лесу послышался жуткий хруст и с огромной палкой в руках появился

Борисенко. Мешка при нем не было. Видно в спешке потерял. От него несло зловонным потом и еще чем-то неприятным и едким. Видно испуг у него был настолько силен, что развив запредельную скорость, он оставил далеко позади своего любимого кума.

Собака гавкнула и прижалась в страхе к хозяевам.

- Ну, соответственно, как у вас тут дела? Дайте кто-нибудь закурить, а то, мои отсырели.

Покурив, мы поднялись и пошли в село. Часы показывали двадцать минут второго.

Домой ехали молча. В машине Николай, источал удушающий запах и беспрестанно курил мои сигареты. И снова ему повезло. На дороге он подобрал сильно выпивших мужчину, перезрелого возраста, и совсем юную девушку. Они, воркуя, и осыпая друг друга поцелуями на заднем сидении, доехали с нами до города. За доброту Борисенко получил бешеные деньги, чем окупил потраченный бензин и еще смог купить пару мешков огурцов.

К дому подъехали в начале третьего ночи. Коля проводил меня до подъезда, а то напуганный этой поездкой, я уже боялся собственные тени.

На лоджии, отражая лунный свет, серебрилось лицо жены.

- Вы чего так долго? Я волноваться начала, - крикнула она сверху (мобильных телефонов в то время еще не было).

Первые вопросы, когда я вошел в дом, были до безумия банальны - где я был и где огурцы.

Высыпав на пол с таким трудом доставшиеся два огурца, я подробно рассказал эту мучающую меня до сих пор историю.

Ложиться спать было уже бессмысленно. Я не спеша позавтракал, переоделся и пошел на службу.

Обо всем этом и вспоминать не хочется, и писать стыдно.

Но было такое. Было…

И никогда не забудешь. Никогда.

Больше судьба меня такому испытанию не подвергала.

И не надо.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Кто-кто, а музыканты в этой жизни всегда оптимисты. Особенно духовики. Будь они трижды гражданские или четырежды военные.

Им все в радость.

И не важно, где играть, - впереди армейской колонны, на свадьбе, концерте или похоронах. Главное, что везде платят деньги. Одни - от избытка радости, другие – от невосполнимого горя. Последние же для музыкантов даже как-то ближе и

роднее. Ибо горя на земле куда больше радости и счастья.

Группа слегка подвыпивших музыкантов весело шла с очередных похорон. Что-то шумно обсуждая, они направлялись в приглянувшееся кафе, когда увидели спящую на кладке кирпича маленькую собачку.

- Тихо, мужики, - прошептал трубач, поднимая руку, и достал из футляра свой инструмент, - Всем замереть.

Подкравшись к ней на цыпочках, он вобрал в себя как можно больше воздуха, поднес трубу к пухлым губам и, что было мочи, выдул из нее в ухо бедному животному душераздирающий звук.

Собачка от такой неожиданности взлетела в воздух, подняв вверх взъерошенный хвост, и со свистом выпустила в лицо хозяину природы все содержимое своего кишечника. Трубач от такой неожиданности даже согнулся. Его лицо, грудь и руки были сплошь покрыта каловыми массами, из глаз катились слезы, а изо рта потоком текла слюна.

Веселые музыканты восприняли случившееся с восторгом. Дикий хохот потряс улицу. Редкие прохожие удивленно останавливались, а затем тоже закатывались истерическим смехом.

Видя, что помощи из вне ждать неоткуда, трубач решил не прекращать незапланированное веселье.

Его начало тошнить. Со страшным стоном и ревом из его утробы вырывались наружу полчаса назад съеденные котлеты и винегрет, печенье и конфеты, водка и компот.

Веселье набирало обороты. Многие смеяться уже не могли, а со слезами на глазах стояли и икали. Из окон и лоджий начали выглядывать жильцы домов. Некоторые выходили на улицу узнать, что произошло. А выяснив, принимались вместе со всеми покатываться со смеху. Вскоре весь квартал рокотал, как самолет перед взлетом. Ничего нет слаще и роднее нашему народу, чем боль и страдание ближнего.

Наконец, какая-то старушка вынесла ведро воды и тряпку.

- Сынок, накось умойся. А то тебя скоро вывернет наизнанку. Ишь как разошелся, не остановить. А чего ты весть в говне-то? Али кто помои с балкона вылил? Вижу, что не шаромыжник какой-то. Порядочный человек. Это твой горн валяется? С репетиции, небось, идешь? – тихо ворковала старушка.

Новая волна мощного смеха потрясла микрорайон.

Трубач обреченно махнул рукой.

- Ну, хватит, хватит потешаться. С каждым такое может случиться. Я помню, во время войны наш разведчик вернулся от немцев с «языком», так

столько в штаны наделал, что всю форму потом пришлось выбросить. А это друзья твои? – она махнула в сторону музыкантов, - Плохие они люди. Брось их. Друг в беде познается. А они что?.. Потешаются над тобой. И все. Ты умывайся, умывайся. Я еще воды принесу. И одеколону. А то смердишь ты больно сильно. Жена в дом не пустит. Пиджачок-то сними, дома постираешь. На нем этого добра, ой как много. А то давай его мне. Я замочу и простирну. Завтра зайдешь, заберешь. Я вон в том доме живу, - она показала рукой. - В третьей квартире. Меня тетя Маша зовут.

- Спасибо тетя Маша. Дай вам Бог здоровья. А пиджак я выброшу. Он все равно старый.

Трубач тщательно вытерся, обильно полил на себя одеколоном, взял трубу и, сгорбившись, как старичок, пошел в сторону остановки.

Народ медленно расходился.

- Коля, мы же в кафе хотели зайти, - прокричали сзади друзья.

Не оборачиваясь, трубач грязно выругался, сел в подошедший автобус и уехал.

МУДРОСТЬ НЕ ПОРОК

Служба без приключений не бывает. Обязательно, когда-нибудь, что-нибудь, да случается. В этот раз

молодой мичман Кросовскиий в пьяном состоянии попал в комендатуру. Теперь, сожми зубы и терпи. Терпи, пусть в ногах правды и нет, но надо стоять прилюдно на юте и слушать, как не красиво пить водку, про позор, нанесенный кораблю, о пособничестве отдельными лицами, включая и Кросовского, империализму и, даже, о моральном и генетическом уродстве.

Командир корабля находился в отпуске. Замещал его, разумеется, старший помощник.

После подъема флага личный состав разошелся по местам проворачивания оружия и технических средств. На юте остались офицеры и мичманы. И началась воспитательная работа.

Сочетая патриотические лозунги с площадной бранью, старпом пытался проникнуть в твердь черепной коробки мичмана. Минуты бесконечно долго перерастали в часы. Но словесный понос старшего помощника не заканчивался.

- Родители, школа, флот воспитывали, надеясь, что из вас выйдет толк, - орал он.

- Толк из него и вышел, - удрученно пробормотал доктор.

- Что вы сейчас изрекли мудрого, товарищ начальник медицинской службы? Вы не можете стоять спокойно, - новая волна ярости подкатила к старпому.

- Я говорю, что толк из него вышел.

- Вы так считаете, как секретарь партийной организации или как врач-профессионал?

- И то, и другое.

- Вы не ошиблись в выборе профессии, а мы, избрав вас своим партийным лидером?

- Абсолютно нет. Я подчеркиваю, что толк из этого молодого человека весь вышел, а бестолочь осталась.

- Мудро изъясняетесь, товарищ капитан. И что главное, абсолютно точно. Равняйсь! – скомандовал старпом, - Смирно! Мичману Кросовскому за употребление спиртных напитков на берегу объявляю строгий выговор. Разойдись!

ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

Каждый высокопоставленный начальник на корабле имеет своих соглядатаев. У командира они свои, у замполита другие, у представителя особого отдела - третьи. Многие работали на всех сразу. Как они назывались, - осведомители, информаторы, «шестерки» или еще как-то, это не так важно, главное от них начальники знали, что творится на корабле.

В каюту лейтенанта Жигайло, заместителя командира БЧ-5 по политической части, робко постучали.

- Разрешите, - в каюту крадучись вошел матрос Евсеев.

- Заходи. Что у тебя?

- В тамбуре второго машинного отделения на трубопровод горячей воды повесили бачок с бражкой.

- Кто? – Жигайло сверкнул стеклами очков.

- Я не знаю.

- Говори правду. Я не кому не скажу.

- Я, правда, не знаю

- Хорошо, иди, узнаешь, сообщи.

Лейтенант Жигайло призадумался, - Пьянка на корабле дело опасное. Поднимать раньше времени шум тоже не желательно. Сам потом окажешься крайним. Можно, конечно, пойти и все это вылить. Так заквасят снова и нажрутся. Потом чего-нибудь отчубучат, а мне за это по башке настучат или звание задержат. Надо найти виновников этой затеи. А как? Пойду, посоветуюсь с доктором, - принял решение Жигайло, - он человек опытный, может, что и посоветует.

Начмед, капитан Стихин, лежал в каюте и курил. Все его мысли были направлены в одну сторону: как и куда, свалить с корабля.

- Гена, я к тебе за советом.

- Ну, если политработники ходят за советом к докторам, значит дела у них хреновые. Садись, рассказывай.

- У меня в боевой части пьянка намечается.

Доктор хмыкнул, - Ты предлагаешь мне ее возглавить?

- Не смейся, я серьезно.

- Пойди к большому заму. Он тебе по самые помидоры мозги прочисти, ты сразу и поумнеешь.

- Я этого и боюсь. Если узнает, мне точно несдобровать. А скоро звание получать.

- Хорошо, - Стихин нехотя поднялся, потушил сигарету, - пошли в санчасть. Что-нибудь придумаем.

Достав из шкафчика банку с таблетками, он высыпал их все на ладонь Жигайло.

- На. Растолчешь в стакане, разведешь водой и выльешь в бачок. Понял? Только смотри, чтобы никто не видел. Все твои алкоголики придут ко мне.

- А что это, - испугался Жигайло, - Они не отравятся?

- Не бзди, лягуха. Это пурген, слабительное. Отравится, не отравятся, а срать будут дальше, чем видят.

Сделав все, как велел доктор, Жигайло стал ждать.

Через сутки на построение не вышло шесть годков. Оказалось, что у них сильнейшее расстройство желудка, и они не выходят из гальюна.

Такое наказание возымело успех. Пьянок в боевой части пять больше не было.

Вскоре Жигайло получил старшего лейтенанта. Звание отмечали в самом лучшем ресторане Владивостока. Главным действующим лицом за столом, обильно уставленным водкой, был, разумеется, капитан Стихин.

А негодяи, после назначенного доктором левомицетина, успешно избавились и от хвори, и от пьянки.

Одному работать нельзя. Надорвешься. В одиночку работают киллеры. Только в коллективе можно достичь успеха.

СМЕКАЛКА

Флотские шоферы - особая категория на Военно-морском флоте. У них, по сравнению с боевыми моряками, не служба, а рай. Служат они, если это можно назвать службой, разумеется, на берегу. Те, кого в шоферы взяли с кораблей, служат, как и все моряки, три года, а пришедшие из автобатов - два. Но это все ерунда. Самый большой козырь - это то, что они имеют свободу, хотя и относительную. А свобода для военнослужащего, все равно, что рыбе вода или небо птице.

Те, кто служит в штабах, считается высшей кастой. Во-первых, начальников больших возят. А начальники в плохих машинах не ездят. У этих начальников и масштаб покрупнее. Они вольны поехать туда, вольны сюда. Шофер - их первое доверенное лицо. И прав у этих шоферов, больше, чем обязанностей. В городе они бывают чаще, чем в казарме.

Низшая каста проходит службу на складах, ремонтных мастерских и прочих вспомогательных флотских подразделениях. Здесь уже машины грузовые. Но свобода та же. Тут служат прикомандированные солдаты из автомобильных батальонов. И хотя они продолжают служить в сухопутной форме, демобилизуются только во флотской, со значками «За дальний поход» и «Отличник ВМФ». Престиж флотской формы неоспорим. Она ценится во всех родах войск. Правда, служить на флоте не хочет никто, но бескозырку и расклешенные брюки мечтает одеть каждый.

Рядовой Сергей Шилковский возил командира складов артвооружения полтора года и своей службой очень гордился. До увольнения в запас ему оставалось, без малого, три месяца. Уже и флотскую форму с погонами главного корабельного старшины приготовил, и значки прикупил, и

подарки родственникам. Не хватало только приказа Министра обороны.

С соседним совхозом часть поддерживала хорошие отношения. Уборка или посевная, - директор просит помочь техникой. Своей-то не хватает. За это и совхоз не обижал солдат. Круглый год на их столе были свежие овощи и фрукты.

Послал как-то командир Шилковского в совхоз, а он находился километрах в шести от части, привезти для столовой овощей и фруктов. Быстренько набив свой УАЗик всем, что родит земля крымская, Сергей решил купить шесть литров вина. Три тут же выпил с рабочими, а остальные три повез сослуживцам. Так делали все. Так сделал и он.

В части машину, как на зло, встретил командир, хотя по всем данным он должен был быть на подведении итогов. Слегка пошатываясь, Шилковский вылез из кабины.

- Явился, красавец! – командир ругался редко, но всегда был справедлив. За это личный состав его уважал и слушался. – По какому поводу гуляем? Еще спиртное в машине есть?

- Есть. Три литра, - потупился Шилковский.

- Для кого старался?

- Вам привез, товарищ капитан третьего ранга.

- Я не люблю, когда врут. А когда врут еще и мне, это совсем никуда не годится. Бери свой бутыль и пошли ко мне в кабинет.

Сев за стол, командир закурил.

- Фамилии друзей ты мне не назовешь. Да они мне и не нужны. Я их и так знаю. Чтобы добро зря не пропадало, ты эту заразу сейчас выпьешь сам. За себя и за тех парней. Выпьешь - отпущу с миром спать и все забуду. Не выпьешь, не обессудь, пойдешь дослуживать в родную часть, только предварительно отсидишь десять суток на гауптвахте. А твою флотскую форму, что висит в моем шкафу, я лично, на твоих глазах, сожгу в мусорной яме. Вот тебе стакан. Давай, приступай.

- Товарищ капитан третьего ранга, извините меня. Но я же вино вам привез, - заблеял солдат ягненком, прекрасно понимая, выпить столько вина физически невозможно.

- Шилковский, не зли меня. Так подарки не делаются. Пей! Или я лично, прямо сейчас, отвезу тебя на губу.

Третий стакан Сергей вливал в себя через силу. Но возвращаться в «родной» автобат не хотелось.

Зазвонил телефон. Командир поднял трубку. На той стороне провода кто-то очень быстро говорил.

- Да что вы там без меня решить ничего не можете? Сейчас буду, - он встал, - А ты пей, не стесняйся. Я скоро приду.

Дверь захлопнулась, и в ней повернулся ключ.

Наступила передышка. Шилковский облегченно вздохнул. Его сильно тошнило. Но, обращать на это внимание, не было времени. Хотелось что-то придумать, как избавиться от этого проклятого вина. Раковины в кабинете не было, форточки и цветов тоже, даже пустых бутылок. Весь интерьер состоял из стола, двух стульев, шкафа и сейфа. А время стремительно летело вперед.

Ищущий находит всегда.

Шилковского осенило вылить все это в сапоги. Стараясь не пролить вино на пол, он аккуратно стал переливать его сначала за одну, потом за другую голенищу сапога. Когда последняя капля проклятой жидкости упала в форменную обувь, за дверью послышались шаги. Сергей быстро поставил банку на стол и взял недопитый стакан.

- Как дела, алкоголик?

- Допиваю, товарищ капитан третьего ранга.

Командир недоверчиво посмотрел на пустую банку, потом на солдата, пошарил глазами по кабинету.

- Выпил, говоришь? Ладно, иди, не до тебя сейчас. Еще раз такое повториться, выгоню. Понял?

- Так точно.

Медленно, чтобы не чавкало в сапогах, Шилковский попятился к двери.

Первым делом он побежал в умывальник стирать портянки и мыть сапоги. Сделав это, он с чистой совестью лег спать.

Обо всем, что с ним произошло, Сергей никому ничего не сказал. Боялся огласки.

Подошло время уходить в запас. Получив документы в строевой части, Шилковский зашел к командиру.

- Разрешите, товарищ капитан третьего ранга, - он внес и поставил у стола двенадцатилитровую канистру, - Это вам.

- Что это?

- Вино. Зашел попрощаться. Спасибо вам за все. До свидания.

Командир встал из-за стола, подошел к переодетому в матросскую форму солдату. Подал руку.

- Счастливо тебе, Сережа. Обязательно найди свою дорогу в жизни. И к стакану не привыкай. В нем беда. Большая беда. Неужели ты тогда все вино выпил?

- Нет, - улыбнулся Шилковский, - я его в сапоги вылил.

- Не возникни у меня тогда проблема, я бы, конечно, это раскрутил. Считай, что тебе крупно повезло. Ну, будь здоров! Спасибо за службу. Без отдельных нюансов, служил ты хорошо, - командир похлопал бывшего подчиненного по плечу, -

зеленый тебе свет на дороге и всего самого доброго. Возникнут проблемы, - пиши.

- Спасибо. Будьте тоже здоровы.

Шилковский вышел. На душе скребли кошки.

С первого дня службы хочется, чтобы она быстрее закончилась. Но наступает последний день и слезы сами наворачиваются на глаза. Жизнь снова делает поворот на сто восемьдесят градусов. И если сегодня тебе все ясно и понятно, то, как будет следующим утром, неизвестно.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ПРАЗДНИК

Вася Сметанин пришел домой «на бровях» далеко за полночь. От шума и грохота его раздеванья, проснулась вся семья.

- Какая сегодня у тебя была причина так набраться? – нервно спросила жена.

- Звание обмывал.

- Ты это звание обмываешь третью неделю, - жена горько всхлипнула.

- Сколько надо, столько и буду обмывать, - сказал серьезно Вася, снимая ботинок, – это у офицеров, два-три года – звание, а у нас, мичманов, звание старший мичман дается один раз в жизни. И чтобы погоны крепко на плечах держались, их требуется хорошо обмыть. Поняла? - потеряв равновесие он,

зацепил стоящий у стенки велосипед и упал навзничь.

- Паразит, - заорала жена, - весь дом на ноги поднял. И когда уже подавишься этой водкой? Мучитель!

- Заткнись, дура, - Василий попытался подняться.

- Я тебе сейчас заткнусь, алкоголик проклятый, - она наотмашь ударила мужа кулаком в глаз, - Смерти моей хочешь, сволочь? Умру, так на следующий день женишься, да?

- За это не волнуйся. Пару недель отдохну, погуляю. Потом …

Второй хлесткий удар свалил Сметанина на пол. Встать после него он уже не смог. Так и уснул у порога на полу.

Проснулся Василий, когда за окном было еще темно. Из формы одежды на нем не хватало только одного ботинка и фуражки. Но они лежали рядом с ним. Обувшись, он зашел в ванную и поглядел на себя в зеркало.

- Ничего себе, кто это так меня? – он потрогал синяки под глазами, - Интересно, жена меня видела? А то опять будет скандал.

Он тихо открыл дверь и вышел. Утренняя прохлада несла свежесть и бодрость. Сметанин медленно брел на корабль.

- Любопытно, а какой сегодня день? - попытался вспомнить он, но не мог, - Да какая разница? Звание не каждый день дают.

ТРАГЕДИЯ

Корабли Амурской дивизии речных кораблей базировались на реках Амур и Аргунь по всей границы СССР с Китаем. Это – морские пограничники. Их задача – не допустить проникновение нарушителя на территорию СССР и погасить, если возникнет, вооруженный конфликт. В те далекие времена такое случалось довольно часто.

Служба нигде не бывает легкой. Но здесь преимущества были.

Жили офицеры и мичмана в поселках, расположенных от мест службы в трех до пяти километрах.

Вокруг непроходимая тайга. Места ягодные, грибные. А кедрового ореха - грызть не перегрызть. В лесу зверя, птицы - видимо-невидимо. И за рыбой далеко ходить не надо, - речка за бортом.

Матросу Старохват пришло извещение на получение посылки. Родители часто баловали сына чем- то вкусненьким. Ребенок-то, единственный.

Матрос у командования числился на хорошем счету. Да и до поселка, рукой подать. Каких-то пару километров. Чего не сходить, если и срок службы позволяет, и командир отпускает. По этому маршруту он ходил не один десяток раз.

До поселка Старохват доехал на штабной машине.

Получив посылку, на корабль сразу не пошел. Куда спешить? Времени до вечера много. Можно и девочку знакомую навестить, и мороженое в кафе поесть, и по магазинам прошвырнуться. Да и воздухом свободы подышать не мешает. Ведь не часто у моряка выпадает свободный день.

Только на вечерней проверке выяснилось, что старший матрос Старохват отсутствует на борту. В штаб о случившемся сообщили сразу. Иначе нельзя. Граница рядом.

Поиски в поселке ничего не дали. Да, видели там-то и там-то. Но в районе шестнадцати часов он шел по дороге, ведущей из поселка в сторону границы. Больше сведений о нем не было.

Весь свободный от вахты личный состав бригады, с автоматами и мощными фонарями, выстроившись в шеренгу, начал прочесывать лес по обе стороны дороги.

Через минут тридцать, в двадцати метрах от дороги и пятистах от поселка, обнаружили тело Старохвата. Да и телом это было назвать трудно. В радиусе десяти метров валялись куски

растерзанного моряка. Все вокруг залито кровью. Распотрошенная посылка валялась тут же.

Видимо Старохвату нетерпелось посмотреть, что в этот раз ему прислали родители. Углубившись в лес и занявшись вскрытием посылки, он не услышал, как сзади подкрался тигр. Что было дальше, представить не сложно.

Оргвыводы не заставили долго ждать. Сняли командира, запретили пешее передвижение по дорогам, но этим жизнь моряку не вернули.

АНАЛИТИК

Только когда корабль встает на ремонт в завод, моряк начинает понимать, что военно-морская служба бывает без тягот и лишений. Эскадренный миноносец «Благородный», обогнув матушку-Европу, пришел на капитальный ремонт в Кронштадт. Служба стала тягуча, как резина, - и порвать нельзя, и дальше растянуть невозможно. Зато жизнь забила ключом. Берег-то, вот он - за трапом.

Ремонт, несущий за собой травматизм личного состава еще и не думал начинаться, но три месяца дремотной службы вдруг взяли, и начали беспокоить медицинскую службу. За две недели четверо моряков были госпитализированы с

неприятным для начмеда диагнозом «Вирусный гепатит». Причем на рядом стоящих кораблях: крейсере «Октябрьская революция» и БПК «Адмирал Исаченков» появились подобные больные.

И начальник медицинской службы задумался. Выработанный годами службы стереотип: работать так, чтобы не работать, начал шевелить его мозги. Воду, как источник заразы, он исключил сразу. Тогда бы заболело, как минимум, половина экипажа. Работники продпищеблока тоже исключались. Они обследованы и не могли быть резервуаром инфекции. Тогда что?

Доктор вышел на ют. Хмурое, зимнее, сырое ленинградское утро настойчиво лезло под куртку. Настроение соответствовало погоде.

Закурив сигарету, доктор облокотился на леера.

- Пирожки, горячие пирожки! – послышался призывный голос продавщицы заводской столовой, экипированной во все зимнее, - Мальчики, быстренько подходим. Покупаем горячие пирожочки.

С кораблей по трапам потянулись вереницы моряков.

- Вот оно откуда, - осенило доктора, - Мясные объедки со столов идут на вторичную переработку, на начинку для пирожков. Мясо же, просто-

напросто, воруют. А моряк съел этот пирожок и … на госпитальную койку.

Найдя истину, доктор прошел все инстанции, начиная от командира и кончая санэпидстанцией, доказал свою правоту и облегченно вздохнул.

Пирожки больше не продавались. И желтуха ушла сама собой. Можно было дальше продолжать службу не напрягаясь.

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Море всегда разно и непредсказуемо. Оно бывает спокойно и нежно, как спящее дитя. А то на что-то рассердится и становится буйно, зло и жестоко, словно разъяренный зверь. Если все это можно назвать красотой, то тогда оно очень красиво в своем безбрежном величии. Но самое красивое море – Адриатическое. Божественно красиво! Его бирюзовая гладь очаровывает, успокаивает и притягивает. В его бездонность можно смотреть вечно.

Военный корабль стоял на якоре, отражая в воде свою мощь и величие. Именно это их и роднило с морем. Ведь сильные растворяются в красоте, а красота боготворит силу.

Наступила ночь. Огромная луна, разбрасывая дорожкой свой серебристый свет, подобно

рентгеновским лучам просвечивала толщу воды, казалось, до самого дна.

Корабль мирно дремал. Утром ему предстояло идти с визитом в порт Югославии.

Вахтенный офицер скучающе бродил по мостику, осматривая водную поверхность.

Остановившись у правого борта, он равнодушно уставился на лунную дорожку. Хотелось спать, но до окончания вахты оставалось еще полтора часа.

Вдруг что-то необычное привлекло его внимание. Он пригляделся внимательнее. В толще воды, освещенной лунным светом, он увидел продолговатый темный предмет, медленно движущийся в сторону корабля. Офицер бросился к ВЦУЗу (оптический визир для целеуказываний). В размытом водой силуэте угадывалась малоразмерная подводная лодка. Струйки холодно пота потекли по его спине.

До берегов Италии несколько десятков миль. А Италия, как известно, исстари славится своими подводными диверсионными силами. Вдруг провокация или, упаси Бог, война. Такое история помнит.

- Сигнальщик, быстро буди командира! По правому борту неопознанная малоразмерная подводная лодка! Движется в сторону корабля! – во всю мощь голосовых связок заорал вахтенный

офицер, объявляя по кораблю колоколами громкого боя и по трансляции «Боевую тревогу».

Спящий корабль мгновенно превратился в боевую слаженную машину. Торпедные аппараты, ракетно–бомбовые и артиллерийские установки были развернуты в сторону противника. Пальцы ждали команду «Огонь».

Подводная лодка насторожилась. Она тоже имеет уши. На мгновенье ее тело замерло. Затем она, резко погрузившись в бездонную пучину, пошла в сторону берега.

Что это было, проверка бдительности или запланированная военная операция, можно только гадать. Но и то, и другое у противника не получилось.

Помогла Луна? Может быть.

Но советских моряков всегда отличала высокая бдительность, профессионализм и боевое мастерство.

Вскоре грудь офицера украсила медаль «За боевые заслуги».

Красотой моря можно восторгаться и любоваться только с берега. В дали же от него, она мешает и расслабляет.

БЕССОНИЦА

Дверь каюты открылась с таким грохотом, что проснуться мог даже мертвый.

- Кто это там до сих пор не научился открывать дверь? – сонно пробормотал начмед, включая ночник.

- Доктор, вставай. Требуется твоя помощь, - раздался голос старпома. Ему отчего-то не спалось.

Доктор быстро соскочил с койки.

- Что случилось?

- Вот, - старпом впихнул в каюту трех моряков, - у годков бессонница. Им весело. Надо их успокоить. Дай им таблетку.

- Может их проще убить, - попытался отшутиться врач. Ему не хотелось прерывать сон.

- Одевайся. А то я тебя самого сейчас убью.

Через пару минут все были в санчасти.

Порывшись в шкафу, доктор дал каждому весельчаку по три таблетки.

- Идите, сейчас полегчает.

Моряки вышли.

Старпом сидел в кресле и курил.

- Николаевич, ну ее в трещину, пойдемте спать. Время вон двадцать пять минут третьего.

- Что ты им дал? – не обращая на начмеда внимание, спросил старпом.

- Слабительное. Спать они теперь точно не будут, но и веселиться тоже.

- Вот за что я тебя люблю, доктор, так это за находчивость. Хотя ты и садист.

- Садист не я, а вы. Человек спит, а вы его по пустякам будите. Вам то, что не спиться?

- Служба у меня такая. Много не поспишь. Не то, что у вас, докторов. Сутками харю давите.

- Профессию надо выбирать смолоду, - гордо изрек начмед, закрывая санчасть и направляясь доспать в каюту.

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Николай Тикулев пришел в военкомат ровно через месяц, после очередного призыва допризывников в армию.

Дежурный, прочитав повестку, слегка покраснел.

- Ты где был, чучело?

Тикулев, маленький, худой, но верткий и хитрый юноша, молчал. Он в это время усиленно гулял у дядьки во Владимирской области. Гулял лихо, купаясь в самогоне, любви местных колхозных девушек и прохладе утренних, туманных рассветов.

Загасив пылкий, рвущийся наружу жар дурной юношеской страсти, он, в бреду жуткого похмелья,

вдруг вспомнил о повестке в военкомат. В животе стало холодно. А вдруг посадят?

- Так, где ты был, ошибка генетики?

- Дядя болел, - Николай стыдливо опустил голову.

- Он умер?

- Кто? – Тикулев от неожиданности даже вздрогнул.

- Конь в пальто! Дядя твой.

- Нет, - неуверенно произнес он.

- А тетя у дяди есть?

- Есть.

- И где же она? Тоже больна? – продолжал пытать дежурный.

- Нет, она уехала к дочери в Саратов.

- Интересно получается. Дядя корчится в предсмертных муках. Она бросает его на произвол судьбы, то есть на тебя, и уезжает со спокойным сердцем в город на Волге. А племяш, проклиная судьбу, кормит дядюшку с ложки, стирает за ним и подкладывает судна. Так!? – заорал дежурный, и оконные стекла жалобно зазвенели.

От страха капелька мочи непроизвольно стекла в Колины трусы, в глазах начало темнеть и крупные капли пота заструились по лбу.

- Ну что, дорогой товарищ, сейчас я звоню в военную прокуратуру, - дежурный снял телефонную трубку, - Приедут солдатики с автоматиками и заберут тебя, сынок, в

следственный изолятор. С этой минуты слово «товарищ» для тебя станем запретным. Начинай привыкать к слову «гражданин». Потом будет следствие. Не волнуйся. Оно продлиться не долго. Потом, короткая, как выстрел команда: «Встать! Суд идет!». За уклонение от воинской службы дадут тебе всего лишь, лет семь-десять колонии строгого режима. И поедешь ты в солнечный Магадан золотишко мыть или урановую руду добывать. Понял?!! – опять рявкнул дежурный.

Вот тут Николай струхнул не на шутку. Перспектива вырисовывалась удручающей. Его затошнило, глаза покрыла пелена тумана и, как подкошенный, он рухнул к ногам дежурного.

- Эй, воин, - дежурный, наклонившись, брызгал водой на бледного Тикулева, - Ты здоровьем не в дядьку пошел? Давай-ка полежи на диване, а я пока к военкому схожу. Он вышел. Не было его минут сорок. За это время Тикулев пришел в себя. Даже выходил на улицу покурить.

Из глубины коридора раздался истошный вопль дежурного, - Тикулев, прыжками к военкому.

Седовласый подполковник сидел за огромным столом. Перед ним лежало раскрытое Дело допризывника Тикулева.

- Сядь. А то упадешь опять, как целка-институтка. Дыши потом тебе рот в рот. Чем дядька болеет,

сифилисом или алкоголизмом? – подполковник прошил Николая рентгеновским взглядом.

- У него это… - он не мог сразу вспомнить, какие бывают болезни, - с желудком что-то. А еще чиряк на спине вскочил.

- Вскакивает кабель на суку. Как ты мог бросить такого больного дядю? – хмыкнул подполковник в усы, - Ты же его с таким серьезным диагнозом, буквально, умирать оставил, а сам служить пошел. Может мне отпустить тебя доглядывать за родственником? – военком снова пронизывающе посмотрел на призывника.

Николай задницей почувствовал подвох в вопросе и, опустив голову, еле слышно прошептал, - Я хочу служить.

- Получается так, что на дядю тебе наплевать? Родина выходит роднее, дороже?

- Да, - выдохнул Коля, вытирая со лба пот.

- Куда ты у нас идешь служить? – листая Дело, военком поглядел на Тикулева. Его взгляд остановился на левой кисти юноши. На ней синел якорь.

- В ракетные войска, - решил подсказать Николай, понимая, что туча уходит за горизонт.

- В ракетные войска, говоришь? А вот хер тебе по всей морде! Нам нервы вымотал, сам нагулялся до икотки, якорь себе наколол! Два года решил просочковать? Не выйдет! – визжал подполковник,

брызжа на Тикулева слюной, - Пойдешь на флот! На три года!!! Моли Бога, что в тюрьму не посадили. Вячеслав Николаевич, - крикнул он дежурному, - готовьте предписание и проездные на это чудо в Североморск. Пусть свой якорь теперь в северных морях пополощет. Отправить его вечерним поездом! С территории военкомата не выходить! - теперь говорил, как чеканил, военком Тикулеву, - Выйдешь, посажу. Лет на десять. Если в пути что-то совершишь, пеняй на себя. Двадцать лет жизни в клеточку я тебе обещаю! Понял меня?

- Понял, - прошептал Николай, готовый снова упасть в обморок.

- Если понял, пошел вон отсюда! Вячеслав Николаевич, паспорт и все документы у него изымите, - приказал он дежурному.

Вечером, стуча колесами, поезд мчал будущего моряка к берегам Баренцева моря.

В пути крепче чая он пить остерегался. А вдруг снова перемкнет. Тогда уж точно посадят.

БОЧКОВОЙ

Бочковой!

Те, кто служил срочную, суровую службу на флоте, прочитав это слово, вздрогнут. Ибо каждый прошел через это чистилище, будучи молодым матросом.

Тем, кто представляет себе флот, как нечто романтическое или в лучшем случае, судят по картинам Айвазовского и других маринистов, скажу, что бочковой – это тот, кто на камбузе получает пищу в бочках для своего отделения утром, в обед, вечером и на вечерний чай. Делать все это надо не быстро, а только стремительно. Потому как «годки» флота на нерасторопность молодого моряка могут сильно обидеться.

Бывает и такое, конечно, когда высокое начальство сильно сердится на кого-то из «годков» и заставляет их бочковать. Зрелище это потрясающее и, главное, очень редкое. Такое лишь можно сравнить со встречей снежного барса в пустыни или инопланетянина в собственном туалете. Вид несчастного, идущего на казнь, выглядит куда веселее.

Представьте, по левому шкафуту с лицом, выражающим всю скорбь Земли, медленно идет «годок» с бочком и чайником. Это его вселенский позор! Унижение! Падение на самое дно в глазах сослуживцев и, прежде всего, в собственных глазах. И только мучительная смерть кажется ему выходом из всего этого кошмара. Но он идет судьбе назло. Ведь за этим зрелищем наблюдает не одна пара глаз ненавистных начальников. Наконец ноги его приносят на камбуз. Бестолково гомонящая

молодежь замолкает и расступается перед заслуженным человеком.

- На двенадцать человек, - выдавливает он из себя и также медленно, с бочком и чайником идет назад. В тамбуре его уже ждет молодой матрос, который подобострастно все у него забирает и пулей несется в кубрик.

Но такое бывает очень редко. И, слава Богу. А то бы все «годки» самоустранились.

Матрос Тикулев, малое кривоногое существо, волей злой судьбы попавшее служить на флот, со скоростью света принес в кубрик бочок с первым и умчался за вторым. Сегодня это была гороховая каша с тушенкой.

Схватив крышку с обжигающей кашей, он понесся по шкафуту.

Мудрые глаголют: «Торопись не торопясь». Но матрос Тикулев из народного эпоса знал только мат.

Поскользнувшись о балясину, он во весь свой маленький рост растянулся на палубе. Раскаленная каша разлилась по рукам, груди и лицу.

С ожогами второй степени его принесли в санчасть. Три недели он лежал на больничной койке. Три недели он ощущал себя в раю.

Но и они прошли.

Началось все то же самое.

С возрастом статус его менялся. Теперь уже новые молодые матросы летали по шкафуту с бочками, разнося первое, второе и компот.

Повзрослев, Николай остался все таким же разгильдяем. И не раз можно было видеть «подгодка», а потом и «годка» Тикулева медленно идущего с бочком и чайником по шкафуту.

ДОРОГИ СЧАСТЬЯ

Старпом с дежурным по кораблю стояли у трапа, ожидая прибытия уволенных на берег моряков.

Пришли все, кроме старшего матроса Сабиева.

До окончания увольнения оставалась минута, когда у КПП с визгом остановилось такси. Из него вывалился пьяный «в доску» матрос. К кораблю он бежал, выписывая синусоиду и низко нагнув голову.

- Сабиев, почему прибыл в таком состоянии?

- Я выпил только пиво.

- Я спрашиваю, почему нажрался, как свинья?

- Я не свинья, а человек.

- Да-а-а. Очень жаль, что Бог, сделав человека, не запатентовал свое изобретение. Теперь каждая пьяная обезьяна мнит себя хозяином природы. Еще раз задаю вопрос, для особо одаренных: «Почему прибыли на корабль в нетрезвом состоянии?»

- У меня уважительная причина. Я женюсь.

- Вот как! Повезло будущей супруге, алкоголика нашла. Счастье-то, какое привалило! А жениться ты у меня будешь не скоро. Понял? – истерически закричал старпом, - Завтра отправишься на десять суток «отдыхать» на гарнизонную гауптвахту. А потом еще месяц минимум, - старпом поднял наставительно палец, - без берега. Затем полгода боевая. Так что о береге и женитьбе теперь забудь до самой демобилизации. За это время девушка найдет себе другого. Непьющего. Дежурный, в карцер его! Пусть там до утра проспится. Да обыщите, чтобы вены себе не вскрыл от пьяного горя и на шнурках не повесился.

- Товарищ капитан лейтенант, - загнусавил Сабиев, - мы уже заявление в ЗАГС подали. Свадьба через две недели.

- Пропил ты свою свадьбу. Завтра придет замполит, ему и будешь сопли на погоны вешать. Он это любит. Авось и простит. А сейчас, марш отсюда! Не нервируй меня. А то не посмотрю, что ночь, вызову машину и отвезу на «губу». Понял?

Пока Сабиев прибывал на гауптвахте, родственники невесты атаковали корабельное начальство.

И свадьба состоялась.

Через год молодые благополучно родили ребенка и… развелись. Муж оказался пьяницей. Любовь то ли глупа, то ли слепа, то ли безрассудна.

Бывший супруг поехал допивать свое горе в Башкирию, а оставленная жена на вырученные от сдачи бутылок деньги, купила себе шубу. Ребенка забрала бабушка. Тем все и утешились. Один ищет счастье на дне бутылки, а другая – новыми его поисками на дискотеках и в барах.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Гена Слепцов вошел в каюту соседа, Вали Белого.

- Ты домой идешь? – спросил он.

- Да. Сейчас быстренько переоденусь. И пойдем. Подожди секундочку.

- У тебя пару рублей есть?

- Да. А зачем?

- Зайдем в Дом офицеров. Пива попьем.

- А ты что, без денег? Три дня назад получка была.

- Понимаешь, жена как с цепи срывается при виде денег. Покупает все подряд. Надо, не надо, - все берет. А потом месяц палец сосем. Даже не знаю, что с ней делать. Хоть давай ей их по частям, - Гена понуро склонил голову.

- Я тебе совет хороший дам. Ты каждую ее покупку обмывай. Правда, сопьешься быстро. Но покупок станет явно меньше.

- Тебе хорошо смеяться. У тебя нормальная жена.

- Не переживай, Геныч. Нормальных жен нет. Они все с причудами. Это до ЗАГСа они кажутся умными. А потом…, - Белый махнул рукой, - Пошли уже, несчастный. А то еще слезу пустишь. Сходить на берег надо быстро, а то у начальства со скуки взыграет фантазия и заторчим здесь, как слива в заднице.

Приятели быстро сбежали по трапу и направились к городу.

Воздух свободы рассеивал грусть и поднимал настроение.

МОРАЛЬНЫЙ УРОД

Чего больше в нашем мире? Добра или зла, хорошего или плохого, светлого или темного, богатых или бедных, умных или дураков? Философы утверждают, что мы живем, хотя, скорее всего, существуем, в тесном единстве всех этих противоположностей.

Врут или правда?

А если врут?

Или, все-таки, правда?

Дураков явно больше, это точно. И бедных больше. Да и злых тоже. А в остальном, наверное, все поровну.

Очень плохо, когда командир дурак. Все, вроде бы, нормальные, а этот – моральный урод. Он никого не любит, и его все ненавидят. Случись война, так не одна пуля вошла бы в его стриженый затылок. И никто не понес бы его, рискуя собственной жизнью с поля боя. Оставили бы сдыхать. И руку потом, в гражданской жизни, никто не подаст. И три рубля не займет.

Но это потом.

Сейчас же он Король, вершитель судеб, «отец» родной! Но переодень его в форму СС, - вылитый фашист: худой, дергающийся и ненавидящий людей.

Строевой смотр офицеров и мичманов сторожевого корабля проходил, как и все на этом корабле, в нервной обстановке.

Вадим Бодашин шел вдоль строя, умиляясь своей властью, волей и дурью. Останавливаясь перед офицером или мичманом, он зло, с ненавистью и презрением смотрел ему в глаза.

- Старшина команды радиометристов БИП мичман Козлов, - представлялась жертва.

- Значит, козлов?

- Так точно.

- Хорошо-о-о! – тик удовольствия бежал по его щеке.

- Старшина команды торпедистов, мичман Баранов.

- Значит, баранов?

- Так точно!

- От-лично! – акцентируя шутку и ища блюдолизов, он глазами щупал строй.

Лишь только троим было очень весело. Все остальные смотрели куда-то в сторону, явно презирая гримасы лицедея.

- Командир батареи лейтенант Мушко.

- Вам бы, лейтенант, пошла больше фамилия Ослов. У нас уже есть, кому возглавить баранов и козлов, а вам бы я доверил ослов, - впалые щеки сморщились, обнажив прокуренные желтые зубы, – Вы, почему не стрижены, товарищ лейтенант? Объявляю вам выговор.

- Командир БЧ-2 капитан-лейтенант Убийвовк.

Щека командира конвульсивно дернулась в нервной улыбке. Этого человека он откровенно побаивался.

- Владимир Иванович, вы видели, что ваш подчиненный не стрижен?

- Устраним, - шевельнув рыжими усами, ответил Убийвовк, даже не взглянув на Бодашина.

- Уж, устраните, будьте так любезны.

Командир БУ-2 презрительно промолчал.

А высокий начальник шел дальше, веселя себя и шестерок-фискалов.

Не часто, но такое в жизни бывает. А не должно быть. Ибо такие особи способны лишь калечить судьбы других.

О, великие начальники! Прежде чем поставить свою подпись под приказом о выдвижении кого-либо на руководящую должность, не сочтите за труд, поинтересуйтесь, а не скотина ли это в человеческом обличии. Ищите людей среди людей. И всем станет жить легче, спокойней и лучше.

РАСПЛАТА ЗА ЯЗЫК

На пятом месяце боевой службы помощник командира корабля по снабжению занемог желудком. Появились рези в эпигастральной области, изжога, отрыжка и даже, как не странно, отвращение к пищи

- Товарищ командир, - за ужином помощник обратился к Всевышнему, - у меня желудок болит. Доктор таблетки дает, а они не помогают. А больше у него ничего нет. Что мне делать?

- Доктор, в чем дело? – командир устремляет свой взор на начмеда.

- Помощник, а ты не хочешь командиру сказать, от чего твой живот болит? – доктор ненавидяще

смотрит на старшего лейтенанта, - Поделись. Я думаю, всем будет это очень интересно.

Помощник густо краснеет.

- Все его боли, товарищ командир, от излишка в употреблении шоколадных конфет. А чтобы никто об этом не знал, конфеты он ест вместе с фольгой и фантиками. Это от них у него изжога и боли.

- Все так, помощник, или доктор опять что-то путает?

- Не правда, я конфеты ем без фольги.

- А где вы их берете? Неужели купили в иностранном порту? В это поверить никак невозможно, - зло поинтересовался командир.

- Воруешь у экипажа, помощник? – старпом, лишенный дипломатических приемов, называет вещи своими именами.

Командир начинает краснеть, - Действительно, что-то я не припоминаю, чтобы последние три месяца на столе у нас, о личном составе я уже не говорю, были конфеты и печенье. Где они? Может крысы съели? Я вас слушаю, товарищ старший лейтенант.

- Все на месте, товарищ командир. Выдаем по праздникам.

- По конфете на человека? А какие у нас на боевой службе были праздники?

- День Военно-морского флота.

- И все? Не густо. Старпом, тщательным образом поверьте нашу продовольственную службу. Возьмите обязательно в комиссию доктора. Коль он не умеет лечить, пусть проявит себя на другом поприще. Не забудьте и нашего секретаря комитета комсомола. А то он от чрезмерного сна опухать начал. Еще кого-то из мичманов привлеките. Пусть проверят по накладным, сколько чего получили, сколько израсходовали, и что осталось в наличии. Акт мне представить через неделю. Задача ясна?

- Так точно, - чеканит старпом и поворачивается к начмеду, - Понял, доктор? Помощника ты не любишь, значит, проверишь хорошо, – старпом злорадно ухмыляется, - Чтобы семь дней я тебя не видел на верхней палубе. Теперь твое место, - он делает паузу, - ниже ватерлинии, то есть в кладовой.

- Вместе с вами, хоть на край света, - пытается равнодушно отшутиться доктор, но на душе скребут кошки.

Офицеры улыбается. Им всегда приятно видеть расправу над краснопогонным врачевателем.

Промолчи или скажи об этом как-то иначе, и не было бы этой долбаной проверки. А теперь сиди в холодной провизионке, взвешивай макароны, считай банки и пиши акт. Старпом же этого делать не будет.

Правильно старые люди говорят: «Язык мой, враг мой».

ЖИЗНЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

- Мужики, вчера ходил в баню! Помылся, попарился… Удовольствия – выше крыши. Не то, что у нас на корабле, - грязь размазал и все. Даже флагманские специалисты ходят. Кстати, и твой, доктор, начальник тоже был, - помощник по снабжению излучал чистоту и, отбрасывая глянцевой кожей на переборку зайчиков, с аппетитом хрустел салатом. – Нам тоже надо ходить. Столько наслаждений получаешь! Не любим мы себя. А начальники любят.

- Чистота, наслаждение, удовольствие – это хорошо, это замечательно. И полюбить бы себя не плохо. А в баню, действительно, надо сходить. Пушкина с собой возьму. Да, да, Саня, с пивом, конечно. Ты жуй тщательно и молчи, а то подавишься. Предугадываю твой вопрос: «А «шило»? Нет. «Шила» не будет. Баня не кабак. Там моются, а не пьют, - доктор не мог не отреагировать на реплику помощника, - Что еще хочу добавить. Но только для тебя, помощник. Первое, – в бане начальников нет, там все равны, потому как голые. И второе. Все начальники моются в саунах и с

девочками. Так что, помощник, не путай реалии жизни с иллюзией. Опыт и привычки приходит с годами.

КОМАНДИРОВКА

Город Николаев, с самого своего рождения был и, надеюсь, останется столицей судостроения военного надводного флота. История, правда, помнит, когда со стапелей сходили и подводные лодки. Но это было давно и не очень долго.

Практически все большие корабли Советского Союза созданы мозолистыми руками николаевских корабелов. Заводы, буквально, кишили от военных кораблей, которые строились здесь, ремонтировались и модернизировались.
Командир бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей, с подчиненным ему штабом, делали все, чтобы экипажи, заселявшиеся на новые корабли, могли грамотно, без аварий и поломок, эксплуатировать новое оружие и технику, а на ремонтирующихся – не разучился это делать.

Бригада готовилась к приему личного состава с Северного флота для нового авианесущего крейсера. Кораблей такого проекта еще не было. А это, естественно, требовало изменений в системе работы штаба, методике подготовки экипажа по

специальности и разработке абсолютно новой документации. Поэтому вызов командира бригады в штаб Военно-морского флота был закономерен и ожидаем.

Надо сказать, что у самых высоких военных начальников штатом предусмотрены адъютанты, у начальников же рангом пониже, типа командиров дивизий или бригад, таких преимуществ нет. Поэтому они вынуждены (слово-то какое жалостливое) брать с собой в дальние командировки здорового, крепкого и надежного мичмана. А как без него? Он и отнесет, и принесет, и организует, и сбегает, и приведет, и отведет, и еще много чего, что не поручишь офицеру. Офицера в училище учат думать. От этого из них часто и получаются вольнодумцы. А это - криминал. Потом они способны к анализу. На службе такое вообще недопустимо. Так что мичман – лицо незаменимое. И живет он одним днем, и не думает, и, тем более, не анализирует.

Москва встретила героев-черноморцев пронизывающим ветром и минусовой температурой, что у южан считается почти стихийным бедствием. Уши сворачивались в трубочку, а кончики носа медленно превращались в сосульку. Фуражки, одетые для форса, пришлось нести в руках, ибо бродяга-ветер все время пытался

сорвать их с головы и покатать по заснеженному летному полю.

Получив вещи, моряки вышли на привокзальную площадь. Сизый смог из отяжелевшего пара и выхлопных газов висел над толпой, ожидающей транспорта.

Из толпы вынырнул шустрый, вертлявый мужичок. Такие сразу видят своих клиентов.

- Отцы – командиры, до столицы с ветерком, не желаете? Вам куда ехать? – скороговоркой проговорил он.

- Гостиница «Украина», - выдохнул клубы пара, пророкотал комбриг.

- Четвертной, и вы не заметите, как приедем.

- Не многовато ли?

- Командир, если довезу плохо, денег можешь мне вообще не давать. А понравится, еще червонец добавишь. Договорились?

- Поехали уже. А то тут у вас можно замерзнуть насмерть.

Комбриг сел рядом с шофером (этим как раз отличается военные начальники, от начальников гражданских, Последние располагаются только на заднем сидении), сзади, с «дипломатом» и огромным тубусом, напичканным картами и схемами, разместился мичман.

В машине было жарко. Комбриг, устроившись поудобнее, вытянул ноги, расстегнул шинель, а фуражку и кашне передал назад мичману.

Выйдя на трассу, машина стала набирать скорость. Когда стрелка спидометра стала приближаться к ста тридцати, комбриг прохрипел, - А чуть тише, никак нельзя?

- Если я буду ползти, как черепаха, моя семья умрет с голоду, - засмеялся водитель, вдавливая педаль газа до отказа. Стрелка стала ползти дальше. Комбриг съежился. Кисть, сжимающая ручку над дверью, мертвенно побелела. Он закрыл глаза, прощаясь с жизнью и, казалось, перестал дышать. Мичман сполз на пол, накрывшись тубусом и «дипломатом».

В салоне пел Боярский про скрип потертого седла, старую рану и безнравственность путешествия. Шофер искусно насвистывал, а порой и подпевал певцу.

Жутко взвизгнув тормозами, машина остановилась.

- Товарищи военные, просыпаемся. Гостиница «Украина».

Комбриг с большим трудом оторвал кисть от ручки.

- Слава Богу, не разбились, - проворчал он, – Вот тебе обещанные двадцать пять и еще четвертной за отличную езду. Сейчас ты сбегаешь в магазин,

купишь хорошего коньяка, грамм двести колбаски и лимон. Про стаканчики не забудь. Сдачу заберешь себе. А то ноги у меня что-то не слушаются.

Через пять минут тягучий напиток возвращал черноморцев к жизни. А еще через минуту они стояли на пронизывающем ветре и с наслаждением курили, хотя к курению комбриг относился очень отрицательно.

- Обратно на автобусе поедем. После такой езды жить жутко хочется. Ну, все, - комбриг глубоко вздохнул ледяной воздух, - пошли устраиваться. Завтра весь день таскаться по кабинетам и говорить об одном и том же. Надо выглядеть респектабельно.

МЕДОСМОТР

Медицинская комиссия на призывном пункте – еще один шаг будущего защитника Отчизны в неизвестность.

Терапевт, окулист, ЛОР и другие медицинские светила сидят по кабинетам, решая судьбу призывника.

Их вердикт, как правило, один, - Здоров. Годен и далее стоят цифры, определяющие тот или иной род войск.

К каждому специалисту очередь молодых, дышащих здоровьем и, даже перегаром, людей.

Сейчас их задача как можно быстрее выйти из дверей призывного пункта и еще раз хлебнуть терпкого воздуха свободы.

В кабинет хирурга вошел очередной призывник. Доктор, отмеченный сединой на висках, и молоденькая симпатичная медсестричка встречают вошедшего, как родного сына.

Хирург, деловито взглянув на юношу, спрашивает фамилию и, как бы, между прочим, интересуется: «Жалобы на здоровье есть?».

- Спина иногда побаливает.

- Подойти ближе, - доктор проводит рукой по голове и позвоночнику, смотрит руки, ноги и стопы. – Хорошо. Ляг на кушетку, – это осмотр живота, – Встал и спустил трусы. Ниже. До колен, - командует хирург.

В это время сестра от медицины косит взглядом в сторону детородного мужского органа, сравнивая его с предыдущими. А этих предыдущих за день было ой как много. И что главное, есть с чем сравнивать. Она еще умудряется писать в медицинскую карту все, что говорит врач.

Осмотрев мошонку и паховые каналы, доктор командует дальше, - Повернулся ко мне спиной, нагнулся и раздвинул ягодицы. Шире, шире.

Здоров. Годен. Одевайся, - говорит он в сторону раздвинутых ягодиц.

Юноша натягивает трусы.

- Все это, доктор, можно было бы сказать мне прямо в лицо, - произносит раскрасневшийся допризывник.

- Остряк? – хирург на своем веку и слышал, и видел многое. - Именно такие и нужны нашему флоту. За три года, если не разучишься шутить, юмористом станешь. Это я тебе уже в лицо говорю.

НОЧНОЙ ДРУГ

Три часа ночи.

Телефон голосит, как ненормальный.

- Это тебя. Вставай, а то весь дом разбудим, - сонно произносит жена, переворачиваясь на другой бок.

Я, шлепая по коридору босыми ногами и с закрытыми глазами, бреду на кухню к телефону. – Але! Слушаю вас!

- Саша, ты? – кричит радостный голос.

- Я.

- Ты что, друзей не узнаешь?

- У меня в такое время может быть только три друга: Ленин, Маркс и Энгельс. Но один картавит, а двое других по-русски не говорят. Так что вы ни к одному из них не относитесь.

- Ха-ха-ха! Ты все такой же баламут, - и в трубке раздаются короткие гудки.

Я сижу и жду. Но телефон не звонит.

- Кто это был? – спрашивает жена, когда я лег. Любопытство не дает ей уснуть.

- Не знаю.

- А с кем ты говорил?

- Тоже не знаю.

- И что они хотели?

- Не знаю.

- А что ты знаешь?

- Знаю, что четвертый час и надо спать.

- Вот о чем с тобой можно говорить после этого?

Я молчу, помня золотое правило.

Скоро за моей спиной слышится ровное дыхание.

Выдавив из себя капельку адреналина, жена спокойно уснула. А я еще долго ищу удобного для сна положения.

О СЛУЖБЕ, ДРУЖБЕ И ПРАЗДНИКЕ

Корабль, покачиваясь на легкой волне, мирно дремал, отражаясь в Средиземноморской воде.

Первое мая выдалось хмурым, но безветренным. Синие тучи тяжело ползли по осевшему небу.

Радости от праздника почти не чувствовалось. Праздники, проходящие на бескрайних просторах

морей и океанов, выглядят одинаково серыми, а предоставленный экипажу отдых лишь создает иллюзию беспечности и покоя.

Все так же несется вахта у действующих механизмов, а смертоносное оружие, для чего собственно и существует военный корабль, готово в любую минуту прийти в действие. Лишь свободный от вахты личный состав может немного расслабиться. Днем – концерт или спортивные мероприятия, а вечером – фильм. Ну и в честь праздника к столу полагаются сладости. Даже такая маленькая радость делает людей, лишенных земных ласк, счастливыми.

Командир корабля, личность обособленная. Он поставлен над всеми. Это мысль, это действие, это тот, наконец, от кого зависит жизнь всего экипажа. Но он, по-своему, и не счастлив. У него нет друзей. И быть не может. Отчего все свои тяготы и лишения, а они у него тоже есть, носит в себе. Общается тесно он только с замполитом. Хорошо, если они понимают друг друга и могут выпить по рюмке горькой, а если нет, то тоска полная.

Замы – это упыри. О них я здесь речь не веду. В первой книге им и так было предоставлено слишком много места и страниц.

И вот, устав от пребывания в четырех стенах, командир спускается в низы. Во-первых, это общение. Человек без общения дичает, тупеет,

становится черствым. Во-вторых, посмотреть, как народ живет. Ну и, в-третьих, - размять кости. От постоянного сидения в командирском кресле жировая прослойка становится все больше и больше.

Хозяин всегда все делает не спеша.

Шевченко, командир корабля, неторопливо, с чувством собственного достоинства спустился в носовой коридор офицерского состава.

Первая каюта по ходу движения, - начальников РТС и медицинской службы.

Каюты на корабле закрывать запрещено, во избежание негативных последствий. Не дай Господь, заклинит дверь, и сгоришь там заживо или задохнешься.

Доктор лежал в каюте и читал книгу.

При появлении высокого начальства, офицер обязан принять вертикальное положение и встать по стойке «Смирно», выражать преданность партии, правительству и, естественно, радостно ласкать лицо командира своей положительной мимикой, смотря на него умиленными глазами.

- Доктор, вам не надоедает постоянно находиться в койке?

- От постоянного пребывания в койке образуются пролежни. Я этого не допускаю. А во-вторых, рабочий день у гражданского человека сокращает жизнь на восемь часов, у военного же на все

двадцать четыре. Поэтому я борюсь за продолжительность жизни доблестных защитников Родины.

- Что читаете? – не обратив внимания на словесный бред, спросил командир.

- Пикуль, «Каторга». Вещь изумительная. Оторваться нельзя.

- А оторваться придется. Сейчас пойдешь со мной. Посмотрим, как живут и чем занимаются офицеры и мичманы, - перешел на «ты» командир. – А где такие книги берешь? У нас в библиотеке их точно нет.

- В Болгарии купил. Все отоваривались шмотками, а мы с командиром БЧ-4 книги покупали.

В соседней каюте никого не было. Командир БЧ-2 стоял на вахте, а минер на шкафуте ловил рыбу.

В каюту штурмана и связиста стучались долго. Наконец дверь отворилась. В дверях босиком стоял заспанный штурман. Командир резво шагнул внутрь, но резкий, зловонный запах грязных ног остановил его.

- Штурман, вы хоть иллюминатор откройте. Здесь же угореть можно. Как вы тут живете? Вы ноги когда-нибудь моете? – из командира полезли бранные слова. Нескончаемая тема вонючих ног штурмана набирала новые обороты, – Доктор, вам не книги надо читать, а людьми заниматься, - крикнул он в коридор, – И не стойте там. Заходите,

не стесняйтесь. Вам глоток этого воздуха крайне необходим. Что с ним делать? Я не первый раз задаю вам этот вопрос. А вам все смехуечки.

- Все пробовали, товарищ командир, ничего не помогает. Такая конституция.

- А вы в академию свою напишите. Там люди должны знать.

- Я звонил, - солгал доктор.

- А вы, все-таки, напишите. У вас бумага, ручка есть?

- Есть.

- Письмо мне покажите. Сегодня. Ясно? – наставительно продолжал он, выходя в коридор.

- Так точно.

- Кто тут у нас еще живет? – спросил командир, выйдя из каюты.

- Замполит. Давайте к нему зайдем. Еще механик, помощник с трюмным и комсомолец с комбатом, – ответил доктор.

- К замполиту мы не пойдем, а заглянем к помощнику. Он от вас недалеко ушел. Сейчас тоже либо спит, либо ест.

- Он сегодня дежурит по кораблю.

- Слава Богу, делом человек занят.

В каюте помощника по снабжению царил бардак. В фуражке, портупее и повязке на рукаве за столом сидел лейтенант Мишук и доедал рыбную консерву. В углу каюты, вывалив на палубу какие-

то железки, колдовал лейтенант Губа, командир трюмной группы.

- Вы у нас, таким образом, дежурите по кораблю, помощник?

- Я только что зашел, товарищ командир. Голодные боли в желудке. Надо что-то съесть, а то приступ начнется.

- Доктор, давно офицер страдает?

- С сегодняшнего дня. До этого все было в порядке.

- Сходите и пригласите-ка сюда старпома.

Начмед понял, что книгу он сегодня вряд ли почитает.

- Товарищ капитан-лейтенант, вас очень хочет командир корабля, – начальник медслужбы изображал военного.

- Что случилось? – старпом встал из-за стола.

- Дежурный по кораблю вместо службы ест в каюте.

- А кто дежурит? – старпом задал глупый вопрос, от которого удивился даже сам.

- Помощник, - весело ответил доктор.

- ..., - невесело выругался старший помощник, понимая, что ему сейчас будут вручать далеко не подарки.

- Старпом, у нас служба на корабле какая-нибудь несется или все пущено на самотек? Дружно ждем ЧП?

Далее шел на высоких тонах тридцатиминутный разговор о воинской службе, ратном долге, бдительности, недремлющем враге, спящих офицерах, Присяге, Уставе и… о дружбе и войсковом товариществе.

- С дежурства снять, - подытожил, наконец, командир, - вечером заступить по новой. А вы чем занимаетесь, товарищ Губа? У вас не болит желудок?

- ЗИП перебираю.

- Хоть кто-то на корабле занят службой. Обратите внимание, доктор, не книги читает, а делом занимается.

- Не все же могут сеять разумное, доброе, вечное. Кто-то пашет, а кто-то – ест.

- Ладно, пойдемте дальше.

В соседней каюте мирно спали комбат и секретарь комитета комсомола. Их не разбудил даже командирский визг и лай, лившийся за переборкой. В здоровом теле всегда здоровый дух.

- Старпом! – заорал командир. – Это не корабль, а сказочное сонное царство. Стройте офицеров и мичманов. Надо немедленно все это разбудить.

- Очередной смене приготовиться на вахту, - разнеслось по трансляции.

- Товарищ командир, разрешите. Я сейчас заступаю на ГКП вахтенным офицером, -

затравленно смотря снизу-вверх, пролепетал комбат Старухин.

- Идите, – тупо глядя на лейтенанта, стандартно ответил командир, – А вы, почему в койке, товарищ комсомольский вожак? Вы в этот светлый праздник должны быть с народом. Или он вам по хер, весь этот народ? Да? Марш на построение!

И было построение.

И было слово.

Как всегда, ненормативное.

И лилась долгая речь о воинской службе, ратном долге, бдительности, не дремлющем враге, спящих офицерах и мичманах, Присяге, Уставе и… о дружбе и войсковом товариществе. Ну и, естественно, о празднике и читающем докторе.

В дальнейшем о празднике больше никто не вспоминал.

Правда, вечером на юте фильм, все-таки, демонстрировали.

ОМРАЧЕННОЕ ВЕСЕЛЬЕ

Женя Белов, вернувшись из отпуска, всем торжественно объявил: «Я женился!».

Такие события, как свадьба, рождение детей, дни рождения родственников и близких, развод и даже, не приведи Господь, смерть, всегда вызывают

определенное оживление у окружающих. Во всех этих случаях возмутитель спокойствия накрывает стол.

После отбоя в каюте Белова собрались офицеры.

Женя Белов был уже в достаточно солидном возрасте, командиром боевой части и недавно получил капитана третьего ранга.

Когда-то в молодости, он уже имел опыт бракосочетания. Но не всякая любовь долговечна, особенно у моряков, находящихся длительно и часто в море.

Женщине выдержать такое сложно. Соблазнов у нее появляется слишком много, перед которыми трудно устоять.

Выпив за счастье уже не молодых, все полезли с вопросами: «Кто жена?», «Как зовут?», «Где работает?», «Как познакомились?».

Женя не курил и никому не позволял это делать в своей каюте.

В этот раз он неторопливо открыл ящик стола, достал пачку «Явы».

- Закуривайте, ребята. Я тоже закурю.

Присутствующие одобрительно закивали головами.

- Ну, Женька, ты становишься настоящим мужчиной. Не тяни, рассказывай.

- Зовут жену Катя. Знаю ее давно. Мы росли в одном дворе. Она на пять лет моложе меня.

Работает медицинской сестрой в поликлинике. У нее девочка есть. Шесть лет. Я Катю у приятеля отбил. Через месяц она приедет сюда.

Эльбрус Гилаев, который за свою короткую жизнь имел женщин больше, чем выкурил сигарет, нравоучительно сказал, - Чужую жену увести не сложно. Гораздо сложнее вернуть ее потом обратно.

- Эльбрус, мы любим друг друга. И возвращать я ее никому не собираюсь, - Евгений обиженно отвернулся.

- Не обижайся, дорогой. Это я к слову. К тебе это не относится. Живите долго и любите друг друга. Давай выпьем за тебя. Ты хороший человек. Хотя хорошим и труднее жить на этом свете. Подлецов гораздо больше. Будь здоров!

Все выпили.

Шура Леснов, который имел трех детей и снимал для жилья квартиру, был худ и бледен. Он не курил, не пил и со всех сторон был правильным, но жизнь его выкручивала конкретно. Жилье ему так и не дали. И помощи со стороны не было никакой. Что он, что жена не имели родителей. Денег катастрофически не хватало.

- Семья – это хорошо, здорово, но когда ее не можешь прокормить… Вот незадача.

- А ты возьми ее и пропей. Делов-то, – это поднял осоловелую голову Немолякин, страстный любитель веселительных напитков.

- Ты всегда все на водку переводишь, - Леснов побагровел, – Главная цель в твоей жизни – нажраться. Я не хочу даже сидеть с тобой рядом,- он пытается встать.

- Вот что, Немолякин, ты уже готов. Иди спать. С тобой хорошо настроение портить. Сам не умеешь веселиться и другим не даешь.

Белов взял его под руку и вывел из каюты.

- Саня, - обратился он к Леснову, - не обращай внимания на дураков. Все у тебя будет хорошо.

- Спасибо, Женя. Ты молодец. Я где-то слышал, что в женщине все должно быть прекрасно: и достоинства, и недостатки… Пусть у тебя в семье будет все замечательно.

Выпили и за это.

После ухода Немолякина разговор как-то больше не клеился. Настроение у всех пропало.

Пожелав друг другу спокойной ночи, все разошлись.

Как радость, так и беда у нашего народа всегда заканчиваются пьянкой. Так уж мы созданы. И счастье, и горе очень связаны между собой. Даже любовь, если посмотреть на нее с разных сторон, у одних радость и счастье, а у других…

Пусть у всех будет все хорошо.

И точка.

РАЗБОР

Каждое мероприятие, проведенное на корабле, да разве только корабле, заканчивается разбором, будь то ученье по борьбе за живучесть или артиллерийская стрельба, строевые занятия, или тренировка по борьбе за живучесть, или накладыванию иммобилизационной шины.

Идеального в жизни ничего нет. Даже Солнце имеет пятна. Поэтому и все мероприятия не обходятся без изъянов. И чем их больше, тем круче разбор.

Стрельба в этот раз явно не удалась. Все было не так, как надо. И цель обнаружена не вовремя, и позиция для ведения артиллерийского боя выбрана неправильно, и с дальностью начудили, и весь расчет действовал не слаженно, не было взаимопонимания у штурманов, РТСовцев и, естественно, артиллеристов, да и управляющий огнем был, если сказать честно, не на высоте.

То ли звезды в этот день были расположены не так, то ли предыдущие стрельбы, выполненные хорошо, наложили на личный состав печать непогрешимости, но эту стрельбу успешно

завалили. Оценка «неудовлетворительно» была даже высокой.

Вот тут-то и начинается разбор проведенного мероприятия.

В начале, высокое командование, а оно всегда присутствует на ответственных мероприятиях, рвет в клочья майку командованию корабля.

После чего оттраханные командир и замполит, с перекошенными от боли лицами, собирает офицеров и мичманов. Командир входит в кают-компанию, взлохмаченный, красный, потный, с висящей пеной на губах и жутко напоминает раненого зверя. Всем, кроме доктора и кока, жутко хочется в туалет. Но… надо терпеть.

Из всего сказанного, слова «идиоты», «дебилы», «дураки» и «сволочи», кажутся самыми добрыми и душевными. Мат своей изысканностью и крепостью выгибает бронированные переборки. Кровь, смешалась с потом, потоками льется в коридор через комингс.

И вот когда все, даже доктор и кок, становятся похожи на уток, выкупавшихся в мазуте, разбор заканчивается. Заканчивается, но, отнюдь, не прекращается. На корабле играется «Большой сбор». Командир, замполит и старпом в течение часа упражняются перед личным составом в риторике и, опять же, не скупятся в выражениях. Когда же их запас иссякает, наступает очередь

командиров боевых частей тех подразделений, которые и завалили эту стрельбу.

Именно в такие минуты рождаются новые, витиеватые выражения, идущие потом в народ.

После бурного оргазма командиров боевых частей личный состав расходится по своим заведованиям.

Ужин в кают-компании проходит молча. Настроение у всех отвратительное. Кораблю объявляют организационный период на десять суток. А это значит, что сход на берег офицерам и мичманам запрещен.

- Ну что, доктор, нравится тебе служить на корабле? – ехидно спрашивает старпом после того, как командир выходит из кают-компании.

- Очень, - не менее ехидно отвечает тот, – Только вопрос меня один гложет. А кому задать, не знаю.

- Пойди к заму. Он у нас на все вопросы ответ знает. А какой вопрос? Может, я облегчу твои страдания, сын мой.

- Где все так научились ругаться?

- Понравилось?

- Очень.

- Запомни, мой юный друг, - старпом закуривает, - этому нельзя научиться. Это природный дар. Вам, флотским интеллигентам, такое не дано. Хотя задатки у тебя к этому есть. Начинай на первых

порах совершенствоваться перед зеркалом. И только потом выходи в народ. Понял?

Он встает и, пожелав всем приятного аппетита, выходит.

Ужин продолжался в скорбном молчании. На всех давит незапланированный организационный период. А то, что стрельба не удалась сейчас, удастся потом.

Не это главное.

Главное, что схода на берег нет, и не будет в ближайшее время.

РАЗГОВОР

Удивительно многообразен и емок наш язык. Порой скажешь фразу или, даже, слово и все становится ясно, как Божий день. Не надо попусту тратить время, эмоции, энергию, объясняя слушателю ту или иную ситуацию.

Сказал, и все.

Как отрезал.

И не надо лезть за словами в карман. А тем более ходить на цырлах. Фраза - и концы в воду. Главное, сбить спесь, не торчать в печенках, не липнуть как банный лист. Потом… хоть в стельку, хоть в доску, хоть в «зюзю»…

Дверь в каюту с грохотом отворилась. Так входят либо «добрые» начальники, либо «застенчивый» Пушкин.

- Доктор, дай закурить, - Саня выглядит как потрепанная собака.

Начмед сидит за столом и тупо пишет протокол партийного собрания. Разговаривать не хочется и, собственно говоря, некогда. Писанины – выше крыши. А с Пушкиным только заведись. У него семь пятниц на неделе. Сутки может бисер метать, уповая на тяжесть службы, а сам еще тот «шланг». Он жадно курит, как в последний раз.

- Я еще возьму сигареточку, - но взял почему-то две. На «шару» не только уксус сладок, но и известь творогом кажется.

Видя, что на него не обращают внимания, Саня решает сам взять быка за рога.

- Сейчас у меня зам конспекты политзанятий проверял. Отчитал по полной программе, – тезисно чеканит он, с наслаждением глотая дым, – Дал пять дней на восстановление. Теперь день и ночь писать нужно. У меня не хватает терпенья вот так сидеть и писать. Моряка заставлю. Пусть пишет. Давай его положим к тебе в лазарет, чтобы вахту не стоял. Хорошо? Да брось ты писать эту херню. Поговори со мной.

- Шура, сгинь. Тебе моряк будет писать, а я сам мантулю, как глухонемой. И на всякий случай

запомни, что лучше пусть зам пять раз тебя отчитает, чем один раз отпоет батюшка.

Пушкин делает круглые глаза, переваривая услышанное.

- А…

- Ни «а» и ни «б». Пошел прочь! Не мешай. Мне до вечернего доклада кучу бумаг надо исполнить. И дверь не закрывай, накурил, что не продохнешь.

- Какой ты все-таки, доктор, черствый. К тебе человек пришел с душевной болью, а ты…

- Этому человеку заняться нечем. Пойди, поспи и все восстановится.

- Хорошая мысль. Я еще сигарету у тебя возьму?

- Забирай все, только уходи побыстрее.

- Вот это деловой разговор.

Сунув пачку в карман, он вышел. Через секунду его голова снова нарисовалась в каюте.

- Докторинчик, - спросила она, выдыхая в каюту мощную струю сизого дыма, - может капелюшечку нальешь.

- Да уйдешь ты, наконец. Николай Иосифович! – орет доктор жутким голосом, - Зайдите ко мне, пожалуйста.

За переборкой находится каюта, в которой живет командир БЧ-2, непосредственный начальник Пушкина.

- Какой же ты, все-таки, доктор, гандон, - бросает он, убегая по трапу. Аж пыль за ним столбом.

ЕЛКА

Новый год к морякам приходит редко. Всего лишь три раза за службу. Это, поверьте, реже, чем у гражданских лиц. Конечно, у офицеров он бывает чаще, но тоже не такой радостный. Если его, к примеру, сравнивать с цветной и черно-белой фотографией, то он у них ближе к черно-белой.

Елку, без которой Новый год, что брачная ночь без невесты, поставили, как обычно, в столовой команды. Наряжает ее всегда многонациональный отряд моряков служб и команд. Они менее всего задействованы в делах боевой подготовки. Хотя и без них корабль существовать не может. Руководит этим мероприятием помощник командира по снабжению. Он, чем больше занят, тем меньше съест тушенки и выпьет сгущенного молока.

Ассортимент игрушек не велик: звезда, конфеты и серпантин, да еще вата, если не пожадничает доктор.

Моряки, увлеченные украшением елки, не заметили, как в столовую вошел старший помощник, капитан-лейтенант Саватеев. Он критически оглядел творческий порыв детей Средней Азии, для которых елка, как для суринамца редька. И красиво, и не понятно.

- Помощник! – старпом оглядел столовую, - А где помощник?

В каюту пошоль, - отвечает за всех тот, кто почти в полном объеме овладел на службе русским языком.

- Сюда его, быстро!

Через минуту входит взъерошенный помощник по снабжению

- Товарищ старший лейтенант, вы почему отсутствуете на возложенном на вас, ответственном мероприятии? – вечно занятый старпом выражает гнев.

- Я писал меню-раскладку, - лепечет помощник. (Это то, немногое, чем он на корабле занимается. Обычно ее делает мичман-продовольственник).

- Вот что помощник, - старпом скрипит зубами, - Опять жрал в каюте?

- Никак нет.

- Мясо и соль с куртки стряхни. И руки жирные помой. Писатель! Только и знаете, что котлы и кладовые опорожнять. Почему конфеты внизу повесили? Хотите, чтобы их завтра не было? Все переделать! Конфеты наверх, серпантин вниз. Пока пусть его жрут. Ясно?

- Так точно.

- Проварю твою работу перед ужином, если не понравиться, будешь один вечером все переделывать. Вместо схода на берег. А чего здесь у

тебя находятся только добровольцы? Где твой остальной личный состав?

- Работает.

- Интересно над чем? Пойдем-ко спустимся в кубрик. Если найду хоть одного спящего, объявлю всем вам десять суток организационного периода. Чтоб сперма к Новому году у всех вас даже из глаз капала.

СТРОЕВОЙ СМОТР

Строевой смотр – это одно из многих чудес военной службы. Каждый, носящий погоны в обязательном порядке участвовал в подобных мероприятиях и в качестве проверяемого, и в качестве проверяющего.

Выглядеть в этот день ты должен как молодой огурец на грядке: выбрит, выглажен и коротко подстрижен. А также, иметь белоснежный платочек, расческу, уставного цвета носки, документы, жетон, значки, медали (орденов простым смертным не давали) и прочее, прочее, прочее. Но и это еще не все. Надо, чтобы брюки были не расклешены.

В таком виде каждый уважающий себя моряк в народ никогда не выйдет. Это все знают. Но… на смотре ты должен быть похож на клоуна.

Заместитель начальника штаба, капитан второго ранга Петр Иванович Плехов подтянут и строг. Его статная фигура – будто писана со Строевого устава. Глубоко посаженные глаза и продольная складка над орлиным носом делают этого человека поистине строгим. Но по натуре – это добрейший души человек. И мы с ним друзья. Хотя служба такого не допускает. На ней одни начальники, а другие подчиненные. И подчиненные обязаны быть глупее своих начальников в обязательном порядке.

Плехов подходит ко мне.

- Флагманский врач, майор медицинской службы Финогеев, - представляюсь я, слега улыбаясь.

- Вам что, доктор, весело?

- Даже в грустном надо находить веселое.

- Что в этот раз вас развеселило?

- У вас кашне не уставное и брюки расклешены.

Плехов растягивает губы в улыбке, - У вас тоже, товарищ майор, брюки далеко не заужены. Сейчас мы посмотрим, насколько вы качественно подготовились к смотру. Кру-гом! – командует он.

Я поворачиваюсь.

- Почему у вас пейсы длиннее положенного?

- С такими я больше нравлюсь женщинам. Они сами мне об этом говорили.

- Покажите свой жетон, - требует неугомонный начальник.

Я долго роюсь в карманах, заведомо зная, что он лежит в сейфе, на верхней полке.

- Я забыл его взять, - наконец, говорю я, видя, что терпение Плехова начинает иссякать.

- Что вы еще забыли?

- Если честно признаться, то фамилию Генерального секретаря компартии Лаоса, а вы не помните? - я делаю грустные глаза.

Петр Иванович зло смеется.

- Доктор, ты когда-нибудь бываешь серьезным?

- Так точно! Военный человек, если Родина прикажет, может все. Даже быть серьезным и иногда умным. Но второе, значительно реже.

- К вам, доктор, лучше не подходить. Из-за вас половину штаба не успел посмотреть. Закончить строевой смотр! – командует Плехов, - Разойдись! Для прохождения торжественным маршем, в колонну по четыре, становись!

Колонна, выбивая ритм марша об асфальт, проходит мимо штабной элиты.

Строевой смотр закончен. Все расходятся по рабочим и другим местам. Военная служба продолжает течь в привычном для всех ритме.

ПЕРЕВЕРТЫШИ

Политработников на флоте явно больше, чем врачей. Это факт.

И замполиты разных степеней, и комсомольские вожаки, и пропагандисты и кого только нет.

Народ же вперед вести надо.

В конце концов, все эти недоделанные Моисеи, как военные, так и гражданские привели великую страну в тупик.

Народ обалдел от всего этого… и распался.

Каждый стал говорить, писать и мыслить по-своему.

Перевертыши распадаться не думали. Они мгновенно перекрасились.

Мимикрией эти особи владели в совершенстве.

Никто из них лопату в руки не взял, не сел за трактор, не возглавил подпольное движение по восстановлению утраченного. А зачем?

Это в Белой гвардии стояли до конца за Веру, за Отечество, за Царя Батюшку.

У них нет, и никогда не было, ни этой самой Веры, ни Царя, тем более. Они всю жизнь считали себя царьками. Важно, чтобы к завтраку на столе стояла зернистая икра. А чьи ее руки подадут – не важно.

- А народ?

- А что народ?

- Народ был, есть и будет. Он должен работать, а мы есть.

Ну, это к слову.

Об одном таком перевертыше мне хочется рассказать.

В больших армейских и флотских соединениях в обязательном порядке были политические отделы. Эти самые отделы и вершили судьбы над теми, кто стоял на вахтах, стрелял, тушил пожары и выполнял все, что регламентировалось Уставами, приказами и директивами.

Но чтобы грамотно руководить, чтобы мертвой хваткой держать все и вся, на кораблях и в частях обязательно должны быть члены КПСС. И чем их больше, тем лучше. Тем проще политорганам гнобить людей. Стал этим самым членом, вставил себе в рот удила, а уж вожжи они сами на тебя нацепят. Теперь-то они с тобой будут делать все, что захотят: выдвигать, задвигать, ссылать, гноить, сжирать, давить.

Приемом этих самых членов занимается партийная комиссия, карающий и милующий орган политотдела.

Именно здесь еще и судят провинившихся, выгоняют их за серьезные нарушения из членов КПСС, хотя изредка и милуют. Еще тут делят квартиры, машины, подарки, устраивают детей в ясли и сады, обеспечивают билетами на «звезд»

эстрады, держат руку на пульсе «Военторгов», распределяют дефициты и еще многое другое, в чем так нуждаются работники этих самых политотделов и их ненасытные семьи. Параллельно они указывают где, кому и как держать знамя социалистического соревнования, выдумывают несуществующие лозунги и учат жизни тех, кто эту жизнь делает своими руками. Тем, у кого кровавые мозоли на ладонях, большие блага, по их мнению, не нужны. Скотина же живет в сарае и не жалуется.

Секретарь этой партийной комиссии является правой рукой начальника политического отдела. И если они вдвоем четко и в лад дуют в одну трубу, то этот тандем очень опасен.

В одном из флотских соединений секретарем партийной комиссии был Феникс Зарянов, двухметрового роста детина.

Жил он и служил в свое удовольствие.

Утром на подносе первым приносил своему начальнику за сутки собранную грязь на офицеров и мичманов штаба и кораблей, давал ценные рекомендации по расправе над непокорными, делил поровну с ним привилегия, а не тяготы и лишения воинской службы. При этом никогда не забывал для себе хапнуть жирный кусок.

И что характерно, ни разу не подавился.

Если офицеры десятилетиями стояли в очереди на машины, то он их менял через два-три года.

Так же обстояло дело с квартирами.

Появилась в престижном районе – уже его.

Все что касалось привилегий, благ, развлечений и прочих звезд и наград на плечи и грудь – это все в избытке перепадало и Зарянову.

Мне неприятно писать о сволочах. Но надо.

Нет, от моего бумагомарания они не станут лучше, не станут чище.

Но кто-то, может быть, прочитав это, увидит их истинное лицо. Лицо Иуды.

Вот такие как Зарянов, а их было миллионы, руками темного народа, и развалили Советский Союз. Только они. Народ уже не мог терпеть эти холеные рожи, лжепатриотизм и лжесвятость. Свергнув старое, ненавистное, тот же народ, страдающий наследственной близорукостью, поднял на свои плечи тех же, кто раньше, прикрываясь ленинскими идеями, мостил дорогу в светлое будущее для самих себя. Теперь все они были другого цвета. Эти твари не сдохли в перипетии жизненных перемен. Они все, как говно, всплыли. И теперь считают себя творцами новой демократии, новой идеологии. Они, как птица Феникс, все вновь возродились из пепла. И так же бесцеремонно смотрят в глаза ничего не понимающему трудовому народу.

Народ в их понятии, как был, так и остался быдлом.

Где справедливость?

Где?

Нет ее.

И никогда не было.

ПАРАЛЛЕЛИ СЛУЖБЫ

-1-

Начальник политического отдела, низко склонив большую кучерявую голову над столом и шевеля огромными губами, с красной ручкой в руках внимательно изучал директиву Министра обороны и Начальника главного политического управления СА и ВМФ, вышедшую вслед за Постановлением ЦК КПСС «О продовольственной программе», где черным по белому указывалось создать на базе крупных соединений подсобные хозяйства. Эти самые хозяйства должны были максимально обеспечить части и корабли собственным мясом, яйцами и другими продуктами сельского хозяйства. Идея со всех сторон выглядела замечательной. Ведь ежедневно тонны отходов добросовестно выбрасывались в море или выгребные ямы. При хозяйском подходе к этому

делу все это превращалось в сотни и даже тысячи килограмм собственного мяса. В масштабах же Вооруженных сил эти цифры были просто космическими.

Получалось так, что армия и флот могли частично обеспечивать себя продуктами питания и не брать все это у государства.

От всего этого на лбу капитана первого ранга Салина выступил пот.

- Молодцы коммунисты. До такого додумались! – проокал про себя он и аккуратно вытерев лицо белоснежным платком, нажал кнопку звонка.

Через секунду в кабинет вошел старшина, дежурный по политическому отделу.

- В 14.00 все политработники кораблей, частей и, естественно, политотдела должны быть у меня в кабинете. Вы поняли, о чем я сказал?

- Так точно.

- Тогда идите и исполняйте.

-2-

- Товарищи политработники! Задачи, которые ставит перед нами партия и Главное политическое управление архи важны для каждого из нас. Далее начпо, акцентируя внимание на каждом печатном слове, зачитал Директиву.

- У кого, товарищи, возникли вопросы? Какие появились мнения? Времени у нас на раскачку нет.

Мы обязаны немедленно принять адекватное решение. Сегодня свои соображения по этому поводу я должен доложить командиру бригады. Что нам для этого нужно? Место и помещение, где мы будем держать свиней. О других животных не может быть и речи. Второе. Где этих самых свиней взять? Статьи на их покупку у финансистов нет, - было видно, что начпо сам все продумал до мелочей, - Я этот вопрос уже выяснил. Третье. Нужно подобрать двух порядочных и толковых мичманов, которые этим непосредственно и станут заниматься. И не пьяниц. Один должен организовывать весь этот процесс, а другой непосредственно заниматься выращиванием животных. На эту должность у меня уже готова кандидатура. Это – мичман Флинтюк, начальник продовольственного склада береговой базы. Человек он ответственный, хозяйственный и главное, не пьющий. В нем я не сомневаюсь, хотя он и не коммунист. Но это дело мы быстро поправим. По второй кандидатуре жду ваших предложений. Начальникам учебных кабинетов штаба я не доверяю. Слишком много среди них разгильдяев. И буквально все не прочь заглянуть на дно стакана. Да и учебный процесс мы с вами не вправе отменять. Может на кораблях есть толковые мичмана? Четвертое. Замполитам кораблей к 17.00 отобрать и привести ко мне для беседы по два

дисциплинированных молодых моряка, которые будут посменно работать на этом хозяйстве. Пятое. Это транспорт, который будет ежедневно доставлять на свинарник отходы и пищу для работающих моряков. О людях забывать нельзя. За это я строго, по партийному спрошу с виновных. Ну и последнее. На кораблях должны быть закрывающиеся емкости под отходы. Для этого возьмите лист бумаги, карандаш, сядьте и посчитайте, сколько за сутки у вас этого добра набирается. У ваших строителей закажите эти емкости из качественного, я подчеркиваю это слово, железа. А не лишь бы как. Изнутри требуется покрасить, но только не ядовитой краской. Чтоб они через три месяца у вас не поржавели, а свиньи не передохли. Не забудьте о ручках. А то сами станете поднимать эти емкости на машину. Даю вам на все это не более трех сеток. И поставьте их не далеко от трапа, чтобы машине легко было к ним подъехать. О готовности мне доложить лично. Проверю все сам. Теперь хочу послушать ваши предложения, - начпо обвел взглядом присутствующих.

- Евгений Александрович, - первым начал секретарь партийной комиссии. Ему сам Бог велел знать людей, их настроение и положение дел в частях. Без этого, карающий орган политотдела существовать не мог, - на ваше усмотрение на

организационную должность предлагаю мичмана Соколенко, старшину команды береговой базы. Мичман не плохой, ответственный. Со всех сторон характеризуется положительно. Не пьет. Член КПСС. По нашим сведениям, его отец и старший брат работают на начальствующих должностях в сельском хозяйстве. Если прикажите, через семь минут я представлю о нем всю информацию.

- Молодец, товарищ Зарянов! Учитесь, товарищи политработники, как надо владеть обстановкой. Сразу видно, что человек находится на своем месте, - начпо натянуто улыбнулся, - Все свободны. Работы у вас много. Заниматься есть чем. А Соколенко позовите ко мне. Кстати, как его зовут?

- Анатолий Александрович, - ответил все тот же секретарь партийной комиссии.

-3-

В дверь начальника политического отдела постучали.

- Разрешите, товарищ капитан первого ранга. Мичман Соколенко по вашему приказанию прибыл.

- Проходи, - начпо взглянул в блокнот, - Анатолий, присаживайся к столу. Рассказывай, как служба, как семья? – начал он издалека.

- Нормально, товарищ капитан первого ранга, - Соколенко усиленно думал, по какому поводу его вызвали. Может за то, что вчера поздно вечером выводил с территории части миловидную блондинку? Кроме дежурного по КПП ее никто не видел.

- Дома как дела? У вас дети есть? – сыпал начпо ничего не значащие вопросы.

- Двое. Мальчик и девочка. Учатся хорошо. Дома все в порядке. Жена работает. По службе нареканий не имею.

- Где живете? Квартира у вас есть?

- Нет. Живем в общежитии.

- Ничего-ничего. Все мы там жили. С квартирой поможем. Скоро получите, - Салин что-то записал в блокнот, - Проблемы какие-то есть? Служебные, семейные? Говори. Поможем.

- Машину хочу купить. Но очередь большая, - Соколенко понял, что от него чего-то хотят и решил брать быка за рога.

- С машиной решим, - начпо полистал свой волшебный блокнот, - На следующей неделе нам придут две машины. Тебя «Москвич» устроит?

- Так точно, - в груди Анатолия радостно застучало сердце.

- Вот и хорошо. В понедельник мне об этом и напомни. Только и ты нам помоги. Не все же мы тебе.

- Слушаю вас, товарищ капитан первого ранга.

- Слушай, слушай. И крути на ус. Слышал такую поговорку? Кто у тебя из родственников работает в сельском хозяйстве? – Салин, наконец, приступил к главному.

- Отец и старший брат. Отец председатель колхоза, а брат главный агроном.

- Это то, что нам нужно! Ты конечно знаком с Постановлением партии «О продовольственной программе»?

Анатолий неопределенно мотнул головой. Об этом он точно ничего не слышал.

- В свете этого Постановления, Министерство обороны и Главное политическое управление требуют от нас создание подсобного хозяйства, - продолжал начпо, - Мы должны не брать у государства, а сами себя обеспечивать мясом, хлебом и всем остальным. Вникаешь?

Соколенко опять непонимающе кивнул головой.

- Что от тебя требуется, - теперь начальник политотдела оседлал своего любимого коня, - Переговори с отцом. Может он для нас подыскать хорошее помещение под свинарник и выделить десятка полтора молодых свиней? Кормами их мы обеспечим за счет отходов с кораблей. И работать на хозяйстве будут наши моряки. В твое распоряжение выделяется служебная машина. Будешь заниматься организацией этого хозяйства.

Так сказать, непосредственно выполнять решение партии. Почувствуй, какая ответственность ложиться на твои плечи, - теперь Салин говорил о вещах как бы уже свершившихся. Его уже не интересовало где, как и каким образом, мичман все это сделает. Когда мне от тебя ждать ответа? – задал он последний вопрос.

- Послезавтра, товарищ капитан первого ранга, в 10.00 я вам обо всем доложу. Мне, правда, туда нужно съездить, а я заступаю дежурным.

- С этой минуты ты занимаешься только вопросами подсобного хозяйства. От всей служебной деятельности я тебя отстраняю. С командиром береговой базы по этому поводу я переговорю немедленно. Потом выяснишь у него, какая машина у тебя будет. Завтра жду с докладом. Можешь быть свободен.

-4-

Всю дорогу к родителям Соколенко одолевали думы. То, что от него теперь начпо не отстанет, было ясно, как божий день. Хоть наизнанку вывернись, а свинарник этот организуй. Отец конечно поможет. Но и он не всесилен. А что делать? Уже не откажешься. Поздно. Но с другой стороны… Служебный автомобиль выделили.

Можно решить тысячу проблем. От службы освободили. Занимайся, чем хочешь. Вначале, конечно, придется попахать. Надо наладить работу, а уж потом… Машину наследующей недели куплю. А так бы ждал минимум, пять лет. Квартиру обещал дать.

- Овчинка выделки стоит, - сделал вывод Анатолий, подъезжая к родительскому крыльцу, демонстративно громко хлопая дверкой персонального автомобиля.

-5-

Ровно через сутки, в пятницу, в 9.30 Анатолий стоял перед дверьми начальника политического отдела. Ему не терпелось доложить о проделанной работе. Из кабинета доносились повышенные тона.

В ожидании приема Соколенко мерил шагами длинный коридор. Минут через сорок, дверь распахнулась, и из нее вылетел красный как рак замполит спасательного судна «Эльбрус». Немного подождав, Анатолий робко постучал, - Разрешите?

- Что у вас? - не поднимая головы, спросил Салин.

- Я пришел доложить…, - испуганно пролепетал Соколенко.

- Ждите, товарищ мичман. Мне сейчас некогда. Я вас вызову.

Два с лишнем часа Соколенко испытывал прочность ног (стулья и скамейки в таких заведениях не предусматривались). Теперь начпо показывал свою силу, мощь и власть.

Наконец у дежурного зазвонил телефон.

- Товарищ мичман, вас начальник политотдела вызывает.

- Разрешите, товарищ капитан первого ранга, - Анатолий выглядел как выжатый лимон.

- Докладывайте, товарищ Соколенко, - предложений сесть за стол не поступило.

- Я все решил, товарищ капитан первого ранга. В селе Широкий Лан, что в пятидесяти километрах от Николаева, для нас выделено помещение под свинарник. Колхоз дарит нам двадцать трехмесячных поросят. Я их отобрал сам. Все здоровы.

- Молодец! – проокал Салин, - Ты не стой, Толя, садись. Что мы должны колхозу?

- Ничего. Необходимо теперь туда для ухода за животными выделить пару моряков и ежедневно подвозить отходы. Моряков кормить будут в местной столовой. Тоже бесплатно.

- Честно говоря, не ожидал я от тебя такой прыти. К празднику наградим Почетной грамотой. Мичмана и моряков сегодня же отвезешь туда сам. Все расскажешь и покажешь. Завозить отходы за сутки будут ежедневно до обеда. Тебе надо будет в

обязательном порядке два раза в неделю быть на подсобном хозяйстве. Будешь следить за всем этим и мне докладывать. Понял?

- Так точно.

- Вопросы есть?

- Вы просили напомнить по поводу машины.

- Молодец! А то я уже забыл. Машины для нас уже пришли в Одессу. Сегодня четверг. Поедешь туда во вторник. В воскресенье и понедельник у них выходной. Фамилию твою я начальнику «Военторга» прямо сейчас подам. Но это не должно тебя расслаблять. Политический отдел тебе доверяет. А это много значит! Не подведи.

- Оправдаю, товарищ капитан первого ранга.

- Иди. И держи меня постоянно в курсе дела.

-6-

Подсобное хозяйство заработало на полную мощь, обещая в ближайшем будущем большую прибыль. Соколенко крутился как волчок. Вместе с ним крутились и все остальные.

-7-

Анатолий твердо знал, что нельзя ждать милостей от природы. Их надо брать самому и очень быстро. Иначе их возьмет кто-то другой, более хитрый, нахальный, изворотливый и поэтому везучий. Он решил не ждать вторника, а поехать в Одессу в субботу. Чтоб не опередили. Уж больно хотелось стать обладателем собственного автомобиля. А то обещания могут так и остаться обещаниями.

-8-

- Добрый день. Я приехал за машиной из Николаева. Моя фамилия Соколенко, - дорогой костюм, плотная фигура и открытое приятное лицо делали похожим его на большого начальника. Держался он легко, свободно и открыто.

Женщина порылась в бумагах, - документы, деньги у вас с собой?

- Конечно. Я же приехал не смотреть, а покупать.

- Посидите. Сейчас подойдет мужчина и отведет вас на смотровую площадку, - она куда-то позвонила по телефону.

Через пару минут в комнату вошел парень лет тридцати.

- Слава, товарищ приехал из Николаева за машиной. Проведи его и покажи.

На площадке, сверкая радугой красок, стояло двадцать с лишним автомобилей.
- Вот ваши, - парень подвел Анатолия к кремовым «Жигулям» и оранжевому «Москвичу», - Выбирайте.
- Выбирайте? Что-то здесь не так, - мозг лихорадочно заработал, - Значит можно выбрать? – мелькнула мысль. – Откройте, - он показал на «Жигули», - Я проедусь.
Мужчина открыл дверь. Соколенко сел, вставил ключи и сделал круг. Мотор работал, как часы.
- Беру. Где оплачивать?
- В магазине, разумеется.
- Туда можно и подъехать?
- Вы вначале оплатите, а потом… хоть на край света.

-9-

Через неделю на территории части появился знакомый Толиному глазу оранжевый «Москвич». О том, что он купил машину, в части еще никто не знал.
- Чья машина? - спросил он у дежурного по береговой базе.
- Начпо купил. Странно, что он взял себе такую машину.

- Начпо? – у Соколенко пробежал холодок по спине. Он вспомнил разговор о предложенном ему «Москвиче», - Теперь меня он сожрет с потрохами, - лихорадочно думал он.

Но по этому поводу его никто не вызвал. И при встречах с грозным начальником этот разговор вообще не поднимался. Видно начальник политического отдела не хотел опускаться в глазах мичмана ниже плинтуса. Хотя подножка для него была неожиданна и болезненна. Вскоре, правда, место «Москвича» заняли вишневые «Жигули». Но это уже потом.

-10-

Квартиру Соколенко получил лишь через два с лишнемгода, хотя прибыль от вверенного ему подсобного хозяйства была, ощутимой и весомой. Грамоту ему тоже не дали. Объявили только благодарность. Видно нанесенная мичманом обида еще долго торчала в сердце начальника политического отдела бригады кровоточащей занозой.

ДИЕТА

Вова, лишенный всеобщего внимания из-за своего гнусного характера, чувствовал себя на корабле не совсем уютно.

И хотя его огромная фигура всегда была у всех на виду, его как бы и не замечали.

Ведь не замечаем же мы рентгеновское излучение, протоны, электроны и многое другое, твердо зная, что таковое в природе есть.

Положение политработника, хоть и маленького, обязывало его быть на виду, если не у народа, то у начальников.

Фантазии, в этом отношении, у Владимира были просто безграничны. То он занимался боксом или до умопомрачения тягал тяжести, а то как лютый зверь кидался с тупой ненавистью на личный состав и проводил с ним воспитательную работу, от которой лопались барабанные перепонки, ломались ребра и стекла в иллюминаторах давали трещину.

В этот раз он решил худеть.

О его новом увлечении знали буквально все, от командира до последнего кока.

Методика была проста, но по отношению к себе, прямо скажем, жестока. Она заключалась в следующем. Вечером в ведре воды Владимир разводил два килограмма сухого молока и ставил его в теплое место на камбуз.

За ночь молоко скисало, издавая тошнотворный запах. До обеда это выпивалось. В десять тридцать он надевал на себя теплое зимнее белье (все это происходило знойным летом в Средиземном море), сверху химкомплект или, химгандон, как любовно его называли в Вооруженных Силах, и шел в машинное отделение, где температура доходила до пятидесяти градусов. Там высиживал ровно час. После чего заглядывал на камбуз, вылавливал из котла двухкилограммовый кусок мяса и сжирал его. По ходу движения заворачивал на секундочку к вестовым, перекусывал там и со спокойной совестью шел в каюту. Здесь начинался второй этап борьбы с лишним весом. Снимались костюм и мокрое белье, из штанов выливался пот. Белье тут же развешивалось на веревках.

Вытершись насухо и выпив залпом два литра холодного компота, он ложился и засыпал сном праведника. На обед Владимир уже не шел. Все знали,- Вова худеет.

Его каюту старались обходить стороной. Резкий запах пота, смешанный с молочнокислыми суррогатами кефира, делали атмосферу просто жуткой.

Все его начинания длились неделю, максимум две недели.

Бесславно начавшись, они бесславно и заканчивались.

ВЫРОДОК

Вова Кащенко был велик.

Нет, не умом. А только телом. Весил Вова без малого сто тридцать пять килограмм до оправления естественных надобностей и сто двадцать - после. За колебаниями веса он следил четко.

Пословица: «Сила есть, ума не надо» его характеризовала полностью.

Нахватавшись в Киевском военно-морском политическом училище высокопарных идей и лозунгов, уверовав в непогрешимость и вседозволенность политического лидера, которым он себя мнил, Кащенко начал свою службу с должности заместителя командира боевой части пять по политической части.

Завышенное мнение о себе, запредельное себялюбие, патологическая самозначимость, высокомерие, неуважение себе подобных, особенно моряков срочной службы, делали эту фигуру отталкивающей.

На корабле его никто не уважал. Но побаивались. Он в любую минуту, в зависимости от настроения, был способен унизить и оскорбить человека, как морально, так и физически. Именно за все эти же

качества его любили и ценили в политическом отделе.

Он мог без малейшего стеснения идти по кораблю и с такой силой выпустить из себя воздух в виде удушающих газов, что прогибались переборки, потели в иллюминаторах стекла и лопались плафоны на подволоке. Если, упаси Господь, в это время мимо шел матрос, он хватал его за грудки и неистово орал прямо в лицо:

- Ты что, сука, делаешь, когда мимо тебя офицер идет? Или ты его не уважаешь?

-Это не я, товарищ лейтенант, - бледнея, лепетал моряк.

- Ты хочешь сказать, что это сделал я? –багровел Кащенко, - Да? – и наносил несчастному удар в грудь, – Доложишь своему командиру, что я сделал тебе замечание. Понял? Не слышу?

- Есть доложить командиру, - шептал готовый заплакать матрос.

- Идите.

И скрюченный от боли матрос уходил по своим делам.

Шли годы.

Кащенко рос.

Но опять не духовно, а в ширину.

Курсантский багаж лозунгов и идей его вполне устраивал.

Шалости высокопоставленного дебила становились разнообразнее, но заканчивались всегда одним, - ударом кулака в грудь или сверху по голове.

- Товарищ матрос, подойдите ко мне, - в голосе слышалась ласка и радушие, - Вы птичек любите? (то же самое касалось зверей, пресмыкающихся и насекомых)

- Так точно, товарищ старший лейтенант, - кричал моряк (тихий голос Кащенко не любил).

- А вот им и скворечник, - кулак с силой впивался в грудь.

Увидев, что бескозырка или берет, одеты неправильно, - удар сверху по голове ему обеспечен, а если эмблема согнута, - прямой в лоб.

Где-где, а на камбузе он был «свой» человек. Открыв котел, пальцем подзывал к себе кока, указывал на огромный кусок мяса:

- В каюту его мне принесешь.

Перечить было бессмысленно.

Аналогично проводилась операция с колбасой, тушенкой, консервами и соком,

В вышестоящем политотделе высоко оценили «талант» молодого воспитателя, правильно проводящего в жизнь линию партии и правительства, направив его на учебу в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. После ее окончания он вернулся на тот же корабль, но уже

заместителем командира корабля по политической части, в звании капитана третьего ранга. Это было уже что-то. Впереди маячило светлое, безоблачное будущее.

Теперь он себя вознес на такую высоту, что даже не мог, встав на цыпочки до себя дотянуться. Но привычек молодости не утратил.

Народ гласит: «Сколько веревочки не виться…». Так оно и получилось.

Кащенко, вдруг ни с того, ни с сего, как Черт толкнул, решил сходить в народ. Спустившись в кубрик боцманской команды, он заприметил, что писарь простого делопроизводства, которому служить на корабле осталось две недели, вяло среагировал на его появление.

- Вы что, нюх к службе уже утратили, не видите, кто перед вами стоит? – хлесткий удар в грудь свалил моряка на рундук.

Выход в народ закончился плачевно: был сломан остистый отросток восьмого грудного позвонка. Моряк, оказавшийся умнее офицера с высшим политическим образованием, написал рапорт на имя командования. Рапорту был дан ход. Кащенко сняли с должности и перевели замполитом в военный строительный отряд, где он и закончил свою головокружительную карьеру.

Не люблю писать о сволочах. Но и их нужно знать в лицо.

КИНОСТРАСТИ

Кино сейчас плохое и разное. В основном, плохое, разумеется. Сюжет не блещет разнообразием: хорошие милиционеры ловят злых преступников, умные солдаты дурят тупых офицеров, мафия бессмертна, зло превалирует над добром. И все это с обязательным показом низкопробных сексуальных сцен. Сняли бы, естественно, и порнографию, но она запрещена законом, хотя многое и можно назвать этим словом.

Нет уже эпохальных фильмов или они настолько редки, что быстро теряются в этом массовом информационном видиомусоре. Скопировали американскую жестокость, - и вот оно вам отечественное насилие на весь экран. Смотрите и бойтесь.

Научились у мексиканцев снимать чушь и снимаем. Уже никто не помнит, что было в начале и трудно представить, чем все это закончится. Но четыре камеры в одной комнате продолжают засорять наши пустые мозги.

Киноиндустрия, получая бешеную прибыль, работает на износ.

Сериал был прост и не затейлив, с интригующим названием: «Счастливы вместе». Такое можно снимать всю жизнь, лишь бы деньги платили.

Шел восьмой месяц показа этой белиберды, но окончания не было и видно. Сюжет банален и пошл.

Мать, откровенная дура, постоянно хочет отца, человека тоже недалекого ума. Но он не может в силу различных причин: усталости, болезни, занятости растраченной жизненной энергии и всего другого, что не позволяет ему это сделать.

Их сын умен, но не красив. Мальчик хочет всех, но ему никто не дает.

Дочь. Красива, но глупа (в жизни это всегда так). Ей в этом плане сильно везет. С ней спят все, и она спит со всеми подряд.

И все это ежедневно крутится в разных интерпретациях.

Фантазии режиссера и сценариста беспредельны. Они просто будоражат и захватывают дух у провинциального зрителя.

Девятилетняя Настя, развалясь в кресле в позе Вакханки, не отрываясь, смотрела это чудо современной кинематографии. Из раскрытого в дикой улыбке рта катилась слюна, щеки лихорадочно пылали, очки сползали на кончик остренького носа. Она вся находилась по ту сторону экрана, сопереживая происходящее вместе с «героями » и живя их « муками ».

В комнату вошла Алина, студентка юридической академии, старшая сестра Насти. Не обращая внимание на сладострастную истому сестры, она

взяла пульт и переключила телевизор на другой канал, где начиналась вторая серия детективного сериала.

- Ты что здесь раскомандовалась? Ты разве не видишь, что я сижу и смотрю фильм? – завопила истерически Анастасия. Из ее глаз брызнули слезы, - Быстро переключила..,– на голове у Насти стали краснеть даже волосы.

На шум вошла мать.

- Что тут у вас происходит? Что за шум?

- Мама, - еще громче заголосила Настя,- Алина не дает мне смотреть телевизор. Пришла и распоряжается тут, как хозяйка. Со мной она уже не считается. Ей что, все позволено?

- А что ты смотришь? – спросила мать.

- Она продолжает смотреть этот дебильный сериал: «Счастливы вместе».

- Настя, я запретила смотреть тебе этот фильм. Ты что не понимаешь? Здесь сплошной секс. Ты еще маленькая. Одно и то же твердишь тебе каждый день и все напрасно. Кого мы растим? Отец военный, мать медицинский работник, - благополучная семья, а дочь как губка впитывает в себя всю эту грязь. Мне стыдно за тебя, Настя. Ты нас с отцом позоришь. Даже Алина не смотрит эту гадость. В этом фильме ничего умного нет. Чему он тебя сможет научить? – у матери тоже стали краснеть волосы.

- Что же мне, - всхлипывая, проговорила Анастасия, - всю жизнь теперь про Снегурочку смотреть и верить, как верит Алина, в деда Мороза? Так что ли? – она вскочила с кресла и, рыдая, выскочила из комнаты.

- Что делать? – думала горестно мать, - Как воспитывать? Улица и такие фильмы ей в сто раз милее, чем родительские слова. Все хорошее отторгается, – она любовно посмотрела на старшую дочь, погладила ее по голове и поцеловала, – И посоветоваться не с кем, - размышляла она, - отец вечно занят своей службой. Дети, дети… Мы были не такими. Куда мир катится?

К «ВЕЛИКИМ»

Не все, но абсолютное большинство гражданских лиц, достигших определенного положения в обществе, если таковое вообще имеется в нашей теперешней жизни, и возвеличив себя в собственных глазах до недосягаемых вершин, сморщив лоб, от посетивших их «умных» мыслей, сидя в мягком кресле персонального автомобиля, или некультурно рыгая от перенасыщения омарами в дорогом ресторане, а то и в сауне, держа на коленях бесстыдно развалившуюся девочку легкого поведения (на это денег им не жалко),

вдруг начинают рассуждать, что Они кормят армию, флот, милицию и всех остальных бездельников, типа учителей и врачей.

Когда-то давно, бездельники-врачи принимали Вас в роддоме из утробы матерей, даже не подозревая, что держат в руках своих будущих кормильцев, потом спасали от кори и гриппа, лечили пневмонию, ангину и гонорею.

Другие бездельники-учителя, дали Вам знания, научили читать, писать и считать. Затем другие бездельники, в институтах и техникумах, выдали дипломы о высшем и среднем образовании. Теперь Вы это забыли. А если и вспоминаете, то с ненавистью. Ведь именно Вы платите большие налоги, и отчисляют деньги в пенсионный фонд и фонд заработной платы.

Когда Вам исполнилось восемнадцать лет, Ваши родители с большими подарками приползли к бездельникам-врачам и дармоедам-военным. И те, выдав справку и военный билет, сделали Вас тяжело и даже неизлечимо больными. По всем этим документам жить Вам оставалось, минимум месяц. Но ... болезнь вдруг резко проходит, и родители устраивают Вас в престижное высшее учебное заведение. Спустя годы, Вы становитесь экономистом, коммерсантом или другим специалистом, занимающимся перекачкой государственных денег в собственный карман.

Теперь вы богаты, сильны и велики. Вы же не врачи и не учителя. Вы «элита» общества! Вы хозяева жизни! Вы мозг! Вы мысль! Вы, наконец, Звезда.

Вы говорите теперь умные вещи только по бумажке, написанной чужой рукой, едите зернистую икру за государственный счет, страдаете геморроем от мягких кресел и постоянно лечитесь от венерических заболеваний, заработанных в банях.

И вас за все это грабят какие-то недоноски.

За что?

Вы же очень хорошие!

Вы крепко спите ночью, даже если на сумасшедшей скорости сбили человека. Ведь за взятку все подтвердят, что он переходил в неположенном месте или был пьяный. Да и был ли он человеком, если шел пешком?

Вы вкусно едите, потому как от плохой пищи, у вас несварение желудка.

Вы живете в шикарных квартирах. А что такого? «Заработали» деньги и купили. Теперь пусть купят те, кого вы содержите. Где они живут сейчас и как, Вас это не касается.

У вас чудесная машина. В конце концов, не на бронетранспортере же вам ездить или комбайне. Это и не престижно, и, даже, стыдно.

Вы не читаете книг. А зачем? Мозги засорять? Для проявления зачатков интеллекта в таком же

обществе, вполне хватает анекдотов про ненавистных учителей, врачей, военных и милиционеров. Но как только вспомните, что вы их кормите, так сразу печень начинает шалить и артериальное давление подскакивает.

Такова наша жизнь. Таковы нравы. Такова среда обитания.

И жаль до слез, что по-настоящему умные люди не сидят на ваших местах, а пишут вам доклады, составляют отчеты, предлагают идеи, которые вы, выдавая за свои, изрыгаете с высоких трибун, получая за это звания, награды и новые высокие должности. Умных людей вы затираете, унижаете, уничтожаете. Вы их, боитесь. Но и без них не можете. Потому как сами ничего не умеете. Ведь еще в восемнадцать лет были признаны дебилами, шизофрениками и, просто, юродивыми. Таковыми вы и остались. Что горько, - вас становится все больше и больше. А те, кто несет вахту в море, небе и на суше, кто с риском для жизни ловит преступников, кто лечит и учит, остаются изгоями Вашего общества

Почему так? Почему дураки стоят у власти? Почему их больше? Почему растет число мужиков с бабским характером и женщин феминисток? Куда девалось мужество? А ведь оно куется там, где трудно. И только в армии юноши становятся мужчинами. Именно здесь жизнь воспитывает и

кует характер. Тот, кто преодолел все эти трудности, не способен предать.

О «Великие»! К вам обращаюсь я.

Если не будет военных, вы, как последнее быдло, будете пахать на тех, кто вас поработит. Не будет милиции, - все ваше богатство перейдет к преступникам, хотя вы сами от них не далеко ушли. И еще запомните, - нет выше профессии, чем Учитель и Врач. Одни дают знания, другие – здоровье.

Цените и уважайте труд тех, кто вас охраняет, учит и лечит. Именно они, а не вы, являются элитой общества.

Боюсь, что не поймете вы моей исповеди.

Книжек-то не читаете.

А жаль.

О РОДИНЕ

На берегу величавой реки Хопер, медленно несущему свои спокойные воды тихому Дону, среди непроходимых топей и лесов, на взгорье стоит поселок Бековo, что в Пензенской области, основанный еще в 1661 году. Это моя родина.

Здесь в 1953 году я родился, вырос и получил свое самое среднее образование. Отсюда и начался мой жизненный путь. Путь длиною в жизнь.

За поселком высится курган. По местным понятиям, это гора Шихан. Легенда гласит, что здесь захоронен татаро-монгольский полководец хан Ши. А курган насыпали воины своими шлемами. Правда это или нет, утверждать не могу.

Места здесь поистине красивы своей тихой, первозданной красотой. Воздух столь ароматен и тягуч, что создается впечатление, что им не дышишь, а его пьешь.

Когда-то, еще до революции, этим воздухом исцелялись больные, страдающие чахоткой. В советские времена, в бывшей купеческой усадьбе, размещался военный Дом отдыха.

В памяти этот край остался утопающим в яблоневом, сиреневом и черемуховом цвете, а река была полноводной с множеством заводей. Лес, из-за сильного весеннего половодья, стоял гутой и зеленый. В нем водилось несметное количество дичи и зверя.

В воскресные дни поселковый рынок кишил от изобилия. С близлежащих сел сюда везли бочками капусту, помидора, огурцы, соленые грибы, тонны яблок, мед. А мяса было столько, что трудно себе даже представить. Продавалась мука, зерно, живность и многое, многое другое.

Но все это в прошлом. Ветер демократических перемен коснулся и этого далекого края. Заросли травой крестьянские огороды. Дом отдыха с

успехом превратился в Дом престарелых. Но скоро и его, наверное, не будет. Здания рушатся, старики умирают. Огромную территорию бывшей здравницы с успехом осваивают богатые и власть имущие, вырубая столетние сосны и строя на их месте себе особняки.

Пригородный поезд, ходивший четыре раза в сутки до станции Ртищево и обратно, уже не ходит. Проложенные купцом Устиновым более сотни лет назад рельсы, в современных условиях потеряли актуальность. Поселок, оторванный от очагов культуры и цивилизации, медленно увядает.

Зато во множественном числе появляются, блеща безвкусицей, бары, аптеки и магазины.

Гибнет и многострадальный Хопер.

В советские времена высокие районные партийные руководители неплохо наживались за счет этой реки, закладывая каждый год в бюджет деньги на укрепление платины. Но укрепляли ее, если это слово сюда приемлемо, песком, используя дармовую силу «партизан» (в те времена так называли людей, призванных на военную переподготовку). Они сыпали песок, вода его размывала, а руководители считали свою прибыль, бессовестно рапортуя о своих злодеяниях областному руководству. Но наступала очередная весна. Большая вода смывала отрапортованные успехи районных чиновников.

Новые сметы, новые «партизаны», новая прибыль. И так из года в год. Менялось только руководство, но методы оставались неизменными.

Не оставался равнодушным к этому только Хопер. Он, прорвав в очередной раз платину, вырвался на простор, превратившись из широкой, величавой, спокойной реки в мелководную и быстроходную. Теперь он уже не разливался по весне на десятки километров, не питал своей влагой поля, луга и леса, не пополнял водой, обмелевшие за лето, озера и болота, а уносился бурным потоком к своему устью. Стал сохнуть и погибать лес.

Новых руководителей района это интересовало мало. Они в основном заботились только о себе, мечтая о более высоком, чем о своем поселке, продолжая швырять в народ непонятные лозунги.

Но не всегда только дураки руководят нами. Приходят иногда и умные люди. Им после себя хочется добрую память в сердцах людей оставить. Барами и магазинами славу не завоюешь.

Решил новый руководитель вернуть Хопру былую мощь: мост хороший через речку поставить и плотину добротную запрудить. Убедил высокое начальство, сделал проектную документацию, завез материал и… работа закипела.

Так уж мы устроены, - не может народ наш, даже для себя, сделать хорошо. Хорошо, - это даже как-то не по-людски. Наш принцип не зыблем:

«Украсть ящик водки, водку продать, а деньги пропить». Так мы жили, так живем, так, наверное, и будем жить. Печально, но факт.

Здесь получилось тоже самое. Суперкрепкий цемент мгновенно ушел налево. Деньги, разумеется, пропили, а платину крепили, чем Бог послал. Мост, правда, получился на удивление хорош.

Газеты, радио, телевидение, премии, награды, герои… Все это было по- настоящему.

Весна опять расставила все точки над и… Большая вода вдребезги разнесла новую платину. И Хопер снова побежал быстрым ручьем.

Теперь денег никто не дает. Правда их никто и не просит.

Как жаль, что не умеем мы и, главное, не хотим беречь то, что имеем. Почему-то живем одним днем. Что же тогда оставим мы после себя внукам и правнукам? Неужели пустыню?
Горько это осознавать и обидно.

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Сколько раз мы слышали эту фразу. И от начальника, и от друзей, но чаще всего от жены,
- Делай что хочешь!

Говорится она, естественно, на повышенных тонах.

По своей сути эта фраза является руководством к действию. Тебе дают разрешение делать все, что ты хочешь.

И что же?

Что мы после нее делаем? (а ведь могли сделать, ой как много).

Да нечего.

В лучшем случае идем на кухню или в другую комнату. И … ничего не делаем.

Почему?

Почему именно эта фраза тормозит, лишает, ограничивает наш порыва к действию?

Кто скажет?

А это важно.

Ой, как важно!

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ……5
ДРУЖБА……11
ОТПУСК……14
ШУТКА……26
СОТРЯСЕНИЕ……27
ЧУШЬ……32
РЕЦЕПТ……35
РЕАЛИЗОВАННОЕ ЖЕЛАНИЕ……39
НЕ ПОНЯТАЯ ШУТКА……42
ВНЕПЛАНОВОЕ МЕРОПРИЯТИЕ……44
И СМХ И ГРЕХ……45
СОЧУВСТВИЕ……47
ГЕРОЙ(повесть)……51
ОШИБКА……75
АНТИПОДЫ……76
ЗАКОН ПАРНЫХ СЛУЧАЕВ……79
ИНОРОДНАЯ ТЕМА……87
СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ……89
БЫТИЕ ФЛОТСКОЕ……92
ПОГОВОРИЛИ……96
НЕСОВМЕСТИМОСТЬ……97
ПОБЕГ……101
ПРОТИВОСТОЯНИЕ……106
ГОРЬКИЙ УРОК……109
НЕВЕЗУХА……111
О МУКАХ И СТРАДАНИЯХ……115
ЛЖЕБОЛЬНОЙ……118
О ЗДОРОВЬЕ, ПОГОДЕ И ДРУГОМ……121
ДИСКУССИЯ……127
ПРОСТО ВЕСНА……130
ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРЕПЕТИИ……132
УЗНИК……142
СЛЕЖЕНИЕ……159

АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС.....169
ЖЕРТВА КРАСОТЫ.....171
ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ.....182
НЕ РЕАЛИЗОВАННАЯ ЛЮБОВЬ.....186
КШУ.....189
ОШИБКА.....197
ТЕСТ НА ЗАВИСТЬ.....201
ПРОХОД ЭКВАТОРА.....206
РАДОСТИ И РАЗОЧАРОВАНИЯ ВСТРЕЧИ.....209
ПРОРОК.....212
ТАКОВА ЖИЗНЬ.....216
УРОКИ ЖИЗНИ.....220
ФЛОТСКИЕ ПРИМЕТЫ.....224
ИЗВРАЩЕНЦЫ.....228
ФИЗИОЛОГИЯ ЖИЗНИ.....231
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА.....233
ТОРЖЕСТВО.....236
БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО.....238
ДИЛЕММА ЖИЗНИ.....241
ЧАС УСТАВА.....243
СТЫДОБА.....245
О ШЛАКАХ И ДРУГОМ.....254
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....259
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ.....263
БЕЗРАДОСТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ.....266
КРЕСТИНЫ (повесть) 269
О РАЗГОВОРАХ ПЬЯНЫХ И РАЗНЫХ.....309
НОВЫЙ ГОД.....312
УДАЧА.....318
ИЗВРАЩЕННАЯ ШУТКА.....323
НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА.....325
РЕАЛИИ БЫТИЯ.....330
ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД.....332
В ПОИСКАХ НЕИЗВЕДАННОГО.....336
ПРЕСТУПНИК ПОНЕВОЛЕ.....342

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТ……350
МУДРОСТЬ НЕ ПОРОК……353
ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ……355
СМЕКАЛКА……358
ЗАТЯНУВШЕЙСЯ ПРАЗДНИК……363
ТРАГЕДИЯ……365
АНАЛИТИК……367
БДИТЕЛЬНОСЬ……369
БЕССОНИЦА……372
ПОВОРОТ СУДЬБЫ……373
БОЧКОВОЙ……378
ДОРОГИ СЧАСТЬЯ……380
ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ……382
МОРАЛЬНЫЙ УРОД……383
РАСПЛАТА ЗА ЯЗЫК……386
ЖИЗНЕННЫЕ ОБСТОЯТКЛЬСТВА……389
КОМАНДИРОВКА……390
МЕДОСМОТР……494
НОЧНОЙ ДРУГ……496
О СЛУЖБЕ, ДРУЖБЕ И ПРАЗДНИКЕ……497
ОМРАЧЕННОЕ ВЕСЕЛЬЕ……404
РАЗБОР……408
РАЗГОВОР……411
ЕЛКА……414
СТРОЕВОЙ СМОТР……416
ПЕРЕВЕРТЫШИ……419
ПАРАЛЛЕЛИ СЛУЖБЫ……423
ДИЕТА……436
ВЫРОДОК……438
КИНОСТРАСТИ……442
К «ВЕЛИКИМ»……446
О РОДИНЕ……450
ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА……454